КП 135
М-34
Мат-лы по
истории про-
фессионального...
сб 5
1927

КП
135
М34

КОМИССИЯ
ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО
ДВИЖЕНИЯ В СССР
ИСТПРОФ В·Ц·С·П·С·

МАТЕРИАЛЫ
ПО ИСТОРИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ
В СССР

Сборник 5

ИЗДАТЕЛЬСТВО
В·Ц·С·П·С
МОСКВА
1927

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач _____

Вологда, тип. „Сев. Печатник". Зак. 103

КП
135
М34

КОМИССИЯ ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ В СССР
ИСТПРОФ ВЦСПС

54675
2
ПРОВ. 193
331.88
МУЗЕЙ ЛЕНИНИЗМА
ОБ'ЕДИНЕННАЯ БИБЛИОТЕКА К.Ж.П.
ПОЛУЧЕНО
7881
721/4.

МАТЕРИАЛЫ
ПО ИСТОРИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ В СССР

СБОРНИК ПЯТЫЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВЦСПС МОСКВА
1927

ГПИБ России
10013744

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА РОССИИ

Главлит № 69.245. Тираж 3.000.

Типография РИО ВЦСПС, Москва, Крутицкий Вал, д. № 36.

КП
135
М-34

Статьи и очерки

Государственная публичная

М. ДЖЕРВИС.

К истории профессионального движения в Одессе.

I.

При изучении истории профессионального движения по отдельным районам России необходимо считаться с особенностями местной экономики, обусловившими некоторые уклоны в строении и деятельности рабочих организаций.

Если политические условия борьбы рабочего класса можно свести к общероссийскому знаменателю, — то влияние экономического фактора, при разнообразии хозяйственной структуры различных районов страны, должно быть учтено особо для каждой местности.

Выдвигаемое положение в особенности действительно для Одессы, строение хозяйства которой по своим характерным особенностям резко выделяло ее из числа других торгово-промышленных центров России.

Основное значение в экономике Одессы имели внешне-торговые операции, главным образом по экспорту зерно-продуктов и импорту произведений Ближнего Востока, Италии, Франции и Дальнего Востока. Вместе с тем, Одесса была краевым центром, к которому тяготел обширный район от Крыма до румынской и австрийской границы. На удовлетворение потребностей прилегающих губерний и была рассчитана одесская промышленность. Рост ее происходил чрезвычайно быстрым темпом:

	Количество предприятий:	Число рабочих (в тыс.):
1878 г.	142	3,6
1903 »	430	21,2

Таким образом, коэффициент роста численности пролетариата в Одессе в 6 раз выше общероссийского коэффициента для того же периода времени.

Но в местной экономике промышленность все же играла лишь подсобную роль. В фабрично-заводском производстве был занят очень незначительный процент населения Одессы.

Удельный вес местной промышленности выступает всего рельефнее в следующей таблице, иллюстрирующей состав одесского пролетариата. В 1903 г. было занято наемных трудом:

	В тысячах	% к общему числу.
В фабричном производстве	21,2	26,1
В ремесленном производстве	20	24,5
В торговле	32	39,5
В жел.-дорожн. и водн. транспорте	8	9,9

Половину всего одесского пролетариата составляют торговые приказчики и рабочие транспорта, почти четверть — ремесленные рабочие и только 26% приходится на фабрично-заводских рабочих. Соотношение будет еще более в пользу торговли и транспорта, если мы учтем трудно поддающееся определению количество портовых рабочих, рабочих извозного промысла и т. д.[1]).

В числе отраслей фабричного производства первое место, как по количеству предприятий, так и по выработке их, занимало в Одессе производство пищевых продуктов. На втором месте стояли предприятия по обработке металлов. Дальше идут предприятия по обработке животных продуктов производства: химическое, деревообделочное, текстильное:

Название производств.	Количество предприятий:	Сумма производства:
Обработка питательных веществ	148	50.640.451
» металлов	82	7.651.221
» животн. продуктов	35	6.194.999
Химическое производство	24	2.801.371
Деревообделочное	34	2.742.080
Текстильное	3	1.830.190
Остальные	104	3.230.360
Всего	430	75.277.143

Кроме 430 предприятий цензовой промышленности, принадлежавших частным лицам и акц. обществам, в Одессе функционировали еще казенные спиртоочистительные заводы, мастерские юго-западных ж. дор., добровольного флота, русского общества пароходства и торговли. Всего в казенных предприятиях было занято до 2.600 человек постоянных рабочих.

Как видно из приводимых ниже данных, господствующим типом предприятий были в Одессе мелкие фабрики и заводы с оборотом не свыше 100.000 рублей и с числом рабочих не свыше 50 человек.

	Сумма производства:		Число рабочих:	
	До 100 т. р.	Св. 100 т. р.	До 50 ч.	Свыше 50 ч.
Колич. предприятий	325	105	345	85
В % к общему числу	75,5	24,5	80,5	19,5

[1]) Цифровые данные взяты нами из отчета одесского комитета торговли и мануфактур за 1903—05 г.г. О количестве рабочих, занятых в местном транспорте, точных сведений не имеется.

Что касается крупных фабрично-заводских предприятий с числом рабочих свыше 500 человек, то таковых, если не считать железнодорожных мастерских и адмиралтейства РОПИТ'а, было только четыре: два сахарных завода, канатный завод и джутовая фабрика [1]). На это обстоятельство следует обратить особое внимание при изучении профессионального движения той эпохи.

II.

Рассматривая влияние экономических условий на развитие профессионального движения, мы должны учесть прежде всего господствующий характер одесской промышленности. Промышленность Одессы слагалась из большого количества мелких заводиков и полу-кустарных заведений, по которым была распылена большая часть одесского пролетариата. И только на нескольких более значительных предприятиях существовали группы рабочих в 500—2.000 человек.

Этим обстоятельством об'ясняется узко-цеховой характер одесских союзов. При высокой специализации производства и незначительных размерах предприятий рабочие, естественно, тянулись к об'единению по цехам.

В отдельных профессиях одной и той же отрасли производства условия труда были далеко к тому же не одинаковы. Например, средний заработок рабочего на заводе земледельческих орудий был почти вдвое меньше, чем в литейно-механическом производстве (400 и 230 руб.). Этим отчасти, об'ясняется раздельное существование союзов машиностроительных рабочих и литейно-механического цеха.

У химиков, где во всех специальностях условия труда были приблизительно одинаковы, рабочие были более об'единены, и там мы не наблюдаем дробления профессиональной организации.

У ремесленников об'единение носило наиболее раздробленный характер. Здесь в одном цеху возникало по несколько союзов. Так было, в частности, у портных. В 1905 г. в Одессе существовали особые союзы рабочих заказных верхних дамских платьев, «тандетников» (т.-е. работающих на магазины готового платья) и целый ряд других.

Преобладание мелкого производства обусловило еще одну характерную черту одесского движения. Стачечная борьба с мелкими предпринимателями была гораздо легче, чем с капиталистическими тузами. Поэтому, ни один фабрично-заводской центр не знает такого количества забастовок, как Одесса. Союзом деревообделочников за один 1906-й год было проведено 160 забастовок. Забастовки возникали обыкновенно по отдельным предприятиям и приводили в большинстве случаев к полной или частичной победе рабочих.

---

[1]) Все таблицы составлены нами по материалам одесского комитета торговли и мануфактур.

На крупных предприятиях стачечное движение протекало с гораздо большими трудностями. Низкий уровень заработка рабочих и общие неудовлетворительные условия труда вели к тому, что союзам приходилось требовать очень резких перемен в существующей системе.

На такие перемены предприниматели не шли без упорной борьбы, и последняя часто принимала ожесточенный характер. Со стороны предпринимателей применялись все средства для подавления стачек, вплоть до локаута и обращения за помощью к администрации. Переговоры сплошь да рядом срывались, и союзы были вынуждены отвечать за саботаж капиталистов, установлением единого фронта всех профорганизаций. Нет такого способа профессиональной борьбы, который не применялся бы в Одессе. В местной практике нередки были случаи бойкота того или иного предприятия со стороны всей массы организованных рабочих, причем это средство борьбы оказывалось обыкновенно наиболее действительным и заставляло предпринимателей итти на максимальные уступки.

Экономический застой 1902—7 г.г., принявший в Одессе очень острую форму [1]), и связанная с ним безработица также наложили отпечаток на деятельность одесских союзов и отчасти на их организацию.

Борьбе с безработицей одесским союзам приходилось уделять значительное внимание. Денежная помощь безработным, служа немаловажным стимулом для вхождения рабочих в проф. организацию, ложилась, однако, тяжким бременем на и без того скудные финансы. Этим не ограничивались затруднения, вызванные безработицей в деятельности профессиональных союзов. Безработица влияла на ухудшение условий труда, облегчая предпринимателям всякого рода штрейкбрехерство, как временное — на случай стачки, так и постоянное, — в форме замены членов союза неорганизованными рабочими.

В организационной структуре союзов крайнее развитие цеховщины, в практике профессиональной работы — интенсивность и успешность стачечной борьбы на мелких предприятиях и чрезвычайное обострение конфликтов с крупными капиталистами, многочисленные трудности, связанные с безработицей — вот главнейшие следы влияния местной хозяйственной обстановки на характер профессионального движения в Одессе.

---

[1]) Упадок торговли и промышленности, обусловленный русско-японской войной, в полной мере дал себя почувствовать в хозяйстве Одессы к началу экспортной кампании 1905 года. Количество вывезенного хлеба, составлявшее в 1903 году 144.000 пудов (25% общероссийского вывоза) упало в 1905 году до 71.000 пудов (10,9% общероссийского вывоза). Выработка местной промышленности сократилась по сравнению с 1903 годом на 33%.

Особенно резкому сокращению подверглось производство по обработке металлов, упавшее с 7 милл. руб. в 1903 г. до 3 милл. руб. в 1905 г.

III.

Если не считать нескольких полу-пролетарских союзов — банковских служащих, фотографов, журналистов, — все одесские союзы возникают значительно позже, чем в Москве и Петербурге [1]). Организация союзов началась в Одессе только в октябрьские дни.

Это об'ясняется тем, что Одесса вступила на общий путь революции значительно позже обеих столиц. События, аналогичные январским и февральским забастовкам в столицах, Одесса переживала лишь в мае. А исход этих событий — неудача восстания на «Потемкине» и связанного с этим восстанием выступления одесских рабочих — на несколько месяцев приостановили возможность открытой организации пролетарских масс.

Лишь после 17-го октября одесские рабочие получили возможность беспрепятственно осуществить свое право на об'единение. Первый практический шаг по пути организации профессионального союза был сделан рабочими машиностроительных заводов. На заводе «русского общества пароходства и торговли» был разработан устав, вынесенный затем на обсуждение общего собрания рабочих металлистов.

Руководящая роль в организации союза принадлежала рабочим социал-демократам. [2]) Социал-демократическая группа рабочих выступает, при поддержке и под руководством всей партийной организации в целом, и в роли основателя следующего по времени возникновения союза печатников.

Вопрос об открытии профессионального союза обсуждался в кружке печатников социал-демократов в первых числах ноября. Было отмечено, что настроение в пользу организации союза достаточно созрело в рабочих массах. Собрание решило использовать это настроение, взяв на себя почин в деле создания профессиональной организации печатников. Постановлено было созвать делегатское собрание от рабочих всех предприятий полиграф. производства для рассмотрения проекта устава.

7-го ноября состоялось собрание делегатов, в котором участвовало до 100 представителей от всех типографий города. После доклада представителя социал-демократической группы был заслушан проект устава и избрано временное бюро.

5-го ноября состоялось учредительное собрание союза мельничных рабочих. Присутствовало 70 делегатов от отдельных мельничных предприятий. Собранием для разработки устава была избрана комиссия

---

[1]) В задачи настоящей статьи входит, главным образом, освещение основных особенностей одесского движения. Вопрос о так назыв. истоках движения и о влиянии событий 1905 г. на рост профессиональных идей в рабочих массах Одессы освещены нами в очерке «Профессиональное движение в Одессе в 1905 г.». («Вестник Труда». М. 1925. Кн. VI).

[2]) Подр. см. нашу статью в сбор. «1905 год Рев. движ. в Одессе и Одесщине». Испарт Од. Окр.К -та КП(б)У. Од. 1925.

из 5-ти человек. В тот же день вопрос об организации профессиональных союзов был поставлен на обсуждение рабочих чайной развески Высоцкого. Постановлено было приступить к организации союза. В течение каких-нибудь 2-х недель зачатки профессиональной организации обнаруживаются в целом ряде производств. В газетах ежедневно появляются заметки об организационных собраниях союзов.

Необходимо отметить, что торгово-промышленные служащие, фармацевты, бухгалтеры и вообще пролетариат конторы и прилавка организовались с большими трудностями и на много позже, чем фабрично-заводские ремесленные рабочие.

Первые профессиональные митинги среди одесских приказчиков состоялись в первых числах ноября, но дело профессионального строительства натолкнулось на инертность и неорганизованность массы. Эта часть пролетариата не принимавшая, если не считать кратковременной и вялой забастовки приказчиков обувных магазинов (в мае 1905 г.), никакого участия в предшествующем ходе рабочего движения, была гораздо менее подготовлена к об'единению, чем рабочие фабричного и ремесленного труда. Общий под'ем захватил, однако, и ее. Во второй половине ноября началась организация союза, оформившегося лишь к концу декабря. Конторские служащие об'единились в особый союз конторщиков и бухгалтеров.

Во второй половине ноября и в декабре профессиональные союзы возникают почти во всех отраслях одесской промышленности. Число организованных союзов достигло к началу декабрьской реакции 30-ти [1]).

Роль инициатора устройства союзов выпала главным образом на долю местной социал-демократической организации. Комиссия по организации профессиональных союзов при одесском комитете Р.С.-Д.Р.П. и разветвления этой комиссии — районные бюро, приняли на себя как общее руководство профессиональным движением одесского пролетариата, так и текущую работу по об'единению рабочих отдельных профессий в профессиональные союзы.

Разработанный центральной комиссией примерный устав лег в основу устава большинства союзов.

Помимо выработки типового устава комиссия по организации профессионального союза оказывала молодым союзам и регулярную помощь советами и руководством. В ряде союзов возник, например,

---

[1]) К концу 1905 года в Одессе возникли следующие союзы: 1) печатников, 2) машиностроительных рабочих, 3) железнодорожников, 4) приказчиков, 5) банковских служащих, 6) агентов-коммивояжеров, 7) пекарей, 8) дамских портных, 9) мужских портных, 10) шляпочниц, 11) гильзовщиц, 12) конфетно-пряничного производства, 13) электротехников, 14) слесарей, 15) золото-серебряного цеха, 16) фотографов, 17) мукомолов, 18) ссыпщиков чая, 19) учителей, 20) служащих конки, 21) модисток, 22) заготовщиков, 23) жестяников, 24) шапочников, 25) цветочниц, 26) рабочих обойного производства, 27) щеточников и щетинников, 28) водопроводчиков, 29) дворников, 30) конторщиков и бухгалтеров.

вопрос о допущении в свой состав ремесленников одиночек. Особенно горячие споры происходили по этому поводу в союзе рабочих малярно-кровельного цеха. Рабочие вначале были склонны допустить в свою среду мастеров, не пользующихся наемным трудом. Последние, в свою очередь, претендовали на право совместной с рабочими организации. Понадобилось вмешательство районного бюро для того, чтобы этот вопрос был разрешен согласно с основами профессионального движения.

Встречались и такие спорные вопросы, которые вызывали разногласия в среде районных бюро. Такое разногласие возникло в бюро городского района по вопросу о допустимости еврейского языка на собрании. Бундовцы настаивали на безусловном допущении еврейского языка по требованию хотя бы одного лишь оратора. Представители об'единенного комитета Р.С.-Д.Р.П. высказывались в том смысле, что еврейский язык допустим лишь при условии знакомства с ним не менее чем одной трети собрания. Последняя точка зрения была принята и районным бюро [1]).

Начало существованию профессиональных союзов закладывалось обыкновенно в собрании делегатов от рабочих. А затем уже, после разработки устава, подыскания помещения и т. д., вопрос об организации союза выносился на утверждение общего собрания.

Организационная комиссия при об'единенном комитете партии использовала делегатские собрания, как опорный пункт для профессиональной пропаганды в рабочих массах.

Уже 2-го ноября комиссией было созвано собрание делегатов от предприятий различных отраслей производства, носившее обще-городской характер. В этом собрании был подвергнут обсуждению вопрос об организации союза. На следующем делегатском собрании (5-го ноября) был рассмотрен союзный устав, выработанный центральной комиссией.

Вообще, роль уполномоченных от рабочих как в первых, так и в последующих шагах профессионального строительства была очень значительна. Рабочие привыкли смотреть на выборных, как на естественных представителей своих интересов, и делегаты пользовались неограниченным доверием и уважением. Уполномоченные, высланные из Одессы в июньские дни, возвратились после об'явления манифеста 17-го октября и в большинстве своем образовали тот кадр, из которого составлялись правления союзов.

Среди рабочих, не принимавших участия в майских и июньских забастовках, подготовленного кадра работников не было и поэтому в этой среде организация союзов происходила со значительными трудностями. Долго не мог наладить работы союз заготовщиков. У приказчиков тоже долгое время не находилось лиц, которые были бы способны двинуть вперед союзную работу. В союзах этого типа образованию делегатских собраний и конструированию правления предшествовала длинная полоса митингов.

---

[1]) «Коммерческая Россия», № 255, за 1905 год.

Повсеместное формирование института делегатов было сильно ускорено закрытием властями университета, где происходило большинство митингов и рабочих собраний. С этого времени центр тяжести в руководстве деятельностью союзов повсеместно переходит к собранию уполномоченных.

IV.

В Одессе, как и повсюду, «временные правила 4-го марта» вызвали беспощадную критику. В органе одесского Ц. Б. [1]), мы находим обстоятельный разбор этого продукта творчества Государственного Совета. Свои выводы орган четко формулирует в следующих словах:

«Красной нитью от первого параграфа до последнего проходит полицейская забота о том, как бы рабочее движение не ускользнуло из под ее надзора».

Несмотря, однако, на эту критику, одесские делегаты на 2-ой всероссийской конференции профес. союзов голосовали за предложение Круглова, ставшего на точку зрения «использования» «временных правил».

После того, как эта точка зрения возобладала на конференции, одесские союзы поспешили предпринять все шаги, чтобы провести свои уставы через «особое присутствие». За образец при составлении легальных уставов был взять устав, разработанный Московским Ц. Б. Те части уставов, которые не нуждались в специальном приспособлении к требованиям закона 4-го марта (пункты об управлении делами союзов, об их средствах), представляют собой дальнейшее развитие устава 1905 года. В остальном уставы были переработаны так, что они не столько определяли программу деятельности союзов, сколько скрывали их истинные цели под маской внешней лойяльности.

Мы напрасно стали бы искать отражения боевого характера Одесских союзов в зарегистрированных Особым Присутствием уставах. Напротив того, мы подмечаем в последних чрезвычайно характерную черту: наиболее пролетарские по своему составу и революционные по своей деятельности союзы тщательнее других заботятся, чтобы в утвержденном тексте не было ни сучка, ни задоринки.

Машиностроительные рабочие, печатники, рабочие слесарно-механического цеха, электротехники, чаеразвесочники, союз рабочих по обработке зерно-продуктов точно копируют соответствующий параграф закона о целях «профессиональных обществ»: «Общество ставит себе целью: 1) выяснение и согласование экономических интересов своих членов и улучшение условий их труда, 2) содействие умственному, профес-

---

[1]) «Южный профессиональный листок». Одесса. 1906 г., № 1. Статья «Новый закон против профессионального движения», подписанная инициалами А. Р. и принадлежащая перу редактора журнала А. Ройзмана.

сиональному и культурно-просветительному развитию членов общества, 3) материальную поддержку своих членов».

В этом почти во всех уставах одинаково формулированном пункте чувствуется взгляд на изложение целей союза, как на необходимую отписку, ни в какой степени не определяющую истинного лица организации.

Лишь немногие союзы пытаются подвести легальное основание под все стороны своей деятельности: приказчики, фотографы, шляпочники формулируют свои цели, как защиту экономических и правовых интересов своих членов.

Пункты устава, гласящие о «деятельности союза», также у большинства союзов были составлены одинаково. Здесь главной задачей было формальное узаконение возможно большего числа отраслей союзной работы. Многие союзы оговаривают в своих уставах право на издание периодических органов. Понятно, что дело было не столько в фактической возможности для отдельных союзов издавать свой журнал или газету, сколько в том, чтобы вырвать у администрации признание за союзами наиболее широких прав.

Чем больше были проявления административного произвола в отношении тех или других «дозволенных законом» сторон деятельности профессиональных организаций, тем тщательнее эти права оговаривались в уставах. Культурно-просветительная работа союзов, вызывавшая постоянное противодействие местных властей, в уставах одесских союзов оговаривается поэтому наиболее подробно.

§ 5 устава союза машиностроительных рабочих гласит: «Для содействия умственному, профессиональному и моральному развитию своих членов общество устраивает: библиотеки, читальни, публичные лекции, экскурсии, чтения, курсы и собеседования с общеобразовательной целью и для выяснения текущих вопросов жизни, затрагивающих профессиональные интересы машиностроительных рабочих». Приказчики и фармацевты оговаривают в уставах право устройства клубов.

На практике, однако, культурная работа союзов, открывавшая поле для пропаганды социалистических идей, парализовалась административным усмотрением и в жизнь удалось провести только пункт об устройстве библиотек.

Во все почти уставы включены пункты, оговаривающие право на открытие отделений в других городах края [1]).

---

1) Устав союза машиностроительных рабочих предусматривал открытие отделений в разных местностях Херсонской губернии, устав союза портных и шапочников — «в разных городах Херсонской и прилежащих губерний», устав союза рабочих малярно-кровельного цеха — «в пределах Бессарабской, Херсонской и Таврической губерний».

Лишь немногие союзы (в частности, союз рабочих слесарно-механического цеха) не упоминает в своих уставах об открытии отделений.

Оговаривалось в уставах и создание разного рода вспомогательных учреждений: бюро юридической помощи, бюро труда [1]), справочного бюро [2]) и т. п. Все уставы предусматривали право союзов на организацию примирительных камер.

Приказчики внесли в свой устав также параграф о «третейских судах чести для разбора и решения недоразумений между членами общества на почве профессиональных интересов». Равным образом, во всех уставах оговаривается медицинская помощь членам союзов и выдача всякого рода пособий (во время безработицы и болезни, дорожного пособия и т. д.).

Что касается работы по защите интересов своих членов, то в этой области союзы также стремились обеспечить за собою максимальные права. Однако, рамки закона 4-го марта были не слишком просторны, и союзам приходилось ограничиваться лишь подробным изложением способов «мирного разрешения конфликтов». Союз приказчиков, согласно § 2 своего устава, «входит в соглашение как с отдельными хозяевами, так и с целыми группами или обществами их о нормировании заработной платы, рабочего дня и других условий труда, а также следит за точным выполнением как со стороны хозяев, так и со стороны своих членов, этих соглашений».

В некоторые уставы включен пункт о «выработке общих тарифов расценки на однородные работы» (уставы союзов рабочих слесарно-механического цеха, печатников, фотографов). Союз печатников, согласно устава, «выясняет размер заработной платы рабочих печатного дела и другие условия труда посредством анкет, опросов и т. д. [3]).

Все союзы включали в свой устав пункт о праве «делать представления о нуждах и пользах рабочих перед правительственными, общественными учреждениями и частными лицами». Условия периода реакции делали, конечно, совершенно бесполезными какие бы то ни было обращения к представителям власти и общественным организациям, и этот пункт устава имел значение только в том смысле, что узаконивал право союза на представительство интересов рабочих перед хозяевами.

Во всех уставах говорится с одинаковой категоричностью, что членами союза могут быть все рабочие данной отрасли производства «без различия политических и религиозных убеждений, а также национальности». Возрастные ограничения существовали почти во всех союзах. Возраст для права быть членом союза, был установлен от 15 [4]) до

---

[1]) Союзы: рабочих слесарно-механ. цеха, портных и шапочников, рабочих по обработке зерновых продуктов, шляпочников и многие другие.

[2]) Южное общество работников конторского труда, союз рабочих по обработке зерновых продуктов.

[3]) Подобный же пункт мы находим в уставе рабочих малярно-живописного цеха.

[4]) Союз рабочих слесарно-механ. цеха.

17 лет [1]). У фармацевтов возрастного ценза не существовало. Ряд уставов заключает в себе указание, что союз, не допуская в свой состав рабочих моложе известного возраста, «распространяет на них свое покровительство» [2]). Всеми союзами оговаривалось недопущение в состав членов хозяев, управляющих и, вообще, лиц, несущих административные обязанности.

Проведение союзных уставов через «чистилище» особого присутствия не встретило в Одессе сколько-нибудь значительных препятствий, по крайней мере на первых порах. Движение рабочих в сторону организации было здесь слишком мощно, чтобы упразднить его одним росчерком пера. Кроме того, регистрация большинства одесских союзов совпала с периодом деятельности первой государственной думы. Общественный под'ем и сопряженная с ним «благожелательная тенденция» властей в Одессе, как в крупном центре, имевшем своих особых представителей в думе, — проявлялись особенно сильно. Поэтому, здесь не было места тому слепому, упорному сопротивлению со стороны администрации, которое мешало легализации профессионального движения, хотя бы в соседних пунктах — Николаеве и Херсоне [3]).

Одесские власти «признали» профессиональные союзы, стараясь лишь направить их деятельность в наименее опасное для существующего порядка русло чистого экономизма. В этом отношении особым присутствием была проявлена чрезвычайная «предусмотрительность»: чиновники стремились создать из уставов одесских союзов плотину против революционных устремлений в союзной работе. Каждое слово устава, не вполне соответствовавшее букве закона 4-го марта, изгонялось с особой тщательностью.

Совершенно незначущие выражения обращали на себя внимание чиновников, и подлинники многих уставов сплошь исчерпаны красным карандашом. Острое недовольство особого присутствия вызывало упоминание о защите союзом правовых интересов своих членов. В некоторых уставах вычеркивалось слово «взаимопомощь», которое заменялось «поддержкой».

Более серьезное, по своему значению для работы союзов, противодействие вызывали пункты уставов об открытии отделений в других городах.

---

[1]) Союз рабочих печатного дела.

[2]) Союзы рабочих прачечно-красильного цеха и городского водопровода.

[3]) В Николаеве временный военный генерал-губернатор отказался внести уставы профессиональных союзов на рассмотрение особого присутствия, в виду «явно вредного направления деятельности профессиональных организаций». В журнале «Союз» мы читаем следующую корреспонденцию из Николаева: «В то время, как в соседней с нами Одессе профес. союзы об'единяют многочисленную армию пролетариата, у нас нет ни одного легализованного союза. Причина одна: властное «усмотрение» заботливого начальства, враждебно относящегося ко всем завоеваниям, добытым дорогой ценой освободительной борьбы». (Стр. 14).

Основываясь на параграфе закона, воспрещавшем для отделений самостоятельную организацию, — особое присутствие требовало, чтобы в уставах было точно оговорено это условие. Но в общем и целом Одесса принадлежит к тем немногим торгово-промышленным центрам, где регистрация союзов в течение всего 1906 г. не встречала особых затруднений со стороны правительственной власти. За интересующий нас период особым присутствием при одесском градоначальнике были утверждены уставы 53-х рабочих союзов [1]).

По времени регистрации одесские союзы распадаются на следующие количественные группы:

1906 год:					
Май.	Июнь.	Июль.	Август—Сентябрь.	Октябрь.	Всего.
14	10	3	15	1	43
1907 год					10 [2])

Из этой таблицы видно, что половина всех зарегистрированных уставов приходится на период с мая по июль 1906 года: в это время подавали на утверждение свои уставы союзы, возникшие в период «октябрьских дней». Уставы, утвержденные в августе—октябре, принадлежали союзам, возникшим уже после издания закона 4-го марта. Эти союзы учреждались, главным образом, служащими отдельных немноголюдных специальностей (например: служащими пароходных и транс-

---

[1]) 1) Рабочих печатного дела, 2) машиностроительных рабочих, 3) рабочих по обработке зерновых и семенных продуктов, 4) рабочих слесарно-механического цеха, 5) рабочих и работниц прачечных и красильных заведений, 6) рабочих—маляров, живописцев, кровельщиков и оклейщиков, 7) рабочих-электротехников, 8) приказчиков, 9) фотографов-рабочих, 10) рабочих золото-серебряного и часового производства, 11) конторщиков и бухгалтеров, 12) служащих-фармацевтов, 13) рабочих и работниц шляпочного и цветочного производства, 14) щеточников и щетинщиков, 15) рабочих по дереву, 16) хлебных рабочих, 17) рабочих портных и шапочников, 18) работников конторского труда (Южное общество), 19) рабочих и работниц пробочного производства, 20) рабочих чайной развески, 21) рабочих хлебо-кондитерского цеха, 22) рабочих винного дела, 23) рабочих, работающих при одесском городском водопроводе, 24) рабочих по обработке химических продуктов, 25) агентов Компании Зингер, 26) рабочих кожевенного производства, 27) рабочих строительного дела, 28) рабочих и работниц табачных, гильзовых и коробочных фабрик, 29) рабочих сапожного производства, 30) жестяных рабочих, 31) рабочих парикмахерского цеха, 32) рабочих конфектного и пряничного производства, 33) рабочих дамских верхних платьев, 34) рабочих рубальщиков кошерного мяса, 35) рабочих одесских казенных винно-очистительных складов, 36) служащих угольной и лесной промышленности, 37) рабочих обойного производства, 38) рабочих-заготовщиков обуви, 39) машинистов и механиков торгового флота Черного и Азовского морей и прилегающих к ним рек, 40) машинистов и развозчиков искусственных минеральных вод, 41) трубочистов, 42) рабочих пивоваренных заводов, 43) дамских портных и модисток, 44) рабочих и работниц бумаго-джутового производства, 45) рабочих сахаро-рафинадных заводов, 46) судо-

портных предприятий, угольной и лесной промышленности), либо возникали среди наиболее отсталых групп рабочего класса (рабочие казенных винных складов, бумаго-джутового производства, машинисты и развозчики минеральных вод, рабочие конфектно-пряничного производства). Наконец, в числе союзов, зарегистрировавших свои уставы в период с августа по сентябрь, были и такие, которые создались еще в «октябрьские дни», но лишились в период реакции своих организационных центров и потому не успели зарегистрироваться ранее.

Уставы, утвержденные в 1907 г. (менее 20% общего числа), частью принадлежали союзам, возникшим лишь в это время, частью же союзам, закрытым постановлением властей и возобновлявшим свою деятельность под новым названием. Так, закрытый в конце 1906 г. союз рабочих печатного дела возродился под именем союза типо-литографских рабочих (в феврале 1907 г.), а по закрытии последнего наследником его стал союз рабочих печатного производства (в декабре 1907 г.). Вместо союза рабочих по дереву возник союз рабочих по обработке дерева мебельно-столярного цеха.

С разгоном 2-ой государственной думы отношение особого присутствия к профессиональным организациям резко изменилось к худшему, в связи с переменой правительственного курса. К этому времени центральная власть окончательно убедилась, что никаких надежд на отказ профессиональных союзов от политической борьбы нет и что, напротив того, союзы стали надежной опорой социал-демократического влияния в массах. Представители капитала также все сильнее наседали на правительственные сферы с жалобами на стеснения, чинимые предпринимателям со стороны рабочих организаций. 10-го мая 1907 г. товарищ министра внутренних дел Макаров обратился к губернаторам и градоначальникам с циркуляром, в котором предлагалось «обратить самое пристальное внимание на личный состав и деятельность профессиональных союзов, допуская их легализацию лишь при наличности несомненных данных об отсутствии у них связей с революционными группами». 27-го июля того же года этот циркуляр был подтвержден еще энергичнее.

Администрация на местах, в том числе и в Одессе, поняла это распоряжение в том смысле, что выдача разрешений на открытие новых союзов являлась вообще несвоевременной. В том же смысле градоначаль-

---

вых команд черноморского торгового флота, 47) газетчиков, 48) рабочих консервного и колбасно-кишечного производства, 49) визитировщиков при хлебных конторах, 50) приказчиков при хлебных магазинах на Тираспольской заставе, 51) типо-литографских рабочих, 52) рабочих по обработке дерева мебельно-столярного цеха, 53) рабочих печатного производства. (Дело канцелярии одесского градоначальника о профессиональных обществах 1906 г. № 1, лит. «А»).

В этот список не вошли черносотенные союзы.

[2]) «Ведомости одесского градоначальника», №№ 104, 112, 140, 205, 222, за 1906 год. «Южный профессиональный листок», № 1; «Союз», № 1.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

нику было сделано представление и начальником охранного отделения. Особому присутствию были даны соответствующие директивы, и с этого времени для легализации союзов устанавливаются проволочные заграждения из всякого рода формальных придирок, преследовавших единственную цель — не допустить возникновения новых рабочих организаций. 22-го июня 1907 года было отказано в регистрации союзу рабочих каретного и конно-кузнечного цеха под тем предлогом, что «согласно проекта устава право приобретения имуществ предоставлено правлению, а не общим собраниям» [1]) 5-го февраля 1908 года особое присутствие отказало в утверждении устава «обществу одесских приказчиков», возникшему взамен закрытого в ноябре 1907 г. «профессионального общества приказчиков г. Одессы». В феврале же особое присутствие по представлению начальника охранного отделения не утвердило устава профессионального союза рабочих и работниц по изготовлению одежды, который должен был об'единять членов нескольких закрытых администрацией союзов рабочих портняжного цеха[2]).

V.

Легализация союзов явилась исходных пунктом новой волны роста профессионального движения. Неуклонно идя по намеченному второй конференцией пути постоянного «использования» временных правил об обществах и союзах, профессиональное движение одесских рабочих одержало ряд крупных побед в области экономических завоеваний и укрепления своих организаций.

С момента легализации союзов, их организационное строение отливается в строго определенные и законченные формы. Прежде всего, союзами организуется точный учет своих членов.

Право вступления в союз обусловливается в некоторых союзах утверждением делегатского собрания [3]), а в большинстве случаев согласием правления [4]). На отказ в приеме правлением в число членов союза можно было жаловаться общему собранию, которое окончательно решало вопрос. Союз машиностроительных рабочих ограничивал формальности приема подачей письменного заявления без последующей санкции правления.

---

[1]) Дело канцелярии градоначальника, № 1, лит. А, донесение одесского градоначальника директору департамента полиции от 25 сентября 1908 года.

[2]) Дело одесского охранного отделения о профессиональных союзах 1907 г., отношение одесского градоначальника начальнику охранного отделния от 11 февраля 1908 г. и отношение начальника охранного отделения градоначальнику от 13 февраля того же года.

[3]) Общество рабочих, работающих при одесском водопроводе.

[4]) Для принятия в союз конторщиков и бухгалтеров, а также рабочих золото-серебряного цеха требовалась рекомендация двух членов союза.

Само собой разумеется, что для вступления в состав союза требовалась принадлежность к соответствующей профессии. Большинство союзов толкуют эту принадлежность очень широко: союз рабочих золото-серебряного цеха принимал в число членов всех рабочих, так или иначе причастных к этой отрасли производства. Союз приказчиков, наоборот, применяет при приеме членов ряд ограничений, допуская в свой состав исключительно служащих при магазинах. Из конторщиков, работающих не при магазинах, могли быть приняты в союз приказчиков «только те, которые оказали важные услуги приказчичьему движению вообще, а развитию данного общества, в частности». Большинство же союзов придерживается средней линии, об'единяя рабочих по признаку профессий, но не вводя еще производственного принципа.

Таким образом один и тот-же союз деревообделочников об'единял в себе и рабочих мебельных фабрик и бондарей с пивоваренных и сахарных заводов. В то же самое время в союз табачников не принимались механики и слесаря, занятые на табачных фабриках [1]).

Обязанности членов союза по отношению к своей профессиональной организации выражались прежде всего в регулярном внесении членских взносов. Последние были одинакового размера почти во всех союзах — вступительный взнос в 1 рубль и 1% отчисления с заработка. В некоторых союзах, как, напр., в союзе машиностроительных рабочих, вступительный взнос был установлен в размере 50 коп. Однако, и этот союз впоследствии увеличил вступительный взнос до одного рубля, а регулярные взносы до 1—1½% [2]).

Неаккуратность в уплате членских взносов во всех союзах влекла за собой исключение. § 7 устава союзов приказчиков гласил: «член общества, не уплативший в течение 3 месяцев причитающихся с него взносов без уважительных причин, считается выбывшим из общества, с правом вновь вступить в него на общих основаниях». Золото-серебреники исключались за неуплату четырех еженедельных взносов, союз рабочих слесарно-механического цеха — за неуплату взносов в течение трех недель. Союз рабочих чайной развески устанавливает срок для внесения отчислений в 2 месяца.

Помимо обязательств перед союзной кассой, члены союзов должны были подчиняться требованиям профессиональной дисциплины, неисполнение которых могло повлечь за собой исключение из союзов по постановлению общего собрания.

Функции по управлению союзом делились между общим собранием, делегатским собранием (в некоторых союзах последнее называлось

---

[1]) Союз портных и шапочников внес в свой устав ограничения для закройщиков и квартирников, которые не принимались в число членов союза.

[2]) В союзе конторщиков и бухгалтеров ежемесячный взнос должен был быть не ниже 20 коп. и не выше 1 руб. 50 коп.

собранием уполномоченных) и правлением. Во всех союзах существовали также постоянные контрольные органы — ревизионные комиссии.

Общее собрание, созывавшееся через большие сроки и в многолюдных союзах носившее чрезвычайно громоздкий характер, не могло осуществить непосредственный контроль за действиями правления и решать все вопросы, которые выносились на широкое обсуждение рабочих—членов союза. Этому способствовало и еще одно обстоятельство: административные стеснения чрезвычайно тормозили созыв общих собраний.

Для иллюстрации тех затруднений, какие испытывали в этом отношении профессиональные союзы, приведем следующий пример: в декабре 1907 г. правление союза конторщиков и бухгалтеров подало градоначальнику «прошение» о разрешении созвать годичное общее собрание членов союза. Повестка дня, приведенная в прошении, не заключала в себе ничего «крамольного», даже ни одного острого вопроса: рассмотрение и утверждение отчета правления, выборы должностных лиц и текущие дела.

Генерал Толмачев, не будучи в состоянии придраться к первым двум пунктам повестки, обратил внимание на 3-й пункт и наложил резолюцию: «До указания точно текущих дел приказать отложить» [1]). Собрание было разрешено только тогда, когда от правления союза было получено засвидетельствованное нотариусом заявление, что «опасные для государственного порядка» текущие дела будут состоять в назначении жалования инкассатору и письмоводителю [2]).

Целому ряду союзов было отказано в созыве общих собраний без об'яснения причин. На разрешенных собраниях обязательно присутствовал представитель власти в лице какого-нибудь чиновника канцелярии градоначальника, или участкового паспортиста. Этот грубый и невежественный «администратор» самым непозволительным образом вмешивался в ход собрания, прерывая прения, требовал снятия с повестки тех или иных вопросов, а по окончании собрания обязан был подробно рапортовать обо всем там происходившем градоначальнику.

Естественно, что в такой обстановке не могло быть места сколько-нибудь серьезному обсуждению очередных вопросов внутренней жизни союзов. «После долгих усилий, — читаем мы в сборнике «Освобождение труда» [3]) — союзу рабочих по дереву удалось собрать общее собрание в городской аудитории. Правда, немногое могли мы сделать за те два часа, которые нам дали. $^2/_3$ товарищей не было на собрании, но все-таки мы прослушали отчет, избрали правление и... разошлись по домам, быть-может, на долгое время».

---

[1]) Дело канцелярии одесского градоначальника об утверждении устава профессионального общества «Союз конторщиков и бухгалтеров».

[2]) Там же.

[3]) Стран. 81.

Поэтому, в большинстве союзов, по мере усиления реакции, функции общего собрания переходят к собранию уполномоченных, и последнее начинает играть еще большую роль. Некоторые союзы формально передают делегатскому собранию право общих собраний. Другие, в которых института делегатов не существовало, вводят у себя этот институт: на общем собрании машиностроительных рабочих 9-го сентября 1907 г. постановлено было, в виду невозможности собрать общее собрание, по примеру других союзов, устраивать собрания уполномоченных [1]). В устав союза бухгалтеров и конторщиков соответствующие изменения были внесены еще в июле [2]).

Таким образом, руководство делами распределялось во всех союзах между двумя органами: делегатским собранием и правлением.

Непосредственное руководство экономической борьбой, ведение культурной работы, направление агитации и пропаганды, организация всех вспомогательных учреждений, наконец, взаимная связь с другими союзами и их об'единяющим органом — Центральным Бюро, — все это осуществлялось при посредстве правлений. Правления же связывали союзы с с.-д. организацией. Это отлично понималось администрацией, обращавшей на личный состав правлений главную долю репрессий против профессионального движения. Хозяева, в свою очередь, видели в правлениях союзов источник всех бед и злоключений.

Правления избирались на неодинаковые сроки в разных союзах. Сроки эти, в зависимости от устава, колебались от 6 месяцев до 1 года. Однако, в действительности, редкий состав правления удерживался на своем посту дольше 4—5 месяцев. Аресты и высылки вели к частым переменам в составе правлений, в особенности, среди председателей союзов. В союзе рабочих слесарно-механического цеха за 1½ года его существования переменилось 5 председателей (в том числе двое избирались на эту должность по 2 раза [3]). В союзе машиностроительных рабочих председатели за 2½ года менялись семь раз [4]). В союзе приказчиков, с августа по декабрь 1906 г., сменилось два председателя, два секретаря и 4 члена правления. [5]). Кроме предоставленного делегатскому собранию права досрочного отозвания членов правления, последние, согласно некоторых уставов, несли имущественную ответственность за нарушение денежных интересов союза [6]). Численный состав правления колеблется в разных союзах от 5-ти [7]) до 15-ти [8]) человек. В некоторых

---

[1]) Дело канцелярии градоначальника об утвержд. устава профессионального о-ва машиностроительных рабочих.

[2]) Дело об утвержд. проф. о-ва «Союз конторщиков и бухгалтеров».

[3]) Дело об утвержд. устава проф. о-ва рабочих слесарно-механического цеха.

[4]) Дело об утвержд. устава проф. о-ва машиностроительных рабочих.

[5]) Дело об утвержд. устава проф. о-ва приказчиков.

[6]) Устав союза рабочих золото-серебряного цеха.

[7]) Общество рабочих водопровода.

[8]) Общество хлебных рабочих.

союзах число членов правления было неопределенным. Это имело место в тех случаях, когда правление избиралось не общим собранием, а отдельными группами членов союза. Такой способ выборов применялся в тех союзах, которые составлялись из рабочих различных специальностей и делились на несколько секций или цехов. У портных и шапочников, об'единивших в одном союзе 14 отдельных отраслей [1]), правление избиралось следующим образом: специальности, насчитывающие 50 — 75 человек, выделяли одного члена правления, свыше 75 человек—двух. Мелкие специальности соединялись в группы. Такой же способ представительства был в союзе рабочих слесарно-механического цеха. В других союзах правление избиралось общим собранием. Председатель, секретарь и другие должностные лица, по большей части, выделялись из своей среды самим правлением. У печатников председателя не было, и обязанности его несли дежурные члены правления. Казначеи всюду избирались общим собранием. В некоторых союзах правлению было предоставлено право приглашать секретаря со стороны. Так было, например, и у печатников и у рабочих слесарно-механического цеха. Такой приглашенный секретарь принадлежал обыкновенно к числу партийных работников и посылался в тот или иной союз партийной организацией. У машиностроительных рабочих существовала должность исполняющего постановления правления. Эту должность занимал покойный П. И. Старостин.

Остальные члены правления избирались исключительно из числа рабочих данной профессии. В мае 1906 г. в число членов правления союза машиностроительных рабочих входило 5 рабочих завода РОПИТ'а, 2 — с завода Беллино-Фендрих и один рабочий Новороссийского завода [2]) В состав первого правления союза печатников входило 9 наборщиков и 1 переплетчик [3]). Подавляющее большинство этих рабочих не принадлежало формально ни к каким политическим партиям. Правления союзов были слишком на виду, на них было сконцентрировано внимание властей, и выдвигать в их состав заметных партийных работников было невозможно — это повлекло бы за собой немедленный провал. Поэтому в составе правлений мы встречаем почти исключительно беспартийных, но пользовавшихся определенным весом, большим уважением в массах и зарекомендовавших себя активным участием в забастовочном движении рабочих. Многие из них выдвинулись во время майских и июньских событий 1905 года. На них могли с равной уверенностью положиться и избиравшие их рабочие, и партийная организация.

VI.

Свойственная профессиональному движению той эпохи пестрота в размежевании союзов в Одессе особенно давала себя чувствовать. Правда,

[1]) «Освобождение труда», стр. 76.
[2]) Дело об утвержд. устава проф. о-ва машиностроительных рабочих.
[3]) Дело об утвержд. устава проф. о-ва рабочих печатного дела.

здесь существовало несколько производственных союзов (печатники, химики, джутовцы, строительные рабочие, машиностроительные рабочие), но большинство одесских союзов все же носило характер узко профессиональных организаций, принимая в некоторых случаях чисто цеховый характер. Об'ясняется это, конечно, условиями об'ективного характера: ремесленным строем одесской промышленности, текучестью личного состава рабочих на фабриках и заводах и, наконец, безработицей, которая заставляла рабочего держаться союза, об'единяющего его специальность, и не менять организации при перемене места работы и переходе в другую отрасль производства. Нижеприводимая таблица наглядно показывает господствующий характер одесских союзов:

Одесские союзы к сентябрю 1906 г.

ОТРАСЛИ ПРОИЗВОДСТВА	При нав. детеи. союзы	Профес. союзы	Цеховые союзы	Всего
Полиграфич. произв.	2	—	—	2
Метал.-обраб. пром.	1	3	1	5
Строит. дело	1	1	2	4
Морской транспорт	—	2	—	2
Обработка дерева	1	1	—	2
Кожевен. производ.	—	1	3	4
Швейная промышл.	—	1	3	4
Пищевая промышл.	—	9	—	9
Химическая промышл.	1	—	—	1
Текстильное произв.	1	—	—	1
Гигиена	—	—	2	2
Городское хозяйство	—	1	—	1
Медицинский труд	—	1	—	1
Торговля и конт. труд	—	5	—	5
	7	25	11	43

По количеству членов, профессиональные организации Одессы распадаются на две группы. Мелкие союзы с числом членов в 200—300 человек быстро достигали этой предельной для них цифры и затем останавливались в росте. Что же касается более крупных союзов с числом членов свыше 500 человек, то они, наоборот, обнаруживали тенденцию к непрерывному и прогрессивному росту, вплоть до полного охвата всех рабочих данной профессии. Это об'ясняется, конечно, тем, что крупные союзы и по своей экономической мощности, и по своему влиянию на предпринимателей, представляли из себя большую притягательную силу. К сожалению, у нас не имеется цифровых данных о количестве членов во всех без исключения одесских союзах. Поэтому приводимая ниже таблица страдает вынужденной неполнотой.

Число членов в одесских союзах.

1.	Союз машиностроительных рабочих	3.000	сентябрь	1906 г.
2.	„ рабочих печатного дела	1.000	июль	1906 „
3.	„ „ слесарно-механического цеха	700	„	1906 „
4.	„ „ по дереву	700	„	1906 „
5.	„ „ молярно-кровельного цеха	625	сентябрь	1906 „
6.	„ „ чайных развесок	450	„	1906 „
	Итого в 6 союзах	6.475		
7.	Союз рабочих конфектно-пряничного производ.	340	сентябрь	1906 г.
8.	„ конторщиков и бухгалтеров	300	„	1906 „
9.	„ заготовщиков	300	„	1906 „
10.	„ рабочих сапожного производства	200	июль	1906 „
11.	„ „ прачечного и крас. дела	200	сентябрь	1906 „
12.	„ „ шляпочно-цветочн. производ.	200	июль	1906 „
13.	„ „ фармацевтов	158	„	1906 „
14.	„ „ золото-серебрян. производ.	150	„	1906 „
15.	„ фотограф. рабочих	100	„	1906 „
16.	„ рабочих кожевенного производства	350	„	1906 „
17.	„ щеточников и щетинщиков	110	декабрь	1906 „
	Итого в 11 союзах	2408		

В дальнейшем крупные союзы обнаружили, как мы уже говорили, тенденцию к более быстрому росту, чем мелкие: в то время, как союз машиностроительных рабочих с июля по сентябрь 1906 г. возрос в 2½ раза, союз фармацевтов увеличился в своем составе лишь на 30%. Вообще, та быстрота с которой распространялось влияние союза машиностроительных рабочих, выделяет его из числа всех одесских союзов.

Число членов в одесских союзах на июль 1907 г.

ОТРАСЛИ ПРОИЗВОДСТВА	Число союзов	Число членов
Обработка дерева	4	410
„ кожи	4	270
„ металла	5	190
Изготовление одежды	4	480
Печатное дело	2	1600
Производство питательных продуктов	7	1720
Строительное дело	1	420
Торговля и услужение	3	2840
Прочие	5	1300
ИТОГО	35	9730

Таким образом, в 35 одесских союзах 1907 года было лишь на 10% больше членов, чем в 17 союзах через 1—2 месяца после их легализации. Так отразились на вовлечении масс в профессиональное строительство гонения царской власти.

VII.

При дробном характере одесских союзов, средства каждого из них были чрезвычайно невелики.

Средний месячный бюджет союза рабочих по обработке семенных и зерновых продуктов равнялся 103 рублям [1]). В кассу союза рабочих хлебо-кондитерского цеха за ноябрь 1906 г. поступило 270 руб. 76 коп. [2]). Средняя сумма ежемесячных поступлений в союз деревообделочников (один из самых крупных союзов) за период с августа по декабрь 1906 г. равнялась 350 руб. Касса союза рабочих-заготовщиков в августе 1906 года получила 328 руб.

Не богаче были союзы, об'единявшие служащих. Средний размер ежемесячного прихода в союзе конторщиков и бухгалтеров равнялся 206 руб.

Союз приказчиков за первый год своего существования заприходовал 3.017 р. 64 коп., что составляет 201 р. 50 коп. в месяц [3]).

Главная доля кассовых поступлений отчислялась в стачечный фонд. Существование этих фондов было легализовано под названием «запасных капиталов». Согласно устава, запасный капитал мог расходоваться лишь для крайних, неотложных нужд общества, например, при массовой безработице [4]). — иными словами при стачках и локаутах. По уставам расходование запасного капитала могло производиться по особому, в каждом отдельном случае, постановлению общего собрания. Однако, в связи с переходом функций общих собраний к делегатским собраниям, последние вскоре получили и право распоряжения стачечным фондом. В некоторых союзах правление пользовалось правом в неотложных случаях расходовать до 50% запасного капитала.

Учитывая важное значение стачечных фондов для боеспособности организаций, большинство союзов отчисляло в запасный капитал 75% всех поступлений [5]).

В менее боеспособных союзах, не ведших упорной стачечной борьбы, запасному капиталу уделялось гораздо меньше внимания: союз рабочих водопровода отчислял в этот капитал вступительные взносы и лишь 15% регулярных поступлений [6]).

Следующие данные позволяют судить о размере стачечных фондов в различных союзах: в обществе рабочих по обработке зерновых и семен-

---

[1]) «Освобождение труда», стр. 124.

[2]) Там же, стр. 128.

[3]) «Освобождение труда», стр. 122.

[4]) Устав союза приказчиков.

[5]) Некоторые союзы распределяли свои средства несколько иначе: в союзах портных и шапочников, а также конторщиков и бухгалтеров в запасный капитал поступали все вступительные взносы полностью, а из ежемесячных отчислений—60%

[6]) См. устав союза.

ных продуктов этот фонд составлял (на декабрь 1906 г.) 511 руб. 83 коп., в союзе конторщиков и бухгалтеров — 1.598 руб. 41 к., у деревообделочников—600 рублей [1]). В мелких союзах стачечный фонд был совсем незначителен. У фотографов, например, он не превышал 100 руб. [2]).

Недостаток средств в том или ином союзе при массовых и продолжительных стачках возмещался другими профессиональными организациями. Одесские союзы всегда шли на помощь друг другу, денежная поддержка бастующих товарищей других профессий практиковалась всеми союзами: во время большой забастовки на джутовой фабрике (летом 1906 г.) в стачечный фонд джутовцев поступали взносы всех без исключения профессиональных союзов Одессы. Поддержка оказывалась и бастующим морякам (осенью 1906 г.).

В повседневной работе союзов бедность их касс сказывалась, конечно, более резко. Здесь приходилось рассчитывать только на собственные ресурсы, т.-е. на те 25% членских взносов, которые в большинстве союзов уделялись текущим расходам. Сюда входили и организационные издержки, и жалованье секретарю, и взносы на издание печатных органов Центрального Бюро. Эти расходы поглощали весь остаток союзных сумм. Поэтому, на разные виды регулярной помощи своим членам у большинства союзов не оставалось средств. Фонд взаимопомощи не был отделен от общей кассы, и на его долю приходились лишь скудные крохи. Лишь в немногих союзах существовал особый «капитал пособий», не превышавший, обычно, 200—300 рублей.

В расходной графе «ссуды и пособия» у большинства союзов стоят очень скромные цифры. Союз конторщиков и бухгалтеров израсходовал за ½ года на выдачу ссуд 135 руб.; союз рабочих по обработке семенных и зерновых продуктов (за весь 1906 г.) 69 р. 65 к., союз фотографов (также за год) 65 р. 63 к. [3]). Наибольшую сумму израсходовал на пособия союз приказчиков, выдавший за первый год своего существования заимообразно и безвозвратно около 600 рублей [4]).

В отчетах профессиональных организаций мы совершенно не встречаем расходов на культурно-просветительную работу. Об'ясняется это тем, что, как мы уже говорили, административные стеснения сводили культурно-просветительную деятельность союзов к нулю, и она оставалась в области благих пожеланий. Единственным исключением из этого правила явилось устройство библиотек, расходы на которые выражались лишь в выписке немногочисленных газет и журналов и не превышали 20—30 руб. в год.

Ограниченные средства профессиональных организаций требовали, конечно, чрезвычайной экономии. Такая экономия проводилась с боль-

---

[1]) «Освобожд. труда», стр. 125—127.
[2]) Там же, стр. 123.
[3]) «Освобожд. труда», стр. 123, 125, 126.
[4]) Там же, стр. 122.

шой строгостью рабочими-руководителями союзов. Все они работали бесплатно. Исключение составляли только секретари, у которых работа по союзу поглощала без остатка все время. Секретарь союза рабочих по дереву получал 29 руб. в месяц, командировка члена правления того же союза в Николаев обошлась в 3 рубля.

Во всех кассовых отчетах союзов проглядывает бережное отношение к тем копейкам и гривенникам, которые рабочие несли в свой союз. Если союзы служащих еще позволяли себе кое-какую канцелярскую роскошь, то в рабочих союзах поражаешься незначительностью расходов по содержанию канцелярии. Например, канцелярские расходы союза рабочих хлебо-кондитерского цеха за ноябрь 1906 г. выразились в сумме 11 рублей.

VIII.

Функции Центрального Бюро первоначально выполнялись в Одессе Комиссией по организации союзов при Об'единенном Комитете Р. С.-Д. Р. П. Затем в период существования Совета Рабочих Депутатов была сделана попытка навязать задачи Центрального Бюро Совету.

Ц. Б., как постоянно действующий орган, начало работать в Одессе лишь после ликвидации Совета Рабочих Депутатов. Первые следы деятельности Одесского Ц. Б. мы находим во время работ 2-й Всероссийской конференции профессиональных союзов. В этой конференции участвовали представители Одесского Ц. Б.: Александров (А. Бовшовский) и Лукин (В. М. Турбин).

После легализации союзов, Ц. Б., запрещенное законом, продолжало работать нелегально, занимая видное место в организации одесского пролетариата и став тем центром, в котором об'единялись нити общего руководства профессиональным движением в Одессе.

Цель организации Ц. Б. представителям правительственной власти рисовалась в следующем виде: «так как помимо чисто политических вопросов, — пишет начальник охранного отделения, — профессиональные союзы занимаются также часто своими профессиональными нуждами, то каждый таковой союз представляет из себя почти автономную политическую единицу. Для об'единения всех профессиональных союзов в планомерной борьбе с правительством и предпринимателями с.-д. было организовано Центральное Бюро Профессиональных Союзов, состоящее из представителей тех же союзов, Р. С.-Д. Р. П. и Бунда» [1]).

Эта характеристика Ц. Б. страдает некоторою туманностью. Деятельность одесского Ц. Б. была хорошо законспирирована и долгое время ускользала от полицейского ока. Факт существования Ц. Б. стал известен полиции только в августе 1907 года, когда в порядке общего

---

[1]) Дело канцелярии одесского градоначальника о профессиональных союзах 1906 года, № 1, лит. А. Сообщ. нач. охр. отд. от 16 сентября 1907 года.

гонения на профессиональные союзы, были арестованы участники «незаконной сходки» в помещении союза слесарно-механического цеха. При расследовании эта сходка оказалась заседанием постоянно действовавшего центрального органа одесских союзов.

К моменту ареста в состав Бюро входили следующие лица: от союза хлебных рабочих Н. Л. Антонов, от союза рабочих слесарно-механического цеха Ю. И. Иосиевич и В. П. Ширман, от союза модисток М. И. Найда, от приказчиков А. Н. Татарчуков, А. М. Розенблат и П. С. Лагутин, от рабочих малярного цеха А. М. Розенберг, от газетчиков М. Я. Шлейфер, от печатников Ю. Д. Фон, от фармацевтов Л. Н. Подгут и С. М. Рогинский, от рабочих по обработке зерновых и семенных продуктов М. Г. Кричевский, от пекарей и кондитеров И. Г. Демковский, от машиностроительных рабочих А. В. Трофимов, от конторщиков и бухгалтеров Ф. Я. Лейфер, от рабочих золото-серебряного цеха Г. И. Кемельгор [1]).

Кроме отдельных союзов, в Ц. Б. были представлены также комитеты Р. С.-Д. Р. П. и Бунда. От с.-д. комитета в состав Ц. Б. входили А. С. Ройзман и Л. М. Шульман, от бундовцев Х. А. Клавир и Л. И. Ревич [2]).

В виде общего правила, в качестве представителей отдельных союзов, в Ц. Б. посылались секретари правлений, т.-е. те работники, которые составляли звено, связывавшее профессиональные организации с партийным аппаратом. Естественно, что при таком составе Ц. Б. последнее стало органом, в котором сосредоточилось политическое руководство профессиональным движением одесских рабочих. На его долю выпала также задача регулирования практики союзов в целях избежания всякого рода нежелательных уклонов и направления деятельности союзов по пути классовой борьбы.

Так именно представляло себе свои задачи Одесское Ц. Б. В программной статье, помещенной в № 1 (и единственном) журнала «Южный Профессиональный Листок» мы читаем: «Мы будем счастливы, если пользуясь опытом столичным и западно-европейским, мы окажемся в силах помочь местным профессиональным организациям оставаться на той почве, на которой единственно и мыслимо и возможно серьезное и вну-

---

[1]) Полиции не удалось установить полного списка Ц. Б. Других источников, позволяющих установить личный состав Ц. Б., в нашем распоряжении не было. Поэтому приводимый нами список отличается вынужденной неполнотой. Мы могли бы привести еще 10 или 12 фамилий, но материалов, позволяющих судить о том, представителями каких союзов они являлись в Ц. Б., а следовательно и установить неопровержимо их принадлежность к последнему, — у нас не имеется.

[2]) Дело канцелярии одесского градоначальника 1906 г., № 1, лит. А. Список № 1 участников сборища, застигнутого 4 августа 1907 года в помещении союза рабочих слесарно-механического цеха.

шительное профессиональное движение: на почве непримиримости классовых интересов, на почве классовой борьбы».

Как видно из этих строк, Одесское Ц. Б. видело свое главное назначение в направлении идеологической и тактической линии проф. организаций. Поэтому — здесь мы видим существенное отличие Ц. Б. одесских союзов от аналогичных органов других городов — оно совершенно отказывается от задачи обслуживания членов союзов различными видами помощи, предоставляя это инициативе отдельных союзов, и принимает на себя исключительно принципиальное руководство профессиональным движением одесских рабочих.

Организация юридической и медицинской помощи и т. п. функции Центральных Бюро Петербурга, Москвы, Екатеринослава и др. городов [1]) в Одессе всецело переходят к самим союзам и не загромождают деятельности Ц. Б. Задачей его становится не «служение отдельным союзам, а об'единение всей профессиональной деятельности» [2]).

Таким образом, один из основных вопросов профессионального движения той эпохи получил в Одессе совсем иное разрешение, чем в других торгово-промышленных центрах страны.

Этот вопрос заключается в том, какой характер должна нести деятельность Центральных Бюро: политически руководящий или служебно-технический, иными словами, должны ли были решения Ц. Б. носить обязательный или необязательный для отдельных союзов характер. В Петербурге между сторонниками этих двух противоположных взглядов разгорелась длительная полемика, разделившая профессиональных работников на два лагеря: в одном лагере были сторонники проявления союзами политической активности, в другом — представители течения, стремившегося придать профессиональной организации нейтральный характер. Таким образом, это разногласие обратилось по существу в принципиальный спор между большевиками и меньшевиками. В обеих столицах в этом споре победили меньшевики и центральным бюро был придан служебно-технический характер. В Одессе несмотря на то, что здесь руководство профессиональным движением принадлежало меньшевикам, вопрос был решен в чисто большевистском духе. Такому решению этого вопроса способствовал ряд причин, создавших в Одессе обстановку совершенно непохожую на условия Петербурга и Москвы. Прежде всего в Одессе существовала гораздо более, нежели в Петербурге, а впоследствии и в Москве, тесная личная связь между руководящими кадрами профессиональных и партийных организаций [3]). Личное влияние руководителей партийного комитета в Ц. Б. толкало их на использование последнего в целях планомерного, непрерывного руководства профессио-

---

[1]) Гриневич, стр. 44—48.

[2]) «Южный Профессиональный Листок», № 1, стр. 1.

[3]) По замечанию В. Гриневича, эта связь в провинции, вообще, была сильнее, чем в столице.

нальным движением. Во-вторых, в Одессе, где существовали чрезвычайные активные черносотенные и анархические организации, пытавшиеся, каждая по-своему, захватить в свои руки политическое влияние на рабочие массы, — настойчивее, чем где бы то ни было, проявилась необходимость в определенных политических выступлениях со стороны рабочих об'единений. В-третьих, — особо конспиративное положение одесского Ц. Б. не позволяло ему принять на себя какие-либо функции, связанные с открытой работой. Поэтому, в Одессе Центральное Бюро не бралось за осуществление технических мероприятий, которые могли бы заслонить перед ним основные цели его деятельности.

Как наиболее яркое проявление политической работы Ц. Б. отметим непрерывную и планомерную борьбу с попытками черносотенцев завоевать доверие рабочих масс, проведение выборной кампании во 2-ую государственную думу и агитацию против законодательных мер по рабочему вопросу, которыми смиренномудрые старцы из государственного совета надеялись внести успокоение в среду пролетариата. Непосредственное вмешательство одесского Ц. Б. в экономическую борьбу, проводимую отдельными союзами, имело место, главным образом, во время крупных выдающихся стачек, исход которых мог помочь или затормозить дальнейшую борьбу всех одесских рабочих. Эти стачки имели общее выходящее из рамок одной профессии значение и на поддержку их одесское бюро бросало все силы одесского пролетариата.

Таких выдающихся забастовок было 4 за все время существования бюро. Это — шестинедельная забастовка 1800 рабочих пробочных заводов, имевшая место летом 1906 года, забастовка на джутовой фабрике (осенью того же года), всероссийски-известная стачка моряков после разгрома первой Регистрации и, наконец, забастовка рабочих добровольного флота в августе того же 1906 года. Поводом к вмешательству Ц. Б. в забастовку рабочих пробочного производства послужило упорное нежелание заводовладельцев итти на переговоры с рабочими. Вмешательство Ц. Б. повело к передаче конфликта в примирительную камеру с равным числом представителей от обеих сторон и нейтральным председателем, избранным по взаимному соглашению. От Ц. Б. в состав камеры вошел один из гласных думы левого крыла. В результате примирительного разбирательства было достигнуто соглашение на основе 30% прибавки к заработной плате [1]).

Участие Ц. Б. в забастовке джутовцев выразилось в совершенно иной форме. Здесь стачка разгорелась в среде рабочих, неорганизованных еще в профессиональный союз. В процессе стачки в миросозерцании рабочих и, главным образом, работниц джутовой фабрики совершилась коренная ломка. «В процессе забастовки рушилось все старое понимание, и рабочие приучались мыслить по-новому. После долгого бесправ-

[1]) «Южный Профессиональный Листок», № 1, стр. 11.

ного существования они завоевали себе сносные человеческие порядки на фабрике. В процессе забастовки были отброшены все прежние традиции и, в особенности, вера в хозяина-благодетеля»[1]). Исход забастовки должен был решить — войдут ли джутовцы в общее русло рабочего движения или будут отброшены от него неудачной стачкой.

При таком характере забастовки поддержка стачечников была делом первостепенной важности. По призыву Ц. Б. отдельные союзы бросили свои силы и средства на помощь джутовцам. Профессиональными союзами и рабочими по предприятиям было собрано для забастовщиков и передано в распоряжение Ц. Б. 841 р. 46 к. Эта братская помощь дала джутовцам возможность стойко выдержать одинадцатинедельную стачку и добиться удовлетворения большинства своих требований. Благоприятный исход забастовки повел к возникновению при поддержке Ц. Б. профессионального союза рабочих бумаго-джутового производства.

Забастовка судовых команд имела место в начале лета 1906 г. и началась вследствие закрытия генерал-губернатором профессиональной организации моряков. Борьба велась под лозунгом права на об'единение и, понятно, Ц. Б. одесских союзов не могло остаться посторонним наблюдателем развертывающихся событий. Морякам была оказана моральная и материальная поддержка. В стачечный комитет вошел представитель Ц. Б. В пользу бастующих был произведен сбор, давший около 900 рублей[2]). И на этот раз общий фронт всех рабочих организаций Одессы взял верх над соединенными усилиями судовладельцев, полиции и черносотенцев. Существование «Регистрации судовых команд» возобновилось.

В четвертом случае вмешательства Ц. Б. в экономическую борьбу союзов стачка также носила принципиальный характер. Во время забастовки на заводе РОПИТ'а, к которой присоединились все рабочие мастерских Добровольного флота, администрация обоих заводов сделала попытку передать выполнение срочных работ заводам Рестеля и Беллино-Фендрих. Ц. Б. через союз машиностроительных рабочих заставило владельцев этих заводов отклонить передачу им заказов. Приведенные примеры наглядно иллюстрируют тактику одесского Ц. Б. Воздерживаясь от вмешательства в повседневную деятельность союзов, оно никогда не упускало случая бросить на чашку весов свое влияние там, где это оказывалось необходимым.

Гораздо шире было участие Ц. Б. в организационном строительстве профессиональных союзов. Помимо содействия учреждению новых союзов,

---

[1]) «Союз», № 1, стр. 24.

[2]) Гриневич приводит эту забастовку, как пример исключительной солидарности одесского пролетариата. (Описание хода забастовки см. у М. Адамовича (К. Арл.): «Летняя стачка 1906 г.»—«Мат. по ист. проф. движ.». Сборн. 4. Изд-во ВЦСПС. М. 1925 г., стр. 227—265. *Ред.).*

задачи Центрального Бюро определились тем значением областного центра, которое принадлежало и поныне принадлежит Одессе. Стремление одесских союзов распространить свою деятельность за пределы города и тяга организаций менее значительных городов края к об'единению в областном масштабе — должны были учитываться Центральным Бюро и отражаться на содержании его работы.

Создание постоянной связи с профессиональными организациями других пунктов области было необходимо и в силу об'ективных условий. Отсутствие определенной связи между профессиональными организациями провинции и крупных центров, неосведомленность и неизвестность, которыми окутали себя отдельные союзы, рождала ряд ненормальных явлений. При постоянном притоке свободных рабочих рук из провинции в большие города, притоке, значительно усилившемся благодаря притягательной силе общественной жизни больших городов, центры переполнялись свободными рабочими руками. Эти излишки ложились тяжелым бременем на союзы и, особенно во время массовой безработицы или забастовок, ставили перед ними прямо неразрешимые задачи.

Общее явление не минуло и Одессы. Рабочих маленьких городов области привлекали заманчивые условия труда, короткий рабочий день, высокая заработная плата, возможность порвать с патриархальными семейными отношениями провинциального хозяйчика .

Нередко борьба рабочих подрывалась неудержимым натиском новых безработных [1]).

Одесские союзы в собственных интересах должны были притти на помощь организации рабочих, тяготевших к Одессе городов. Центральное Бюро сделало первый шаг по этому пути, послав делегатов по южным городам для установления постоянных сношений с провинциальными союзами. На местах пришлось констатировать печальное состояние союзов. Николаев, при невозможных полицейских условиях, создал ряд тайных профессиональных союзов, которые долгое время влачили жалкое существование и, за исключением некоторых, распались. В Херсоне несколько раз пытались создать кое-что, но без определенных результатов. Кишинев выбивался из сил, ничего не сумев создать. То же было и в других городах.

В результате обследований Центральное Бюро взялось за работу по организации отделений одесских союзов в различных городах области. К этому времени (к осени 1906 г.), по инициативе отдельных союзов, в некоторых городах уже были созданы такие отделения. Печатники еще до легализации открыли свое отделение в Аккермане. Положение аккерманских печатников резко изменилось со дня вступления их в союз. Жалованье было увеличено на 5 рублей, обращение стало более вежливым. С тех пор связи на юге между рабочими печатного дела крепли.

---

[1]) «Освобождение труда», стр. 23.

Были открыты отделения в Херсоне, Николаеве, Бендерах, Тирасполе, а впоследствии и в Кишиневе [1]).

Союз рабочих по обработке зерновых продуктов вслед за печатниками также организовал отделения в Аккермане, Кишиневе, Оргееве. Правлением союза была разработана инструкция об управлении делами отделений [2]).

При содействии Центрального Бюро начались попытки к открытию отделений и со стороны других союзов. Попытки эти, однако, не всегда были удачны. Союз щеточников и щетинщиков создал отделения в Конотопе, Тульчине и Кодыме. Другие союзы прилагали все старания для открытия отделений в различных городах, но, частью вследствие административных препятствий, частью из-за неорганизованности провинциальных рабочих, открыть отделения больше никому не удалось. Машиностроительный союз не раз входил в переговоры с Николаевскими заводами, табачники долгое время прилагали усилия создать отделение в Херсоне. Ничем не кончились и попытки портных, намеревавшихся после всероссийской конференции союзов этой профессии приступить к организации юга [3]). Деревообделочники посылали одного из членов правления в Николаев, но и у них ничего не вышло.

Все же, всем этим союзам удалось завязать связи с провинциальными рабочими и, если бы не правительственные гонения, задача организации юга была бы в конце концов выполнена. Начало этому делу должно было быть положено на двух областных конференциях, — портных и торгово-промышленных служащих. Конференции эти, однако, не могли состояться «по независящим», как говорилось в то время, причинам.

Значение Одессы, как организационного центра, распространялось иногда и за пределы области. Громкое биение пульса одесских союзов отдавалось не только по всей правобережной Украине, но и в юго-западном крае. Уставы одесских организаций были обнаружены жандармами даже у профессиональных работников Вильны [4]) и Ковны [5]).

Влияние профессионального движения, получившего такое широкое развитие в Одессе, достигало отсюда даже мельчайших городков и местечек, затерянных в волынской глуши. Например, не подлежит сомнению, что организация союза в местечке Погребище, Бердичевского уезда, происходила под впечатлением виденного в Одессе устроителем Погребищенского союза, М. Лившицем.

---

[1]) «Освобождение труда», стр. 25.

[2]) Там же.

[3]) Там же.

[4]) Дело одесского охранного отделения 1907 г. о проф. союзах, № 49; запрос начальника виленского жандармского управления от 21 мая 1907 года.

[5]) Там же. Запрос начальника виленского охранного отделения от 22 мая 1907 года. У ковенского работника Х. Р. Рубина были найдены даже черновики уставов одесского союза.

Наряду с организацией провинции, одесские союзы уделяли большое внимание поддержанию связи с другими крупными центрами. Не говоря уже о том, что одесское Ц. Б находилось в регулярных сношениях с центральными бюро обеих столиц [1]), отдельные профессиональные организации в Одессе также установили постоянную связь с союзами других городов, расположенных за пределами одесской области.

Летом 1906 г., во время десятинедельной забастовки киевских печатников, последние прислали в Одессу делегата за материальной поддержкой. Одесским союзом рабочих печатного дела была проведена кампания обязательных отчислений в пользу киевских товарищей [2]), и места в киевских типографиях были об'явлены под бойкотом [3]). Равным образом, была под бойкотом и табачная фабрика Стамболи во время забастовки феодоссийских табачников. В сентябре 1907 г. союз дамских портных и модисток об'явил стачку из солидарности с забастовкой варшавских портных.

IX.

Одесские союзы участвовали во всех, за исключением одной, всероссийских конференциях, созывавшихся по вертикали (печатников, портных и чаеразвесочников).

Всероссийская конференция союзов рабочих чайной развески, местом созыва которой Гриневич ошибочно называет Москву, в действительности состоялась в Одессе [4]). На работах этой конференции, почти совершенно не освещенной в литературе, мы должны остановиться поподробнее.

Для участия в конференции с'ехались делегаты: Московского — (двое), одесского, екатеринбургского и челябинского (по одному) союзов.

Продолжалась конференция с 6-го по 10-е февраля.

На повестке дня, кроме докладов с мест, стояли вопросы об организации союзов и их отделений, о секциях, об условиях труда в развесках, о проведении стачек, о коллективных договорах, о союзах предпринимателей, о членских взносах, о всероссийском с'езде, о локаутах, о безработице, о взаимоотношении политических и профессиональных организаций и о государственной думе.

Заслушав доклады с мест, конференция решила на них не останавливаться, потому что вытекающие из них вопросы стояли в порядке дня и подлежали особому обсуждению. Следующим вопросом повестки стоял вопрос об организации союзов во всех городах, где существовали

---

[1]) Из провинциальных центров одесские союзы поддерживали наиболее регулярную связь с Екатеринославом.

[2]) «Союз», № 1, стр. 13.

[3]) Там же, стр. 28.

[4]) Это утверждение автора нуждается в проверке. До сих пор считалось несомненным, что конференция происходила в Москве. *Ред.*

чайные развески. Отметив, что на пути строительства мощной организации союзов рабочих чайных развесок стоит закон 4-го марта, конференция постановила организовать пока местные союзы и наметила для устройства союза города: Петербург, Варшаву, Казань, Нижний-Новгород, Самару, Пермь, Уфу, Самарканд, Тверь, Тулу, Чистополь, Троицк, Томск, Иркутск, ст. Манджурия и Харбин.

Руководящим центром организации чаеразвесочников конференция признала всероссийский с'езд, созыв которого предполагался в Москве.

Обсудив очередные задачи экономической борьбы рабочих чайной развески, конференция вынесла ряд резолюций, в одной из которых указывалось, что одним из основных требований рабочих является требование восьмичасового дня и что это требование должно выставляться во всех случаях конфликтов с предпринимателями. Из других резолюций по экономическим вопросам отметим резолюцию об отмене наградных к праздникам. По вопросу о применении женского и детского труда конференция вынесла постановление, в котором рекомендует «всюду и всегда требовать уравнения женщин и мужчин в области оплаты их труда и вовсе не допускать к работе детей до 16-летнего возраста».

Непосредственным результатом работ конференции было создание центральной стачечной комиссии чаеразвесочников и образование при ней стачечного фонда. Кандидаты в комиссию [1]) были намечены тут же на конференции и затем должны были подвергнуться баллотировке на местах.

Заслушав доклад по вопросу о коллективных договорах, конференция нашла, что для них нет еще никакой почвы. В интересах подготовки возможности заключения коллективных договоров постановлено было предложить отдельным союзам, наряду с выставлением экономических требований, добиваться признания хозяевами союза, как представителя интересов рабочих.

В конце работ конференции были рассмотрены вопросы о взаимоотношениях с политическими партиями и государственной думой. По обоим вопросам были вынесены резолюции [2]).

---

[1]) Комаров, Шитов, Суслов, Орлов, Ярочкин и Бабинцев.

[2]) Приводим эти резолюции полностью: «Обменявшись мнениями о партиях и об их отношении к профессиональным организациям, конференция пришла к заключению, что в интересах об'единения всей массы данной профессии союза рабочих чайных развесок для успешной ее борьбы с капиталистами, профессиональные союзы должны быть беспартийные; работа же членов союза, примыкающих к политическим партиям, не должна содействовать раз'единению, а единению всей массы чайных рабочих». «Обсудив вопрос о государственной думе, конференция пришла к выводу, что продуктивность работы государственной думы должна обсуждаться на местах, и местные союзы, каждый в отдельности, должен выносить соответствующие резолюции, кроме того, предпринять самые энергичные шаги к организации всего местного трудового населения на случай разгона ее».

Значение первой конференции рабочих чайного дела, — одной из немногих всероссийских конференций профессиональных союзов, которые удалось созвать в то тяжелое время,—заключается в том, что ей впервые удалось сплотить рабочих одной из самых отсталых и самых тяжелых, по условиям труда отраслей производства. У чаеразвесочников самый факт созыва конференции, — созыва, который в силу разбросанности чайных развесок по окраинам страны был значительно труднее, чем у портных или печатников — являлся громадным шагом вперед. Можно сказать, что конференция чаеразвесочников доказала, что солидарность рабочих и их стремление к об'единению способна преодолеть самые большие препятствия.

Одесская полиция была очень рассержена узнав, что под самым ее носом происходил с'езд рабочих организаций, и этот с'езд был впоследствии поставлен в вину одесскому союзу чаеразвесочников, послужив одной из причин его закрытия.

X.

Быстрый рост профессиональных союзов в Одессе имел следствием усиленный интерес к ним со стороны почти всех существовавших в городе партийных организаций. Не только социал-демократы и бундовцы, но и с.-р. и социалисты-сионисты, и даже союз русского народа, стремились завоевать себе позиции в профессиональном движении. Одни лишь кадеты стояли в стороне в позе благородного и несколько презрительного наблюдателя [1]).

Решающее влияние как в большинстве союзов, так и в их центральном бюро имел об'единенный комитет Р. С.-Д. Р. П., действовавший совместно с одесским комитетом Бунда.

«В Одессе, — читаем мы в одном из полицейских циркуляров, — почти все профессиональные союзы находятся под непосредственным влиянием Р. С.-Д. Р. П. и Бунда. Причем значительный перевес в профессиональных союзах имеет Р. С.-Д. Р. П.» [2]).

В отдельных союзах работали в качестве секретарей видные работники представители обеих партийных организаций. Секретарем союза рабочих хлебно-кондитерского цеха был П. Л. Антонов (Алексей), член общегородского комитета с.-д. партии и делегат от Одессы на V лондонском с'езде. Секретарем союза рабочих слесарно-механического цеха состоял Ю. И. Иосиевич, бывший член комитета Бунда. У приказчиков

---

[1]) На третьем с'езде кадетской партии хотя и была принята резолюция о содействии профессиональному движению, но на деле кадеты дальше пожеланий в этом смысле не пошли.

[2]) Дело охран. отд. о профессион. союзах 1906 года, сообщение директора департамента полиции начальнику одесского жандармского управления от 31 июля 1907 года.

в качестве секретаря работал А. Н. Татарчуков, член городского районного комитета Р. С.-Д.-Р. П. В правлении союза машиностроительных рабочих председателем был старейший одесский социал-демократ А. В. Трофимов. В союзе газетчиков был секретарем член бундовского комитета М. Я. Шлейфер.

Все эти лица входили и в состав Ц. Б., придавая этому органу однородный социал-демократический характер [1]).

Тесная связь профессиональных организаций с с.-д. партией и Бундом нашла формальное подтверждение в официальном представительстве обоих комитетов в Центральном Бюро. Представители обеих партий пользовались в Ц. Б. правом решающего голоса и благодаря своему положению в партии имели большое влияние в центральном органе профессиональных союзов [2]).

«Преобладающее общее направление профессиональных обществ социал-демократическое, — доносил директору департамента полиции одесский градоначальник Толмачев, — большая часть одесских профессиональных обществ в числе своих членов имеет лиц, представляющих собой серьезных деятелей российской социал-демократической рабочей партии и еврейской организации Бунда» [3]).

В том же смысле составлено предписание предшественника генерала Толмачева (Набокова) одескому полицеймейстеру, сделанное за полгода до цитированного нами донесения. Предлагая полицеймейстеру установить негласное наблюдение за деятельностью восьми наиболее связанных с партией союзов [4]) и. д. градоначальника писал: «теперь профессиональные союзы находятся почти-что все под влиянием названных партий и проводят в жизнь их программу» [5]).

Таким образом, социал-демократические организации имели в профессиональных союзах значительный кадр работников и солидную базу для расширения своего влияния на массы и для проведения партийной политической работы.

---

[1]) Члены Ц. Б. от приказчиков А. С. Розенблат, от фармацевтов — С. М. Рогинский, от маляров — Л. М. Розенберг были бундовцами, представители союзов: модисток — М. И. Найда, фармацевтов — Л. Н. Подгуг, печатников — Ю. Д. Фон, — социал-демократами. (Дело одесского охранного отделения о проф. союзах 1907 года, список участников сборища, застигнутого 4 августа 1907 года в помещении правления профессионального общества рабочих слесарно-механического цеха).

[2]) Входившие в Ц. Б. от с.-д. А. Г. Ройзман и Ш. М. Шерман были членами городского комитета партии, председатель Бунда К. А. Клавир — уполномоченным бундовского ЦК и другой представитель Бунда — Л. И. Ревич — членом пропагандистского коллектива партии.

[3]) Дело канц. град. № 1 лит. А, донес. градон. директ. департ. полиции от 13 июня 1908 года.

[4]) Там же, предписание градонач. полицеймейстеру от 13 декабря 1907 года.

[5]) Там же.

Гораздо уже была сфера влияния других революционных партий. Эсерам удалось провести своих работников в правление всего лишь двух союзов: рабочих по обработке дерева и рабочих строительного дела. Председателем первого был с.-р. Никонов, секретарем второго — член молдаванского района с.-р. организации А. Ф. Калиновский.

О деятельности с.-р. в союзе деревообделочников полиции удалось получить следующие сведения: при аресте члена южного областного комитета партии, д-ра Хаита, у него был обнаружен разработанный им устав кассы взаимопомощи профессионального общества рабочих по обработке дерева мебельно-столярного цеха. Помещение правления этого союза служило местом явок для прибывающих иногородних членов партии с.-р. и конспиративных заседаний партийных работников [1]).

Эсеровские методы борьбы получили в одесском союзе деревообделочников оригинальное применение... по отношению к рабочим, нежелавшим вступить в союз. Эсеры воскресили времена независимщины, избивая, вывозя на тачке и угрожая убить упорствующих рабочих, при чем один из союзных работников угрожал непокорным револьвером [2]).

У строительных рабочих деятельность эсеров протекала более гладко. Секретарь союза Калиновский, посланный на эту должность постановлением партийного комитета 13 мая 1906 года и проработавший в союзе до осени 1908 г., ничем особенным себя не проявил и ограничивался текущей работой по союзу [3]).

Наконец, четвертая социалистическая партия, претендовавшая на участие в профессиональном движении, — социалисты-сионисты—пользовались влиянием лишь в одном союзе рабочих винного дела.

Здесь деятельность эсесовцев проявилась в организации забастовки на винном складе т-ва «Кармель», причем одесский комитет партии вел переговоры с варшавскими своими единомышленниками о поддержке забастовки рабочими варшавского отделения той же фирмы.

В 1905 году с.-с. пытались завоевать себе позиции также и в союзе рабочих слесарно-механического цеха, но неудачно: их влияние было парализовано работой Бунда.

В общем, работа с.-р. и социалистов-сионистов в профессиональных организациях одесского пролетариата была крайне незначительна, и даже среди членов союза, в правлениях которых участвовали представители этих партий, их влияние не распространялось особенно широко.

Социал-демократы, напротив того, широко использовали свое положение в Ц. Б. и отдельных союзах, прежде всего в техническом отношении. Помещения союзов служили местом партийных сходок и собраний и пунктами, из которых распространялась с.-д. литература. Данные,

---

[1]) Там же.

[2]) Там же.

[3]) Там же, донесение градонач. директору департамента полиции от 2 октября 1908 года.

добытые жандармами, дают нам обширный материал для освещения этой стороны деятельности с.-д. в профессиональных союзах. 20-го апреля 1908 года полицией была арестована партийная сходка в помещении союза рабочих хлебо-кондитерского цеха. При этом была обнаружена заготовленная для чтения на сходке рукопись, «заключавшая в себе призыв к т. т. пекарям соединиться для отстаивания свободы в рядах борющегося пролетариата» [1]). Было обнаружено также 44 нелегальных брошюры. В помещении союза заготовщиков 3-го июня 1907 г. было арестовано совещание ответственных работников одесской с.-д. организации, с участием известного меньшевика П. И. Бронштейна (Гарви) [2]). Помещение союза рабочих дамских верхних платьев также служило «для сходок организации Р. С.-Д. Р. П. и в этом помещении при обыске 12 октября, 1907 г. были обнаружены 22 прокламации [3]).

Можно было бы привести еще ряд случаев нахождения в помещении союзов нелегальной литературы, обнаружения подпольных работников и т. д., но перечисление полицейских успехов все равно не даст даже приблизительного представления о числе случаев, когда распределение литературы и конспиративные партийные собрания ускользали от глаз полиции и проходили благополучно. Мы считаем, что приведенных примеров достаточно, чтобы пояснить способы технического использования союзного аппарата для нужд с.-д. организации. Гораздо важнее вопрос о той политической работе, которую одесские социал-демократы проводили на почве профессионального движения.

Волна экономических забастовок, организованных и руководимых профессиональными союзами, характеризующая движение одесских рабочих в период 1906—07 годов, давала обильную пищу для социал-демократической агитации и пропаганды. На почве борьбы за улучшение общих условий труда, даже за те или иные требования, одесские социал-демократы развернули работу по политическому воспитанию масс. Каждая забастовка использовалась с.-д. комитетом, причем, выпуская воззвания по поводу стачек и развивая агитацию среди забастовщиков, партийный комитет стремился продвинуть в массы ряд политических лозунгов. Интересно также отметить, что в тех забастовках, непосредственным руководителем которых было Ц. Б. союзов, последнее никогда не выступало от собственного имени, предоставляя это всецело инициативе с.-д. организации.

Если, таким образом, одесские с.-д. принимали деятельное участие в работе профессиональных организаций, направляя ее идеологически

---

[1]) Дело канц. градонач. № 1, лит. А, донесение градонач. директору департамента полиции от 13 июня 1908 года.

[2]) Дело одесского охранного отделения о профессиональных союзах 1907 г., список участников сборища, застигнутых в помещении проф. общества рабочих заготовщиков обуви.

[3]) Дело № 1, лит. А, донесение от 13 июня 1908 года.

и организационно, то одесские союзы, в свою очередь, проявляли значительную политическую активность, подкрепляя политические кампании, проводимые одесским комитетом Р. С.-Д. Р. П. всем своим влиянием в массах.

Позиция профессиональных организаций Одессы по основным вопросам политической жизни обусловливалась теми взглядами, которые создавались по этим вопросам в руководящих кругах местной социал-демократической организации. А так как преобладание в одесском об'единенном комитете партии (впоследствии в общегородском комитете) с середины 1906 г. укрепилось за меньшевиками, то и политические выступления профессиональных организаций Одессы имели ярко выраженную меньшевистскую окраску.

Политическая активность одесских союзов опровергла все рассуждения меньшевиков о «нейтральности» профессионального движения. Заявляя себя там, где это диктовалось «большевистскою опасностью», горячими сторонниками теории нейтрализма, ссылаясь при этом на Каутского и другие авторитеты [1]), — меньшевики во всех тех случаях, когда их влияние в профессиональных организациях было безраздельно и по близости не было опасных конкурентов, использовывали профессиональные союзы сколько могли в качестве орудия для проведения своей политической линии. В этом отношении они обнаружили трогательное сходство с с.-р., которые на словах требовали равноправия в профессиональных организациях, для всех социалистических партий, а на деле, как мы видели, пользовались находившимися под их влиянием союзами для партийных целей.

На страницах периодических органов одесского Ц. Б. меньшевистская агитация, проводимая под флагом профессионального движения, разворачивается широким фронтом. В сборнике «Освобождение Труда», вышедшем в конце 1906 г., большая статья была посвящена вопросу о беспартийном рабочем с'езде [2]). Автором статьи был видный одесский меньшевик Шеензон (Фридрих), принимавший в 1905 г. большое участие в организации союзов и совета рабочих депутатов. Этой статьей, направленной, вопреки рассуждения о нейтральности союзов, прямо против большевиков, одесские меньшевики старались подкрепить Аксельродовскую позицию в основном вопросе партийной жизни, в вопросе о том — быть-ли социал-демократической партии или же она должна раствориться в политически-инертной массе, стать беспартийной политической организацией пролетариата.

---

[1]) Гриневич в своей книге цитирует письмо Каутского бакинским с.-д. «В тех странах, где перед союзами стоят несколько социалистических рабочих партий, нейтральность союзов очень нужна, так как всякое раздробление пролетарских сил вредно, и, если единство профессионального движения требует нейтральности по отношению к различным фракциям, нужно ее проводить» (стр. 179).

[2]) «К вопросу о рабочем с'езде». «Осв. тр.», стр. 13—22.

Статья Шеензона, освященная, так сказать, именем одесского Ц. Б., была отмечена, наряду с другими подобными выступлениями, В. И. Лениным.

XI.

В позиции, занятой одесскими союзами по отношению к закону 15 ноября 1906 г., особенно рельефно сказалась гегемония меньшевиков в одесском профессиональном движении.

Делегатское собрание союза приказчиков вынесло по поводу закона следующую резолюцию: «принимая во внимание, что закон о нормировании труда служащих в торгово-промышленных заведениях издан с целью привлечь избирательные голоса приказчиков на сторону правительственных партий, что закон этот, не устанавливая минимума рабочего дня, не узаконяя полного воскресного отдыха и вводя в жизнь сверхурочные работы, — не суммирует завоеваний приказчиков за истекший период их экономической борьбы, что, предоставляя городским думам, сплошь состоящим из представителей промышленников, нормировать рабочий день, устанавливать воскресный отдых и определять время и количество сверхурочных работ, закон этот не может удовлетворить наших приказчичьих нужд и превращается в фикцию; считая что полное уничтожение эксплоатации приказчиков, наше физическое и духовное освобождение возможно лишь при победе всего пролетариата, борющегося за социализм, и борясь вместе со всем пролетариатом за таковое, мы, приказчики, будем вести борьбу также за уменьшение гнета капитала в существующем строе, отстаивая требования, общие всему российскому пролетариату (как созыв учредительного собрания), и используем данный закон для дальнейшей борьбы за ближайшие требования: 8-ми час. рабочий день, 42-х часовой отдых в неделю (определенный минимальный оклад жалованья), вознаграждение в случае отказа от должности, государственное страхование и другие пункты требований, выработанные третьим с'ездом приказчиков» [1]).

В правлении союза конторщиков и бухгалтеров также был поставлен доклад о новом законе. Докладчик дал следующую оценку этому мероприятию: «К великому нашему огорчению правительство крови и голода стало заботиться и о нас служащих в торгово-промышленных заведениях: 15-го ноября был опубликован новый закон о нормальном рабочем дне и праздничном отдыхе для обширного класса торгово-промышленного пролетариата. Закон этот по справедливости вернее всего является законом ограждающим интересы владельцев торгово-промышленных заведений».

Разобрав текст закона, докладчик перешел к «не менее важному вопросу об осуществлении этого закона в жизнь».

---

[1]) «Освобождение труда», стр. 116.

«Надзор за исполнением правил, выработанных смешанными комиссиями [1]), возлагается на городские самоуправления, — это значит, что правительство поручает хозяевам следить за выполнением хозяевами же ничего не говорящих ни уму ни сердцу законов»[2]).

Казалось бы, из всех этих рассуждений мог быть только один вывод — полный бойкот закона 15 ноября со стороны профессиональных организаций. В таком именно смысле и высказывались повсеместно большевики. Но тут-то и сказалась меньшевистская закваска руководителей одесских союзов. Согласившись с правильной оценкой закона докладчиком, правление союза конторщиков и бухгалтеров согласилось и с его совершенно невытекающими из этой оценки выводами: «отказываться от участия в комиссии мы конечно не должны. Мы должны извлечь из этого закона все, что может дать нам хоть малейшую пользу для нашей дальнейшей борьбы. Мы не должны уступать поле битвы нашим эксплоататорам» [3]).

В том же духе высказалось правление союза приказчиков.

Таким образом меньшевистские руководители толкнули одесские союзы к участию в комиссии, явное назначение которых было содействовать дальнейшему угнетению части одесского пролетариата.

XII.

В тесном союзе с одесской организацией Р. С.-Д. Р. П. проводят профессиональные союзы и кампанию по выборам во вторую государственную думу [4]).

В вышедшем накануне выборов издании Ц. Б. «Освобождение Труда» помещен призыв к союзам принять активное участие в выборах: «В настоящий политический момент внимание всей страны сконцентрировано на наступающих выборах в государственную думу. В близком будущем предстоит упорная схватка между двумя враждебными лагерями, между представителями старой России, с энергией отчаяния отстаивающей свои старые привилегии, и молодой Россией, страстно борющейся за действительное обновление всей страны, за действительную власть народа решать свои судьбы. В этой борьбе первое место занимает пролетариат. Где же, как не в рядах всего организованного россий-

---

[1]) Для разработки обязательных постановлений «об обеспечении нормального отдыха служащих в торговых заведениях, складах и конторах» согласно закону создавались смешанные комиссии в составе представителя от самоуправления, правительственной администрации, магазиновладельцев или их об'единений, а также от организации служащих.

[2]) «Освобождение труда», стр. 42—43.

[3]) «Освобожд. труда», стр. 43.

[4]) Выборы в первую гос. думу были, как известно, бойкотируемы соц.-дем. и профессиональные союзы не выступали тогда в качестве участников избирательной кампании.

ского пролетариата, занять место рабочим профессиональным союзам. Только в тесном единении со всем российским пролетариатом и выразительницей его интересов, рос. соц.-дем. рабочей партией, профессиональные союзы могут дать могучий отпор насильникам и душителям всего живого.

Мы твердо убеждены, что и одесские профессиональные союзы сумеют выполнить свой гражданский долг перед измученной и истерзанной родиной» [1]).

В проведении выборной кампании руководители Ц. Б. остались верны меньшевистским взглядам. Ими был выдвинут план создания организации, охватывающий всю рабочую массу: такой организацией должны были явиться избирательные комитеты, выбранные всей рабочей массой на каждом заводе или фабрике и об'единенные обще-городским избирательным комитетом с.-д.

Таким образом, одесские меньшевики должны были выступить на выборах не столько, как представители Р. С.-Д. Р. П., сколько от имени и по уполномочию той «беспартийной рабочей партии», которую так старались создать Аксельрод и др.

Это обстоятельство дало одесским меньшевикам возможность снова, и опять-таки на страницах профессиональной печати, дать бой большевикам по вопросу о ликвидации «заговорщического характера партии» [2]).

В ходе выборной кампании меньшевистский комитет вступил в предвыборное соглашение с кадетами и еще несколькими мелкими либеральными группировками, образовав прогрессивно-демократический блок. Если для меньшевиков такое «грехопадение» было делом привычным, то профессиональные союзы, вовлеченные в этот блок своими меньшевистскими руководителями, очутились в совершенно противоестественной близости с партией и с теми самыми предпринимателями, против которых они вели такую ожесточенную стачечную борьбу.

В результате, кадеты жестоко об'егорили меньшевиков, а с ними и профессиональные союзы. Ряд меньшевистских лидеров (между ними популярные врачи: Богомолец и Диатроптов) даже не были включены в списки выборщиков, а в михайловском избирательном участке, где с.-д. пользовались большими симпатиями населения, в избирательный список кандидатов прогрессивного блока были включены кто угодно, Даже пресловутый С. М. Гутник[3]), но только не социал-демократы. Кадеты добились проведения в число выборщиков 53-х кандидатов различных либеральных национальных партий. Социал-демократам удалось про-

---

[1]) «Осв. труда», стр. 7.

[2]) «Осв. труда», стр. 11.

[3]) Один из лидеров одесских к.-д., в последующие годы председатель одесского биржевого комитета и министр в правительстве гетмана Скоропадского.

вести лишь 14 выборщиков [1]). В депутаты был избран кадет, присяжный поверенный Пергамент.

Первое выступление одесских профсоюзов на арене предвыборной борьбы вышло, таким образом, не совсем удачным, а блок их с кадетами, носил совсем уж нелепый характер. Но тот успех, который в первой стадии выборов имели среди рабочих-избирателей социал-демократические кандидаты, обуславливался в значительной степени тем, что одесские с.-д. продвинули свое влияние в массы именно через профессиональные союзы.

После разгона второй думы, открытым политическим выступлениям одесских союзов наступил конец. Усилившаяся реакция стремилась лишить рабочие организации всякой политической физиономии. С момента ареста Ц. Б. и по мере ликвидации властями наиболее крамольных союзов, последние быстро теряют значение политического фактора.

[1]) «Одесские Новости», № 7143, от 30 января 1907 года.

С. Е. ЛИВШИЦ.

Профессиональное движение в Казани в 1905—07 г. г.

1. Пролетариат г. Казани.

Казань, расположенная в центре среднего плеса Волги, приобретает в XVIII—XIX в.в. значение одного из крупных торгово-промышленных, умственных и административных центров России. Крупная промышленность зарождается здесь при Петре I, который в 1714 г. основывает в Казани суконную фабрику («шерстяной завод»), перешедшую вскоре в частные руки, а в 1719 г. — помповый (кожевенный) завод. В конце XVIII ст. возникает большой государственный Пороховой завод (1787 г.). Развивается и частная фабрично-заводская промышленность.

Развитие Казани в торгово-промышленном отношении идет быстрым темпом в течение первой половины XIX ст., когда она является единственным посредником между Азиатской и Европейской Россией; однако, развитие пароходного сообщения по Волге и Каме (40-ые годы), а затем и продолжительная изолированность Казани от общей сети русских железных дорог (рельсовый путь коснулся Казани только в 1893 г.) создали ей сильных конкурентов на Волге (Самара, Нижний) и обусловили некоторое падение ее экономической роли. Это падение останавливается только в конце 90-х годов XIX в. (в связи с постройкой Моск.-Каз. ж. д.).

В начале 900-х г.г. казанская промышленность неуклонно росла, но росла медленно — по сравнению хотя бы с промышленностью таких городов, как Самара, Н.-Новгород.

Приведем несколько цифр, характеризующих развитие казанской частной фабр.-зав. промышленности: в 1893 г. фабрик и заводов (крупных и мелких)—184, рабочих—6.216 чел.; в конце 90-х г. г. фабрик и заводов—227, рабочих—8.697 чел. Сумма производства равнялась в 1893 г. 8.795.499 руб. в конце 90-х г. г. 11.305.626 руб., в 1900 г. — 13.342.254 р.

Среди всех казанских фабр.-завод. предприятий было три крупных завода—Алафузовский, Крестовниковский и Пороховой (казенный). Алафузовское предприятие представляло собой целую систему фабрик

и заводов, состоя из льнопрядильной и ткацкой фабрик, кожевенного завода, слесарной, сапожной, сбруйной и др. мастерских; в 1900 г. на заводе состояло 3.239 рабочих, в 1904—05 г. г. (в связи с заказами на армию) число рабочих доходило до 5.000—6.000 чел. На Пороховом заводе в 1900 г. работало 1.250 чел. На Крестовниковском заводе (вырабатывавшем мыло, свечи и кристаллический глицерин) было в 1903 г. около 2.500 рабочих. Кроме того, в Казани имелось (в 1893 г.) 14 кожевенных заводов, на которых работало 376 чел. (считая в том числе и рабочих Алафузовск. завода), 2 паровых мельницы (254 рабочих), 2 водочных завода (173 раб.), 1 китаечно-кумачная фабрика (105 раб.), 3 скорняжных заведения (152 раб.), 2 пиво-медоваренных завода (118 раб.), 2 чугунно-медно-литейных завода (100 раб.) и др.

Много было в городе ремесленных рабочих: печатников, портных, булочников, столяров, сапожников и т. д. Приказчиков насчитывалось до 6 тысяч.

Условия для развития рабочего движения в Казани были неблагоприятны. Постигавшие Казанскую губернию частые неурожаи (взять хотя бы тяжелые 1891, 1899, 1905, 1906 годы) разоряли массу крестьянских хозяйств и заставляли деревню выбрасывать в Казань (в остальных городах губернии промышленность была развита очень слабо) все новые и новые кадры ищущих заработка. В результате создавалась безработица и, как ее следствие, страшная дешевизна рабочих рук.

При таких условиях вести классовую борьбу было для казанского рабочего делом трудным. К тому же самые виды казанской промышленности, не требовавшие квалифицированных рабочих (кожевенное, мыловаренное, стеариновое и др. производства), приводили к тому, что подавляющая масса рабочих представляла собой страшно невежественный, безграмотный, косный элемент. Значительная часть рабочих не порывала связи с землей и летом уходила в деревню на полевые работы. Очень многие рабочие Крестовниковского, Порохового и др. заводов имели свои домишки в пригородных слободах, разводили огороды, имели коров. Неудивительно, что психология такого рабочего была полумещанская. Чистого пролетариата было мало.

Эксплоатировали рабочих беспощадно. На Крестовниковском заводе рабочие получали нищенскую заработную плату (меньше, чем на других заводах). За 11½ часовой рабочий день платили от 3 р. 50 к. в месяц; в «прессовой», где при страшной жаре приходилось прессовать 24 пуда в смену, платили до 8 р. в месяц. Только слесаря получали значительно больше — 25-28 руб. Дети получали совсем гроши: те, что чистили котлы—23 коп. в сутки. За ночную работу платили столько же, сколько за дневную. Вычетов, штрафов—масса. Обращение с рабочими — возмутительно грубое.

Казалось бы, как при таких условиях не быть стачке? Но дело в том, что хозяева завода держались «мудрой» тактики и старались не

выводить рабочих из терпения. Целая система выработанных ими мер приводила к тому, что рабочий чуть-ли не считал хитрых эксплоататоров своими благодетелями, отцами родными. Крестовниковские рабочие были почти сплошь чернорабочими, неграмотной, невежественной массой. Прослужив на заводе несколько лет, они потом каждый год получали небольшую прибавку и поэтому, дорожа своим местом, не осмеливались на пред'явление каких-либо требований. Администрация завода выстроила казармы, где поселила около 500 рабочих, да еще кормила их (и то, и другое за невысокую плату). Когда производство сокращалось, хозяева не всегда отказывали от работы лишним рабочим, а кормили и это время. Значительная часть крестовниковцев имела побочный заработок — уходила летом на полевые работы или имела свое хозяйство (дом) в городе.

Рабочие Крестовниковского и Порохового завода вплоть до Февральской революции не принимали почти никакого участия в рабочем движении. Состав рабочих на Пороховом заводе был тот же, что и на Крестовниковском заводе, но положение пороховиков было удовлетворительным: они получали заработную плату больше, чем на других заводах, а работали меньше.

Больше чистых пролетариев имелось на громадном Алафузовском заводе, и этот завод являлся всегда опорой местного рабочего движения.

В тяжелых экономических условиях находились ремесленные рабочие. Поистине каторжным надо признать труд булочных-подмастерьев. К августу 1907 г. в Казани было 17 кондитерских, 50 булочных, 7 пряничных, 10 бараночных и 50 калачных мастерских. В булочных и калачных работало от 3 до 20 рабочих в каждой, в кондитерских — от 6 до 40 чел., в пряничных и бараночных — от 10 до 30 чел. В кондитерских работали 12 час. в сутки, в пряничных—14 час., в булочных с одной сменой—14 час., с двумя—10 час., в бараночных—18 (!) час., в калачных с одной сменой—18 (!) час., с двумя сменами—12 час. Это в то время, как фабр.-зав. рабочий работал, согласно закону 1897 г., 11½ час. За такую каторжную работу рабочие получали гроши: рабочие кондитерских 12—40 руб. в месяц, а мальчики—3—6 руб.; в пряничных пекаря получали 20 р., подмастерья 8—12 р., мальчики 2—4 р.; в бараночных пекаря получали 15 р., подмастерья 12 р. (а зимой 8 р.), в калачных пекаря—12—20 р., подмастерья 6—10 р., мальчики 2—4 р., в булочных пекаря—20—30 р., подмастерья 10—20 р., мальчики 3—6 р. [1]). Раньше положение булочников было еще хуже, но благодаря стачкам 1901, 1905 и 1906 г. г. они добились некоторого улучшения своего кошмарного положения: увеличения заработной платы, установления праздничного и воскресного отдыха, некоторого уменьшения раб. дня и т. п. Во всех предприятиях хозяева выпускали в сутки два товара, т.-е. 2 раза пекли булки и пр., рабочих же держали обычно одну смену. Работа шла почти непрерывно. Спали подмастерья обычно в том же помещении, где рабо-

[1]) По ответам на анкету Казанск. Комитета Р. С.-Д. Р. П. (август, 1907 г.).

тали, вповалку, на грязных, менявшихся раз в год, рогожах, служивших для раскладки булок. В мастерских царила ужасающая грязь, их заполняли мириады насекомых; прибавьте к этому настолько сильную жару и духоту, что с полуобнаженного тела булочников нередко лился ручьями пот в тесто...

Приказчики только в 1905 г. добились установления воскресного отдыха. Длина рабочего дня приказчиков была не всегда одинакова, наименьшая равна 10 часам, наибольшая—16 часам; работали без всякого перерыва и смены, а обедали в магазине. Заработная плата мужчин в месяц — 20-30 руб., женщин — 15-20 руб., большая часть детей работала бесплатно. Некоторые приказчики жили на хозяйской квартире, получая хозяйское содержание, что значительно мешало развитию их самосознания и организации.

Следует отметить, что как среди рабочих, так и среди приказчиков значительный процент составляли татары.

Социал-демократическая работа началась в Казани еще в конце 80-х г.г. (кружок Федосеева), но соц.-демократам не удавалось втянуть в организацию сколько-нибудь значительные кадры рабочих. С.-д. организация базировалась на учащейся молодежи, рабочих Алафузовского завода, печатниках, булочниках и т. п. Жандармы время от времени совершали налеты на с.-д. организацию и надолго приостанавливали ее деятельность.

Характерную иллюстрацию малосознательности казанских рабочих в начале 900-х годов приводит В. Н. Залежский:

«...Однажды на одном из самых крупных заводов Казани—Алафузовском, — в одном из цехов начались какие-то трения с администрацией. Местная с.-д. организация решила это использовать для организации стачки. Было созвано нелегальное собрание рабочих, и один из присланных агитаторов начал свою речь, как обычно, с обращения «товарищи-рабочие».

— Какие мы рабочие,—раздалось из толпы,—мы мастеровые!»

В сущности, до 1905 г. в Казани не было ни одной настоящей стачки, если не считать стачки рабочих одной типографии в 1898 г. и булочников в 1901 г. Зато в 1905 г. стачечное движение разлилось широко. Три раза бастовал весь Алафузовский завод, в октябре—ноябре большую стачку провели печатники, бастовали некоторые другие заводы, приказчики, портные, булочники, столяры, слесаря и другие ремесленные рабочие. Почти все стачки носили экономический характер. В 1906 г. соц.-дем. организация, состоявшая почти сплошь из большевиков, насчитывала в своих рядах несколько сот рабочих [1]).

---

[1]) О работе с.-д. организации в Казани см. статьи С. Лившица «Очерки истории с.-д. организации в Казани в 1888—1904 г.г.», в №№ 1 и 2 журнала «Пути Революции», Казань, 1922 г., и статью «Каз. с.-д. организация в 1905 г.», в №№ 2/14 и 3/15 журн. «Пролет. Революция» за 1923 г., Москва.

2. Возникновение и деятельность отдельных проф. союзов.

Революция 1905 года дала могучий толчок организации рабочих профессиональных союзов в Казани. «Дни свобод» (конец октября—начало декабря 1905 г.), когда появилась возможность легальной работы, были периодом возникновения целого ряда проф. союзов. Проф. движение в Казани именно з а р о д и л о с ь в это время. «Вспомогательное Общество приказчиков» и «Общество взаимного вспоможения книгопечатников», существовавшие издавна («О-во приказчиков» было основано 13 марта 1866 г., второе общество — в 1885 г.), носили характер ж е л т ы х союзов, находились под сильным влиянием хозяев, которые тоже имели право входить в эти общества (уже один этот факт очень показателен), и ставили себе «мирные» задачи: взаимопомощь и культ.-просв. деятельность. Общества старались всячески отвлекать рабочих от классовой борьбы. Во главе «О-ва книгопечатников» стоял лидер местных черносотенцев А. Т. Соловьев, казначей университета и заведующий университетской типографией, рабочие которой составляли «О-во книгопечатников». Такие общества, конечно, не удовлетворяли большинства рабочих и приказчиков, им нужны были н а с т о я щ и е профессиональные союзы.

Первыми зашевелились п е ч а т н и к и, которые в октябре — ноябре 1905 г. провели большую стачку и добились проведения в жизнь ряда требований. Во время стачки функционировал стачечный комитет. На последнем стачечном собрании был поставлен вопрос об организации проф. союза. Третье собрание по этому вопросу (27 ноября) было об'явлено организационным; оно приняло устав, выработанный временным комитетом по организации союза (избранным на одном из предыдущих собраний) и открыло запись в члены [1]).

Официально «Союз рабочих печатного дела» основан был 19 февраля 1906 г. В марте был издан устав союза (в 500 экз.). Размер вступительного взноса был установлен в 50 коп., ежемесячный—30 коп. В июне 1906 г. союз обзавелся помещением на окраине города (это была квартира председателя союза Назарова на Дальне-Архангельской ул.); там же была устроена библиотека [2]). Из 600 рабочих печатного дела в Казани в союз входило в 1907 г. 150 чел. (т.-е. 25% всего числа рабочих). Весной 1907 г. наличность кассы равнялась 70 рублям. На всероссийской конференции союзов рабочих печатного дела (происх. 1 апреля 1907 г. в Гельсингфорсе) присутствовал 1 делегат от Казани и Козьмодемьянска [3]). (Козьмодемьянск — уездный город Каз. губ., в котором существовало отделение Каз. союза печатников).

---

[1]) «Волжский Листок», газета с.-д. направления. Казань, № 321, от 29 ноября 1905 года.

[2]) С.-д. газета «Волжск. Курьер», Казань, № 30, от 18 марта, и № 87, от 3 июня 1906 года.

[3]) «История ленинградского союза рабочих полиграфического производства», книга I (1904—1907 г.г.). «Коллект. труд», изд. Ленинградск. губотдела союза РПП

Революционное настроение казанских организованных печатников и симпатии их к социал-демократии хорошо характеризует принятая ими на собрании 4 декабря 1905 г. резолюция:

«Выслушав доклад представителя Московского союза печатного дела, мы, казанские рабочие печатного дела, приветствуем доблестную борьбу наших московских товарищей, особенно их борьбу за свободу печати.

«Торжество свободы печатного дела в Москве, в то время как в других городах и здесь, в Казани, продолжает действовать попрежнему цензура, показывает нам, как велика сила рабочих, сознавших свои интересы и выступивших в борьбу за них.

«Следуя примеру наших московских товарищей, мы заявляем, что употребим все свои силы для того, чтобы организоваться и, организовавшись, выступить на борьбу за свободу печати в Казани.

«Понимая, что сила рабочих только в единении друг с другом, что главным лозунгом рабочего люда должно быть: «Пролетарии всех стран соединяйтесь», — мы примыкаем к приглашению организовать всероссийский союз рабочих печатного дела и с этой целью пошлем представителя на всероссийский с'езд профессиональных союзов» [1]).

Союз печатников подвергался преследованиям властей и хозяев. В начале 1906 г. в правление союза стали поступать вести о том, что предприниматели увольняют рабочих, неугодных им, и даже таких, у которых имелись членские книжки союза. В ответ на подачу устава союза на утверждение был произведен обыск в помещении союза (квартира председателя союза Назарова), были конфискованы делопроизводство и денежные суммы союза (об этом словесно заявил Назаров). После этого обыска не было ни одного заседания правления. На местах возникли толки о краже денег союза, и союз стал разваливаться. Устав так и не был утвержден [2]). Надо отметить, что председатель союза—наборщик В. Е. Назаров — являлся весьма темной личностью: в деле Казан. Губ. Жанд. Упр—ния за 1907 г. «О союзе рабочих печатного дела» содержится утверждение начальника управления, что в 1903 г. В. Е. На-

---

1925 г., стр. 343—344. По др. данным, в союзе печатников состояло до 200 членов. («Отчет Казанск. комитета РСДРП», составленный 12 сентября 1907 года и найденный 13 сентября при обыске у Атабекова).

[1]) «Волжский Листок», № 329, от 9 декабря 1905 года. Мы можем с уверенностью сказать, что резолюция была вынесена гораздо более решительная и определенная, так как в № 330 «В. Листка», в отделе «Почтовый ящик», читаем: «Наборщикам. — Ваша резолюция вышла в измененном виде по независящим от редакции обстоятельствам». В переводе с эзоповского языка на русский это означает, что по резолюции прогулялся красными чернилами цензор, придав ей «приличный» вид.

[2]) Доклад А. Ястребова — «Первая губ. конференция рабочих союза полиграфич. произв.». Казань. 1920 г. Стр. 12—13.

заров состоял секретным сотрудником охранки, т.-е. провокатором. Другим провокатором, вертевшимся вокруг союза печатников, была Екатерина Шорникова, с.-д. (вероятно, меньшевичка), та самая Шорникова, которая сыграла в 1907 г. видную провокационную роль в деле предания суду соц.-дем. депутатов 2-й гос. думы; весной 1906 г. Шорникова появилась в союзе в качестве инструктора-организатора и стала проводить идею создания рабочего клуба вместо союза, для того, якобы, чтобы отвлечь внимание администрации; но клуб не возник [1]

Летом 1907 г. союзу пришлось вести борьбу с безработицей. Были закрыты 5 газет («Дневник Казани», «Волж. Листок», «Крестьянская газета», татарская «Казан-Мухбири» и чувашская «Хыпар»), и без работы остались около 27 человек членов союза и 30 чел. нечленов. Союз оказывал помощь безработным и его касса была настолько истощена, что союз отказался от выписки журнала «Жизнь Печатника» и считал невозможным внести процент отчисления в Ц.Б. [2]).

13 ноября 1905 г. организовался союз волжских судоходных служащих, в который, наряду с пролетарскими элементами (рабочие, матросы), вошли и близкие по своим интересам к хозяевам служащие (агенты). Устав союза носил первоначально боевой характер. Но вскоре же начались раздоры между указанными группировками, так как вторая из них оказалась недовольна «боевизмом» союза, выдвигая вместо борьбы с предпринимателями — взаимопомощь и удовлетворение культурно-просветительных потребностей. Вторая группировка победила, и на собрании членов союза 12 марта решено было из'ять из устава слово «стачка» [3]). Союз потерял свой профессиональный, боевой характер и превратился в нечто в роде «общества взаимопомощи».

Как только появилась возможность организации настоящих профессиональных союзов, приказчики—с.-д. (Б. Ф. Хржановский, Попов и др.) повели увенчавшуюся успехом агитацию среди приказчиков за создание боевого союза. 25 ноября 1905 г. на общем собрании приказчиков русских и мусульман был учрежден «Союз приказчиков и служащих торгово-промышленных предприятий» [4]), (позднее он переименовался в «Общество коммерческих служащих»). В новый союз валом повалили приказчики, и к концу декабря он насчитывал до 500 членов. С.-д. влияние в проф. союзе было очень слабым, ибо приказчичья масса была беспартийной, очень серой и обывательски настроенной. Союз попал под влияние к.-д. партии. Один из главных руководителей союза, П. А. Дубровин, был близок к к.-д.

---

1) Доклад А. Ястребова, там же.
2) «Жизнь печатника», № 6, от 7 июля 1907 г.
3) «В. Курьер», № 26, от 14 марта 1906 года.
4) «В. Листок», № 320, от 27 ноября 1905 года.

Союз снял большую квартиру с залой, приспособленной для сцены, устраивал спектакли, лекции; в этом помещении происходили собрания не только союза приказчиков, но и других союзов; там же союз устроил столовую. Склонности к боевой деятельности союз не обнаруживал. В мае 1906 г. союз об'явил бойкот торговой фирме А. Бахтеева за нежелание выполнить требования приказчиков и увольнение 12-ти служащих; союз булочников из солидарности поддержал бойкот Бахтеева [1]).

К августу 1907 г. в союз приказчиков входило до 700 чел. (около 11% всех приказчиков Казани), аккуратно платили членские взносы около 400 чел. [2]).

Портных побудила к организации проф. союза мысль об устройстве забастовки. Чтобы забастовку выиграть, нужно быть хорошо организованными, тесно сплоченными, иметь стачечную кассу; без союза не обойдешься. И 27 ноября 1905 г. состоялось организационное собрание професс. «союза портных и портних г. Казани». Организаторами явились портные с.-д. (В. Куклин и др.). В союз вошло в скором времени до 150 чел. [3]). Функционировал союз очень слабо. Устав союза был подан администрации на утверждение лишь в 1907 г. К концу июня 1907 г. в союзе портных от 120—130 записавшихся осталось только ядро человек в 25. Выписывали «Листок Портных», «Портной» [4]). В первой половине сентября 1907 г. в союзе состояло 28 членов, в кассе имелось 50 руб. [5]). В конце мая или начале июня 1907 г. правление союза, выслушав доклад представителя «Организац. Бюро по созыву Всеросс. с'езда портн. союзов» о задачах Орг. Бюро, вынесло единогласно резолюцию, в которой говорится: 1) о необходимости создания всероссийск. портновского союза; до созыва с'езда признать руководящим органом Московское Орг. Бюро; 2) дается обязательство содействовать организации всеросс. портн. с'езда и делать ежемесячные отчисления в кассу Орг. Бюро; 3) о необходимости участия в областной конференции портных всех проф. союзов, как партийных, так и непартийных; 4) о необходимости издания печатного органа [6]). Представитель Казанского союза участвовал на I-й областной Волжско-Уральской конференции портновских проф. союзов (26 августа 1907 г.).

11 декабря 1905 г. организовался не без участия с.-д. агитаторов союз рабочих по дереву (столяров), насчитывавший в середине

---

[1]) «В. Листок», № 349, от 4/I 1906 г. «В. Курьер», № 80, от 26/V, и № 89, от 6/VI 1906 г.

[2]) Письменный ответ на анкету Казанск. К-та Р. С.-Д. Р. П., 3 августа (Архив Каз. Г. Жанд. У-ния).

[3]) См. воспоминания Георгия Кокошина — «Швейники в профдвижении». («Известия ТЦИК», № 150/744 от 4/VII, 1922 г., г. Казань).

[4]) «Проф. Вестник», № 10, от 15/VII—сб. «1905—07 гг. в профессиональном движении». М. 1925 г., стр. 586 (письмо Востроknутова).

[5]) «Отчет Казанск. К-та Р. С.-Д. Р. П.», составленный 12 сентября 1907 года.

[6]) Журнал «Портной», Спб., № 3—4, от 9/VI 1907 г.

декабря до 80 членов. В состав союза входили: резчики, токаря, обойщики и позолотчики. Ученики допускались в союз по достижении 17-ти летнего возраста [1]). В течение всего 1906 г. союз раб. по дереву (точно так же, как и союз портных) почти не подавал признаков жизни. Устав был подан на утверждение только в марте 1907 г., долго не находилось даже лиц , согласных быть учредителями. Временное правление собиралось крайне неаккуратно [2]). «Союз по дереву совсем распадается, не собирается даже правление, а общего собрания не было с 1-го апреля»—так писал 22 июня 1907 г. секретарь Казанского Ц. Бюро проф. союзов, Б. Востроknутов, орг. комиссии по созыву всероссийск. с'езда проф. союзов [3]) В августе 1907 г. тот же Востроknутов писал: «Союз столяров гибнет и гибнет. Даже правление не собирается» [4]).

15—19 ноября 1905 г. бастовали казанские телеграфисты, 19 ноября также служащие центр. почтовой конторы и телеграфной станции. Казанцы бастовали не одни: в это время происходила всероссийская почтово-телеграфная забастовка, носившая политический характер. Вскоре после забастовки, 25 ноября на собрании казанских почтово-телеграфных служащих было вынесено решение открыто присоединиться к всероссийскому почтово-телеграфному союзу. Тут же были избраны уполномоченные для выработки плана перехода к активной борьбе [5]). Вскоре появилась гектографированная прокламация, которая доказывает, что здесь дело не обошлось без воздействия социал-демократов. Вот она:

«Товарищи.

Образовавшееся Казанское отделение всероссийского п. т. союза вновь призывает вас на борьбу с нашим врагом — правительством. Если теперь он отвернется от призыва, то будут приняты решительные меры и многим, в особенности черносотенцам, придется дорого поплатиться за свою, якобы, привязанность к нашему начальству, а на самом деле за свою трусость. Не бойтесь, страшиться нечего — правительство само боится нас. Вся социал-дем. п. за нас [6]). Вся здравомыслящая Русь за нас. Члены ее сильны, и горе тому, кто не только явно, но даже тайно осмелится ей противиться. Мы теперь могучи и сильны, как никогда. Мы ведь желаем пользы всем нашим сослуживцам, желаем освободить всех от подчас глупого произвола правительства. но нам нужно содействие. сочувствие и полное единодушие всех лиц дорогого нам телеграфа, почты и телефона. Наступит час репрес-

---

[1]) Восп. Я. Гордеева «Об'единение деревообделочников». (Изв. ТЦИК, № 150, от 4/VII 1922 г. — «Волжск. Вестн.», № 41, от 29/XII 1905 г.

[2]) «Проф. Вестник», № 8, от 30/V 1907 г.

[3]) «Проф. Вестник», Спб., № 10, от 15/VII 1907 г.; см. также сборник: «1905—1907 г.г. в проф. движении». «Истпроф», изд. ВЦСПС. М. 1925 г. Стр. 586.

[4]) «Проф. Вестник», № 11—12, от 18/VIII 1907 г.

[5]) «В. Листок», № 320, от 27/XI 1905 г.

[6]) Курсив всюду наш. *С, Л.*

сий, и те, кто не присоединится, т.-е. хочет гибели своих товарищей, желающих им от души добра, — должны быть раздавлены.

Казанское отделение всероссийского п. т. союза.

Приняла к сведению Р. С.-Д. Р. П.» [1])

Обращает на себя внимание ярко политический характер этой прокламации. «Вся социал-дем. п. за нас», — это для почт.-тел. служащих, оказывается, не пустой звук. Пометка «Приняла к сведению Р. С.-Д. Р. П.» означает, что листок издан на гектографе с.-д. техники и указывает на тесную связь возникшего союза с с.-д. организацией. Союз этот очень скоро совершенно сошел со сцены.

В декабре 1905 г. деятельно готовились к созданию своего союза булочники, устроившие ряд собраний. В начале 1906 г. возник союз булочников, кондитеров и калачников. В марте был издан устав союза. На собрании 4 июня 1906 г. решено было подчиниться новым правилам (закон 4 марта 1906 г.) и переименоваться в «общество» [2]). В течение 1906 г. союз функционировал слабо. Летом 1907 г. его деятельность несколько оживилась. «Союз булочников и кондитеров как будто начинает укрепляться, записываются новые члены, из прежних составилось ядро человек в 40. На-днях союз выпускает опросный лист для выяснения числа рабочих, их заработной платы и гигиенических и санитарных условий труда» [3]). «...Можно порадоваться на союз булочников. Достаточно было приехать опытному и энергичному товарищу из Спб., как союз быстро стал расти. Правда, и перед приездом началось маленькое оживление; неаккуратные плательщики начали вносить взносы за 2—4 мес. сразу. Помогло делу также и то, что, наконец-то, союз зарегистрирован после долгих мытарств с уставом. Союз снял теперь отдельную квартиру, для усиления оборотного капитала произведено было добровольное отчисление однодневного заработка. Улажен при посредстве союза конфликт в одной из кондитерских. Подано прошение в ремесленную управу о допущении в нее представителей союза с совещательным голосом. В мастерских вводятся выборные от рабочих — старосты для переговоров с хозяевами о найме и увольнении рабочих, для сбора членских взносов и т. д. Решено устраивать общие собрания 2 раза в месяц вместо одного, и одно из них посвящать обсуждению вопросов проф. движения» [4]). Всего в союз входило человек 200 [5]).

---

[1]) Подлинник в Казанском истор.-рев. архиве.

[2]) «В. Курьер», № 89, 6/VI 1906 г.

[3]) «Проф. Вестник», № 10, от 15/VII 1907 года., корресп. из Казани Б. Востроклутова.

[4]) «Проф. Вестник», № 11—12, от 18/VIII 1907 г., корресп. Б. Востроклутова.

[5]) Ответ на анкету Казанск. К-та Р. С.-Д. Р. П., начало августа 1907 года. (Каз. ист.-рев. архив).

2 января 1906 г. состоялось организационное собрание проф. союза мастериц, мастеров и приказчиков шляпочных, шапочных и коробочных предприятий [1]). Этот союз очень скоро скончался.

В ночь на 4 июня 1906 г. на собрании «интеллигентного пролетариата» за городом была избрана комиссия для разработки устава проф. союза канцеляристов [2]). К осени 1906 г. проф. союз («служащих в казенных, общественных и частных учреждениях») уже функционировал.

15 июня 1906 г. возник союз рабочих по металлу. Инициаторами его явились несколько партийных работников с.-д. (А. И. Догадов и др.). Выработанный проект устава носил боевой характер и содержал целый ряд экономических требований (8 час. раб. день, запрещение ночного труда, охрана детского труда, обязательное общее и проф. обучение и т. п.). Впоследствии, при подаче устава на регистрацию, его пришлось изуродовать и обкарнать, а слово «борьба» везде вычеркнуть. Тем не менее, устав так и не был утвержден «присутствием об о-вах и союзах». В начале в союз записалось до 50 чел., была выбрана организационная комиссия. Но организационная работа шла очень вяло. Комиссия недостаточно ясно сознавала свои обязанности, чувствовался недостаток в интеллигентных силах (организатор союза был арестован и выслан). Ежемесячных взносов почти не поступало, постоянной квартиры не было. В половине октября 1906 г. союз несколько оживился. Комиссию заменил совет выборных [3]). Сняли комнату в помещении союза приказчиков. С 1 января 1907 г. ежемесячный взнос был понижен с 2% до 1% с заработка; вступительный взнос равнялся 50 коп. На 1 апреля 1907 г. в союзе состояло 275 чел., летом число всех записавшихся достигло 320 чел. К июлю было произведено исключение неаккуратных плательщиков, и действительных членов оказалось 220 чел. (в нач. сентября — 215 чел.). Главная масса членов с крупных заводов — машинные рабочие с завода Крестовниковых, Порохового, с механич. заводов Рам, Либихт; в городском же районе члены из мелких мастерских — слесаря, кузнецы, медники, человек 8 ювелиров и человек 5 часовщиков. Собирать членские взносы с рабочих мелких мастерских было делом нелегким. В кассе союза было в мае (или июне) 1907 г. 137 руб., по др. данным — рублей 160 — 170, в сентябре 1907 г. 200 руб. [4]).

---

[1]) «В. Листок», № 349, от 4/I 1906 года.

[2]) «В Курьер», № 93, от 10/VI 1906 года.

[3]) В начале ноября 1906 года правление союза составилось из 5 лиц: председатель — Чистов, тов. председ. — Золин (мастер зав. Рам), секр. — Малютин, тов. секр. — Ермолаев (часовщик), казначей — А. И. Догадов (рабочий завода Либихта, ныне секретарь ВЦСПС). (Волжск. Листок», № 386, от 7/XI 1906 г.).

[4]) «Рабоч. по металлу», № 16, от 27/VI, и № 1 от 16/VIII 1907 года. «Проф. Вестник», № 8, от 30/V 1907 года. «Отчет» Казанск. К-та РС-ДРП, составл. 12 сентября 1907 года.

Из всех казанских союзов союз металлистов был наиболее сплоченным. Но постановка дела и в нем оставляла желать многого. Не были разграничены функции совета выборных и избираемого им правления. «Избрание выборных не упорядочено — многие были неаккуратны в посещении собраний совета и в передаче взносов, в городском районе выборные чуть не сами себя выбирают, а так как представители отдаленных районов пропускают собрания совета, то фактически делами заведуют эти городские представители. Последние собрания совета проходили при 5—7 членах, почти всех городских. Между тем, союз разросся настолько, что общие собрания почти невозможны, так как по уставу они действительны при наличности большинства членов» [1]) В июне (или начале июля) 1907 г. советом был одобрен предложенный членом секретариата Ц. Бюро проект инструкции по определению полномочий совета и размежеванию его с правлением; после этого на очереди стоял вопрос о выборе новых представителей в совет. «Плоха также постановка отчетности. Необходимо теперь составить годовой отчет, а между тем прежние записи крайне беспорядочны и неаккуратны — прямо хоть ставь крест над старыми книгами и начинай новые» [2].

Союз руководил в 1907 г. забастовкой рабочих мастерской Остермана, об'явил бойкот механическому заводу Сенникова [3]). Выдавались пособия членам союза, но выдача их не была урегулирована и зависела от усмотрения совета; предполагалось выработать инструкцию о взаимопомощи.

Представителями союза металлистов был внесен на обсуждение Ц. Бюро проф. союзов вопрос о безработных. В Ц. Б. было решено приступить к регистрации безработных путем устройства бюро безработных. Союз металлистов вскоре открыл такое бюро, но записывались далеко не все безработные, особенно не-члены союза, так как непосредственной и скорой помощи от него не ожидали. Много раз делались специальные сборы на безработных. Возникла мысль сделать отчисление в пользу безработных из основного капитала союза, но большинство членов совета выборных полагало, что основной капитал необходимо беречь для предстоящей борьбы за улучшение условий труда, а для облегчения безработицы следует оказать давление на городское самоуправление и производить сборы среди товарищей. Некоторые настаивали на необходимости устроить товарищескую механическую мастерскую (это было бы очень рискованной затеей: ранее уже была попытка устройства такой мастерской, кончилась она печально). Поднимался вопрос об организации столовой. Но все эти проекты так и остались проектами [4]).

---

[1]) «Рабочий по металлу», № 19 от 16 августа 1907 года., корресп. от 27/VII 1907 года.

[2]) «Рабочий по металлу», № 19 от 16/VIII 1907 года.; см. также «Проф. Вестник», № 10, от 15/VII 1907 года, корр. из Казани Б. Вострокнутова.

[3]) Беседа автора с А. И. Догадовым. (Москва, сентябрь 1928 г.).

[4]) «Рабочий по металлу» № 19 от 16/VII 1907 года.

Одним из лучших в смысле внутренней спайки являлся возникший в конце октября 1906 г. союз фармацевтов, насчитывавший при возникновении 70, потом 80 член. (2/3 всего числа казанских фармацевтов), к сентябрю 1907 г.—60 членов. Союз имел отдельную квартиру, выписывал журналы «Служащий-фармацевт» и «Фармацевтический Труд», устроил курсы для подготовки аптекарских учеников. Касса была богаче, чем у многих других казанских союзов. Союз негласно поддерживал забастовку, об'явленную 27 апреля 1907 г. служащими в аптеке Кревера; из пред'явленных требований хозяин не принимал требования не увольнять за забастовку. «Это, кажется, первый случай забастовки в Казани при поддержке какого-нибудь союза», — замечает секретарь Казанского Ц. Бюро проф. союзов Б. Востроknутов в своей корреспонденции, напечатанной в «Проф. Вестнике» [1]). За то, что союз поддержал забастовку, вице-губернатор пригрозил выслать председателя и его товарища, а союз закрыть [2]). В сентябре 1907 г., когда многие союзы уже развалились, союз фармацевтов продолжал работать почти тем же темпом: «членов до 60 чел., собирались систематически, взносы правильные» [3]).

В начале 1907 г. возникли союзы экипажников (ок. 50 членов); к августу 1907 г. союз совсем заглох; кожевников (ок. 80 членов, по другим — менее вероятным данным—200 чл., организовался 26 марта 1907 г.); газетчиков (чел. 25—30). Союз газетчиков вскоре потерял свой профессиональный характер, превратившись в артель мелко-буржуазного характера [4]). Летом 1907 г. был «зарегистрирован, и очень быстро, и союз рабочих Алафузовских заводов. Но он едва ли будет боевым, как видно из самого устава. По уставу запасный капитал составляется из 5% всех поступлений, 45% — оборотный, а 50% идет в фонд взаимопомощи, причем пособия выдаются и на крестины, и на свадьбы, и на похороны и т. п. Учредители каждый шаг делали с разрешения начальства и обещают и вперед стоять на почве законности. Правление выбирается на целый год, а общие собрания созываются 2 раза в год; в течение полугода правление может делать, что хочет» [5]).

Страшно тормозило дело отсутствие у большинства проф. союзов собственных помещений. Кроме приказчиков и фармацевтов, остальные союзы собирались по частным квартирам.

---

[1]) «Проф. Вестник», № 8, от 30/V 1907 года.

[2]) «Рабочий по металлу», № 19, от 16/VIII 1907 года, корр. из Казани, от 27/VII 1907 года.

[3]) «Отчет Казанск. К-та РС-ДРП», составленный 12 сентября 1907 года.

[4]) М. Борисов — «Проф. движение в Татреспублике», статья в журнале «Труд и хозяйство», № 1, от 1/I 1921 года. Казань.

[5]) «Проф. Вестник», № 11—12, от 18 августа 1907 года, корресп. Б. Востроknутова.

«Громадный недостаток—скверная постановка ведения дел,—писал Б. Востроκнутов. — Правильно книги ведут опять лишь рабочие по металлу и фармацевты (о приказч. и печатниках не знаю). Остальные союзы не ведут протоколов собраний правления и общих. Денежная отчетность также, повидимому, идет неважно. Главная причина в недостатке руководителей: опытных людей совсем нет»... [1]).

Работа проф. союзов протекала в очень тяжелых условиях. По закону 4 марта 1906 г. об обществах и союзах, на каждое собрание нужно было за неделю раньше испросить разрешение полицеймейстера, который не упускал, конечно, случая, обставить прием заявлений таким образом, чтобы потом не всякий захотел пойти к нему вновь. На собрании обязательно присутствовал полицейский, следивший за тем, чтобы собрание проводилось по утвержденной полицеймейстером повестке дня, иначе он имел право закрыть собрание. Не было на этих собраниях недостатка и в жандармских шпиках, намечавших жертвы среди присутствующих. Общее собрание проф. союза булочников 12 марта 1906 г., на которое пришло много рабочих, не состоялось, вследствие противодействия полиции; на следующее собрание пришло уже мало народу и оно также не состоялось [2]). На собрании союза портных 5 марта 1906 г. присутствовавший полицейский чин угрожал во время речи оратора закрыть собрание [3]). Когда кожевники летом 1906 г. собрались для основания проф. союза, присутствовавший околодочный надзиратель закрыл собрание на том основании, что с.-д. Рихтер пытался сделать доклад о задачах проф. союзов, непредусмотренный разрешенной полицеймейстером повесткой дня; вследствие этого открытие проф. союза кожевников отсрочивалось до марта 1907 года [4]).

Чтобы иметь право на существование, профессиональный союз должен был пройти через целый ряд мытарств, засвидетельствовать устав у нотариуса и представить его в присутствие «по делам об обществах и союзах». Последнее, состоявшее из царских чиновников, всячески тормозило утверждение уставов, залерживая их на несколько месяцев или же, придравшись к какому-нибудь слову, возвращая устав неутвержденным [5]). Большинство проф. союзов (металлистов, печатников, портных и др.) так и не имели утвержденных уставов, но они продолжали функционировать совершенно открыто.

---

[1]) «Проф. Вестник», № 8, от 30/V 1907 года.

[2]) «В. Курьер», № 34, 23/III 1906 года.

[3]) «В. Курьер», № 20, 7/III 1906 года.

[4]) В. О—м (М. Борисов) — «К юбилею профсоюза рабочих по коже» (журнал «Труд и хозяйство», № 7—8, 15 апр. 1921 года. Казань).

[5]) Вот, напр., как обстояло дело с утверждением устава союза металлистов: «Устав давным-давно подан на утверждение, но о нем не было ни слуху, ни духу. Недавно справились в присутствии, там ответили, что он препровожден давно уже в полицию для возвращения. Пошли в полицию. Оказывается, что устав возвращен потому, что нет подписи 5-го учредителя. Дело в том, что с самого начала не

Профессиональные союзы были слабо сплочены. Они были целиком поглощены организованной работой. Руководства стачками почти не было (если не считать 1 маленькой стачки у фармацевтов и 1 стачки у металлистов). Иногда применялся бойкот предпринимателей (1 случай у приказчиков и 1—у металлистов). В 1907 г. союзы оказывали из своих средств поддержку безработным.

Социал-демократы старались приобрести в проф. союзах доминирующее значение, входя в правления союзов, и обычно сами являлись инициаторами возникновения новых проф. союзов. В союзе металлистов с.-д. завоевали себе место секретаря правления (А. И. Догадов, потом И. Гильдин), в союзе портных — председателя (с.-д. комитетчик — А. П. Комлев) и секретаря (организатор с.-д. кружка портных Вас. Куклин), товарищем председателя союза кожевников был член Казанского к-та Р. С.-Д. Р. П. М. И. Борисов, с.-д. правление было в союзе булочников, председателем союза фармацевтов являлся с.-д. (меньшевик) С. М. Гертик и т. д. Только в союзах приказчиков и Алафузовских рабочих влияние с.-д. было незначительно. «Союзы у нас в большинстве случаев были организованы социал-демократами, и состав правлений преимущественно соц.-демократический; с-р'ами организован один только союз кожевников», утверждал Б. Востроknутов [1]).

В первое время существования проф. союзов, в период относительной свободы, когда на собраниях еще не присутствовали околодочные надзиратели, Казанский Комитет Р. С.-Д. Р. П. посылал на эти собрания своих пропагандистов, превращая их таким образом в базу для политической пропаганды.

Союзам печатников и приказчиков приходилось вести борьбу за влияние на рабочие массы соответствующих цехов с желтыми союзами: «обществом книгопечатников» и «Вспомогательным обществом приказчиков», пользовавшимися активной поддержкой буржуазных кругов и правых партий (октябристов, черносотенцев) и плясавшими под их дудку. На страницах октябристской газеты «Обновление» и правой газеты «Казанский Телеграф» распевались хвалебные гимны желтым союзам. Однако, сочувствие масс печатников и приказчиков было на стороне своих классовых проф. союзов.

3. Центральное Бюро профессиональных союзов.

В начале 1907 г. возникло в Казани нелегальное Центральное Бюро профессиональных союзов. Ц. Б. возникло перед вы-

---

была оплачена публикация в правительственных органах. Деньги уплатили, причем потребовали снова подпись учредителей. Четверо подписались, устав был послан в присутствие, а теперь опять говорят, что нужно и 5-ю подпись. Пятый же учредитель давно выехал из Казани. Совет решил разыскать его, а пока требовать регистрации в виду того, что достаточно даже 3-х учредителей». («Рабочий по металлу», № 19, от 16 авг. 1907 года., корр. из Казани от 27/VII 1907 г.).

[1]) «Проф. Вестник», № 8, от 30/V 1907 года.

борной кампанией во вторую гос. думу и в непосредственной связи с ней. Союзы фармацевтов, рабочих по металлу, канцеляристы и печатники послали своих делегатов на совещание, чтобы обсудить вопрос о совместном выступлении с местным комитетом Р. С.-Д. Р. П. На совещании были также представители союза приказчиков, но с совещательным голосом, так как они не были выбраны союзом официально. Было устроено несколько таких собраний. Тогда же поднялся и вопрос об издании профессионально-политической газеты.

«После выборов в Думу Ц. Б. замерло на некоторое время, но затем (март 1907 г. С. Л.) опять стало функционировать и уже поставило перед собой вопросы проф. движения. К прежним союзам присоединились еще союзы столяров и портных. Самым первым выдвинулся вопрос о газете; все союзы отнеслись к этому делу с сильным интересом. Ц. Б. стало собираться каждую неделю и втянуло все союзы, кроме приказчиков» [1]). Таким образом, в состав Ц. Бюро вошли представители 10 професс. союзов; кроме перечисленных выше, послали своих представителей союзы булочников, кожевников, экипажников и газетчиков; все эти союзы находились под влиянием социал-демократии. Находившийся же под влиянием к-д., союз приказчиков держался весьма умеренной тактики и в Ц. Б., повидимому, не входил потому, что боялся выйти из рамок правил 4 марта 1906 г., запрещавших об'единение обществ в союзы. Союз Алафузовских рабочих, также умеренного направления, возник позднее и своих представителей в Ц. Б. тоже не счел нужным делегировать.

Был выработан устав Центр. Бюро. Устав гласил, что это Бюро имеет целью об'единения действий и выступлений местных профессиональных организаций и содействие развитию профессионального движения казанского пролетариата. Сначала в состав Бюро входили по 3 представителя от каждого проф. союза, избираемых общим собранием из числа членов правления союза на определенный срок, но потом членами Ц. Б. могли быть избираемы не только члены правлений союзов, но и все их действительные члены. Кроме того, на собраниях Ц. Б. присутствовали с совещательным голосом по 1 представителю от местных организаций Р. С.-Д. Р. П. и П. С.-Р., а также приглашенные Ц. Б. сведующие в проф. движении лица. Исполнительным органом Ц. Б. являлся секретариат из 7 чел., избираемый на 3 месяца, общим собранием из числа своих членов, имеющих решающий голос [2]). По проекту заседания секретариата должны были происходить 1 раз в неделю, очередные собрания

---

[1]) «Проф. Вестник», СПБ. № 8, от 30/V 1907 года, корр. из Казани Б. Вострокнутова.

[2]) По воспоминаниям членов Ц. Бюро А. И. Догадова (беседа с ним сотрудника Каз. Бюро Истпарта Я. Эйдельмана 20/VI 1921 г.) и М. И. Борисова (его статья в журнале «Пролетарий Татарстана», № 2, март, 1925 г.) в состав секретариата входило 5 чел.

Ц. Б. 2 раза в месяц. Состав секретариата: председатель, секретарь, казначей, товарищи их и библиотекарь. Образцом при составлении окончательного устава Ц. Б. взят был устав петербургского Центр. Бюро проф. союзов.

Председателем Центр. Бюро являлся С. М. Гертик (представитель союза фармацевтов), секретарем—Б. Востроκнутов (студент), оба—меньшевики. Однако, большевики представляли в Ц. Б. более сильную группу; так, напр., в состав Ц. Б. входили большевики А. П. Комлев (представитель союза портных), А. И. Догадов (представитель союза металлистов), наборщик А. Кузнецов, пекарь П. Кириллов, представитель Каз. К-та Р. С.-Д. Р. П. «Теренгий» (Колчинский-Езерский) и др. Некоторые рабочие, представители др. союзов, хотя и считали себя просто социал-демократами, но при голосованиях обычно присоединялись к большевикам.

В середине апреля 1907 г. вследствие провала казанской с.-д. организации и ареста из числа членов Центр. Бюро А. П. Комлева (он входил в состав секретариата Ц. Б.) и А. С. Кузнецова, секретариат был переизбран. В него вошли: С. М. Гертик, Б. Востроκнутов, А. И. Догадов, А. А. Любимов (представитель союза канцеляρист.) и М. И. Борисов (союз экипажников), все с.-д. [1]).

Большевики определенно стремились превратить Центр. Бюро из внепартийного в социал-демократический орган. Интересно проследить по книге протоколов заседаний Центр. Бюро и секретариата дебаты по поводу допущения на собрания Ц. Б. представителей с.-д. и с.-р. В протоколе о собрании Центр. Бюро 2 мая читаем, что «представитель с.-д. настаивал на представительстве одной социал-демократии в виду ее исключительного влияния в союзах» [2]). Представитель эс-эров запротестовал против этого предложения и был поддержан многими представителями проф. союзов (повидимому, меньшевики высказывались за допущение представителя с.-р.). Это дало повод к горячим дебатам на многих заседаниях секретариата и Центр. Бюро, которое под давлением правлений общества фармацевтов и канцеляристов, угрожавших отказаться от взноса в Ц. Бюро положенных процентных отчислений (3% с оборотного капитала), — принуждено было, несмотря на свои явные симпатии к Р. С.-Д. Р. П., решить вопрос в пользу представителей о б е и х партий. На собрании секретариата 16 мая была вынесена следующая резолюция:

> «Принимая во внимание, что интересы нашего молодого профессионального движения требуют отмежевания профессиональных союзов от буржуазных партий и, вместе с тем, соблюдения принципа нейтральности по отношению к партиям социалистическим, принимая

---

[1]) М. Борисов «Из жизни нелегального бюро профсоюзов» в журн. «Пролетарий Татарстана», № 2, март 1925 г., гор. Казань.

[2]) Протоколы заседаний Ц. Бюро были захвачены жандармами при обыске секретаря Ц. Б. Востроκнутова 7 августа 1907 года; мы цитируем здесь по снятой жандармами копии с протоколов.

далее во внимание резолюцию Об'единительного с'езда РС-ДРП, как истинной выразительницы интересов рабочего класса, и резолюции конференций союзов различных профессий, которые подчеркивают принцип беспартийности союзов, и, наконец, имея в виду чисто местные условия, секретариат Ц. Бюро признает желательным присутствие на собраниях Ц. Б. с совещательным голосом представителей от обеих социалистических (с.-д. и с.-р.) партий в целях согласования выступлений всего казанского пролетариата».

Таким образом, проф. союзы и само Центр. Бюро были официально признаны внепартийными. Это не мешало, однако, секретариату Ц. Б. заниматься на своих заседаниях и чисто партийными вопросами. В протоколе 3-го заседания секретариата Ц. Б. 23 мая читаем:

«В виду предстоящей конференции местной организации РС-ДРП секретариат поручает своим членам, которые будут присутствовать на ней в качестве делегатов — партийных работников, внести в порядок дня вопрос об об'единении социал-демократов, работающих в (проф.) союзах. Вынесена следующая резолюция: «Принимая во внимание, что 1) Об'единительный с'езд рекомендовал всем социал-демократам вступать в проф. союзы, входить в их повседневную жизнь, чтобы в борьбе и агитации связать союзы с партией, 2) что идейное влияние социал-демократов среди союзов действительно велико, но действия социал-демократов не об'единены, секретариат Ц. Бюро высказывается за необходимость об'единения всех социал-демократов, входящих в союзы, с целью выработки общей тактики в социал-демократической работе среди союзов и организации правильных сношений их с партией».

Функции Центр. Бюро не ограничивались чисто профессиональной работой и определенно входили в сферу политической деятельности. Напр., на заседании Центр. Бюро 27 апреля обсуждался вопрос о характере празднования 1 мая.

Несмотря на тягостные условия подпольного существования, Центр. Бюро находилось в тесной связи с об'единяемыми им проф. союзами. Оно руководило стачечной борьбой казанских рабочих, пользуясь большим содействием с.-д. организации. В апреле 1907 г. возникла стачка Алафузовских ткачей. Забастовкой руководил член Каз. К-та Р. С.-Д. Р. П. «Терентий» (отв. организатор Алафузовск. района). На заседании Центр. Бюро 27 апреля решено было поддержать бастующих алафузовцев; выделенная Центр. Бюро специальная комиссия (в составе М. Борисова и А. Догадова) собрала в помощь бастующим среди членов проф. союзов и интеллигенции около ста рублей. Но забастовка скоро кончилась, деньги передать по назначению не удалось, и они были израсходованы на поддержку местной с.-д. газеты «Дневник Казани» [1]).

---

[1]) Неудача стачки об'ясняется отчасти отсутствием денежного фонда, необходимого для успешности забастовок на крупных предприятиях.

Забастовка рабочих-металлистов в небольшой мастерской Остермана окончилась победой рабочих. (Ст. М. Борисова в № 2 журн. «Пролетарий Татарстана», март 1925 года. Казань. Беседа Я. Эйдельмана с А. И. Догадовым).

Постоянной квартиры Центр. Бюро не имело и собиралось, чтобы не навлечь подозрения полиции и шпиков, каждый раз в новых местах: в помещении союза фармацевтов, в помещении союза приказчиков, в квартире аптекаря Левидова (дочери которого были соц.-демократками) и, наконец, в двух больших лодках на Казанке, прямо на воде (плавали и вели собрание). А между тем приходилось вести денежную отчетность, протоколы собраний, книги, иметь печать, рискуя попасть каждую минуту в тюрьму. Члены секретариата Ц. Б. именовались в протоколах заседаний псевдонимами (напр., Догадов—«Гапон», Любимов—«Панютин», Борисов—«Полянский»).

Центр. Бюро решило издавать газету совместно с Казанским Комитетом Р. С.-Д. Р. П. Это решение удалось провести в жизнь. На деньги проф. союзов и партийные средства была куплена у эс-эров ежедневная газета «Дневник Казани», которая отныне превратилась в социал-демократический орган. Редактором ее состоял Борис Нелидов, с.-д. комитетчик. Партийным пропагандистам, организаторам и т. п. было вменено в обязанность писать в газету.

Центр. Бюро принимало деятельное участие в распространении газеты среди рабочих. «К сожалению, — замечает Б. Востроknутов, — вопросам профессионального движения уделяется в ней внимания слишком мало: хроника профес. движения часто не помещается «за недостатком места», оригинальных статей нет; да и литературных сил для работы по вопросам профессионального движения не имеется» [1]).

Газета вскоре закрылась вследствие цензурного гнета.

Центральное Бюро поддерживало тесную связь с находившейся в Петербурге Организационной комиссией по созыву Всероссийского с'езда проф. союзов. Ц. Б. регулярно посылало Орг. Комиссии корреспонденции (выдержки из которых печатались в «Профес. Вестнике»), получало от Орг. Комиссии професс. журналы, литературу по вопросам проф. движения. Казанцы готовились послать своего представителя на профсоюзный с'езд. «Послать представителя на с'езд Казань, по всем вероятиям, будет в состоянии, — писал Востроknутов в мае 1907 г. в Орг. комиссию.— Союзам придется соединяться для выборов и, вероятно, придется послать одного делегата и одного от Ц. Б.» [2]).

Были в 1907 году еще мелкие стачки. 29—30 января бастовали рабочие (72 чел.) закройного отделения Алафуз. завода, требуя смены администрации завода (управляющего и одного из приказчиков фабрики); после категорического заявления управляющего, что скорее будут уволены 100 рабочих, бастующие стали на работу (2 февраля). 8 февраля алафуз. ткачи добились повышения сдельной платы на одну из тканей (с 1 р. 5 к. до 1 р. 25 к. за 100 аршин). Рабочим же, вырабатывавшим ткань на мешки, заводской администрацией было отказано в повышении сдельной платы, под предлогом отсутствия спроса на эту ткань.

[2]) «Проф. Вестник», Спб., № 8, от 30/V 1907 года.

[1]) «Проф. Вестник», № 8, от 30/V 1907 года.

На собрании Центр. Бюро (происходившем во второй половине июня) было решено принять участие в с'езде, послав 1 делегата совместно от всех союзов. Всем союзам предложено было немедленно заняться составлением отчетов о своей деятельности, выяснить число своих действительных членов, производить отчисления и сборы. Секретариату поручено было помочь союзам в составлении отчетов, а затем по этим отчетам составить общий доклад. Союз приказчиков намеревался было войти в Центральное Бюро, благодаря подготовке к с'езду (одни приказчики делегата послать не могли) и постановке медицинской помощи, за организацию которой взялось Центральное Бюро [1]). (В конце-концов союз приказчиков своих представителей в Ц. Б. так и не послал).

На заседании Совета выборных союза металлистов было высказано пожелание, чтобы совместный представитель от казанских союзов был из союза по металлу, ибо он — самый большой союз из входящих в Центр. Бюро [2]).

«Подготовка к с'езду идет медленно, — читаем в корреспонденции из Казани, помещенной в «Проф. Вестнике», № 11—12 от 18 августа 1907 г. — Доклады, составлены лишь в половине союзов. Секретариат ЦБ намерен обсудить весь порядок дня с'езда и затем сделать доклады по некоторым вопросам в Ц. Б. Пока обсужден лишь вопрос о взаимопомощи, но поднять вопрос о ней Ц. Б. не удалось».

Основные положения резолюции (весьма боевой по своему характеру) секретариата по вопросу о взаимопомощи были таковы:

1) ...«проф. союзы должны развивать те виды взаимопомощи, которые тесно связаны с боевой деятельностью союзов и способствуют ей». 2) ...«т.-наз. «мирную» взаимопомощь пролетариат должен переложить на плечи предпринимателей путем обязат. государственного страхования рабочих на случай болезни, старости и т. п.» 3) против стремления союзов самим взяться за дело страхования «можно не итти в том лишь случае, если оно зарождается в окрепшем материально и организационно союзе и при том лишь условии, если эта мирная взаимопомощь не заслонит боевых задач союзов».

Для ознакомления с задачами и значением с'езда секретариат намеревался выпустить агитационный листок [3]). С'езд проф. союзов не состоялся, точно также, как Поволжская конференция проф. союзов, которая должна была состояться в июле 1907 г.

В Центр. Бюро был поставлен вопрос об оказании членам союзов медицинской и юридической помощи, но вопрос этот долго откладывался.

---

[1]) «Проф. Вестник», № 10, от 15/VII 1907 года.

[2]) «Рабочий по металлу», № 19, от 16/VIII 1907 года, корресп. из Казани от 27/VII.

[3]) «Проф. Вестник», № 11—12, от 18/VIII 1907 года.

В отношении медиц. помощи Ц. Б. сделало первые шаги — разрабатывался проект медиц. организации, приглашались врачи [1]).

В мае вышлыл острый вопрос о безработных, их регистрации и помощи им. «Решено при каждом союзе открыть бюро по приисканию мест и производить таким образом регистрацию. В близком будущем предстоят массовые расчеты. Закрываются заводы Алафузова из-за нефт. кризиса (а там до 3.400 раб.). Но м. б. закроются не целиком. Уволят несколько сот на пороховом зав. за сокращением работ. Закрывается мех. завод Рам... Придется, вероятно, организовать Совет безработных...» [2]).

Летом Центр. Бюро создало библиотеку, намечалась возможность организации кооператива. Заработал свой гектограф, печатавший устав, протоколы, анкету Ц. Бюро.

13 июля на собрании Центр. Бюро (с участием представителей союзов булочников, портных, фармацевтов, кожевников, металлистов и от с.-д.) обсуждался вопрос об отношении к выборам в 3-ю гос. думу. В то время была среди большевиков сильно распространена тенденция бойкотировать «столыпинскую», избираемую на основании закона 3 июня 1907 г., г. думу; Казанский Комитет Р. С.-Д. Р. П. высказался за бойкот. На собрании Центр. Бюро 13 июля победили бойкотисты: за бойкот выборов было подано 5 голосов, за выборы—3 гол., воздержался—1 [3]). На более многочисленном собрании Центр. Бюро 21 июля снова горячо обсуждался вопрос об отношении к 3-ей г. думе. На сей раз большинством 9 голосов против 6 принципиально было признано желательным принять участие в выборах. Незадолго перед этим собранием секретариат Центр. Бюро выпустил от своего имени воззвание к членам союзов — избирателям, в котором, не предрешая отношения к выборам, напоминал товарищам, что участие в избирательной кампании в обоих случаях требует записи в избирательные списки [4]).

На собрании Центр. Бюро 21 июля было единогласно принято постановление послать приветствие международному социалистическому конгрессу [5])

Деятельность Центр. Бюро несколько оживила деятельность проф. союзов. Но не надолго. Реакция наступала. Проф. движение явно шло на убыль. «За последнее время жизнь в союзах пошла еще более вяло, — писал Б. Востроknутов в июне (или в начале июля) 1907 г. — Члены не проявляют никакого интереса к делу; на общих собраниях народу всегда очень мало... Распадается союз рабочих по дереву, у портных осталось только ядро чел. в 25» [6]). «Союз экипажников заглох совсем. Отстали от

---

[1]) «Проф. Вестник», № 8, от 30/V, и № 10, от 15/VII 1907 года.
[2]) «Проф. Вестник», № 8, от 30/V 1907 года.
[3]) По протоколу Ц. Б., попавшему в руки жандармерии.
[4]) «Проф. Вестник», № 11—12, 18/VIII 1907 года.
[5]) Там же.
[6]) «Проф. Вестник», № 10, от 15/VII 1907 года.

Ц. Б. газетчики и печатники. У печатников дела идут, кажется плохо... Зато можно порадоваться на союз булочников»...[1])

27 мая 1907 г. жандармерия подвергла сильному разгрому Казанский Комитет Р. С.-Д. Р. П. Одновременно пострадало и Центр. Бюро проф. союзов, так как были арестованы и отправлены в уездные тюрьмы члены секретариата Центр. Бюро М. И. Борисов и А. И. Догадов, член Центр. Бюро П. П. Кириллов (булочник) и нек. др.

На собрании Казанского К-та Р. С.-Д. Р. П. 7 июля рассматривался вопрос о том, следует ли считать существующие в Казани проф. союзы социал-демократическими или беспартийными; пришли к выводу, что следует считать социал-демократическими, и если Поволжская с.-д. конференция состоится в Казани, то надлежит от каждого союза назначить на нее по представителю (конференция состоялась 18 июля в Симбирске). Комитетчик А. И. Фомин (портной) настаивал на недопущении эсеров в Центр. Бюро проф. союзов, но комитетчик Востроknутов держался противного мнения. Представителем Каз. К-та в Ц. Бюро был избран Фомин, кандидатом к нему — портной «Василий» (И. В. Пахомов) [2]).

В ночь на 7 августа 1907 г. в квартире с.-д. Х. Шумкова (организатор коллегии пропагандистов) было застигнуто жандармерией и арестовано собрание Ц. Бюро: секретарь Ц. Бюро Востроknутов (на квартире у него найден при обыске архив Ц. Б., протоколы заседаний и т. д.), С. М. Гертик, представители союза булочников В. Е. Журавлев и М. В. Погодин, портных—С. Г. Борисов и металлистов—А. С. Ермолаев (часовой подмастерье), а также Х. Шумков. Одновременно были арестованы Б. Нелидов и А. Фомин, с.-д. комитетчики, входившие в Ц. Бюро. Несколько членов Ц. Бюро осталось на свободе, но восстановить деятельность Ц. Бюро уже не оказалось возможным.

4. Разгром профессионального движения.

После разгрома Центр. Бюро разложение проф. союзов пошло усиленным темпом. «Настроение в союзах пониженное, члены во многих союзах выписываются, одной из причин является провал Ц. Б. Центр. Бюро не функционирует и нет пока возможности организовать» [3]).

Организовать Центр. Бюро должен был при первой возможности В. А. Помаднов (ученик землед. училища, с.-д.), один из немногих уцелевших членов Центр. Бюро; у него имелась печать Центр. Бюро. Но 13 сентября был арестован (а затем сослан в Вологодскую губ.) и Помаднов.

---

[1]) «Проф. Вестник», № 11—12, от 18/VIII 1907 года.

[2]) По донесениям провокатора Е. Петрова. (Дело Каз. Губ. Жанд. Упр.: «Агентурные сводки по п. с.-д. за 1907 год»).

[3]) «Отчет Казанск. К-та Р. С.-Д. Р. П.», составленный 12 сентября 1907 года и найденный 13 сентября при обыске у Атабекова.

В конце 1907 г. власти предприняли против проф. союзов форменный поход. 31 октября казанский губернатор закрыл союзы фармацевтов и булочников, а потом и кожевников. «Местные самодержцы обрушились на профессиональные союзы: чуть ли не в один день закрыты два очень было хорошо наладившиеся союза фармацевтов и булочников. Закрыт также союз рабочих по металлу. В прошлом году он насчитывал около 300 членов, но потом он значительно сократился, повидимому публика во главе стояла неопытная и не сумела поддержать интерес к союзу среди массы, да и администрация сильно мешала союзу. Большинство других союзов или умерли, или находятся при последнем издыхании. Обстановка, в какой приходится им действовать, конечно, страшно скверная: администрация теснит, устраивать, напр., хотя бы какие-нибудь лекции не дает. Подает еще признаки жизни союз портных» [1]).

В официальной печатной «записке о проф. движении в империи» помещены следующие сведения о проф. движении в Казани (по 13 дек. 1907 г.) по данным местных властей:

«Зарегистрированы семь обществ, из коих три: [1.] фармацевтов, [2.] булочников, кондитеров и калачников и [3.] рабочих кожевенного производства [2]) — закрыты за слияние с социалистическими организациями, каковое слияние выразилось в учреждении «центрального бюро профессиональных союзов», состоящего из социал-демократов и социал-революционеров, а также из представителей от профессиональных обществ. Закрытые общества отпускали средства на содержание Ц. Б. и, при содействии Бюро, вступили на путь выполнения партийных директив.

Нелегальных [3]) обществ 7: по обработке дерева, по обработке металла, портных, печатного дела, газетчиков и книжников, экипажного производства и конторщиков, машинисток и канцеляристов. — Центральное бюро ликвидировано; сделано также распоряжение о ликвидации нелегальных обществ. — Газета «Дневник Казани», подстрекавшая своими статьями рабочих соединяться в профессиональные союзы и образовывать этим путем капиталы для борьбы за пролетариат, прекратила свое существование.

Положения уставов такого же боевого направления (как и у проф. союзов др. губерний—С. Л.)» [4]).

---

[1]) Из частного письма из Казани. «Пролетарий», орган Р. С.-Д. Р. П. (б), № 24, от 5 марта 1908 года.

[2]) Остальные 4 разрешенных общества были: 1) коммерч. служащих, 2) счетоводов, 3) алафузовск. рабочих и 4) ссудо-сберег. вспомогат. касса служащих и рабочих при торг. предприятиях торг. дома насл. Александрова (последнее общество, в сущности, нельзя считать проф. союзом. (Жанд. свед.).

[3]) Т.-е. неразрешенных администрацией. Как разрешенные, так и неразрешенные союзы функционировали совершенно открыто.

[4]) «Первые шаги легализованного проф. движения в России», сообщил Р. Кантор. («Архив ист. труда в России», кн. 2. Петрогр. 1921 г. Стр. 113).

При таких условиях воссоздание Ц. Бюро проф. союзов являлось совершенно немыслимым. Была, правда, организована с.-д. комитетчиком Л. Каменским комиссия для выработки устава этого Бюро, но создать последнее уже более не удавалось.

В 1908 г. власти продолжали свою политику нажима на проф. союзы, и в результате почти все казанские проф. союзы прекратили свое существование. Весной 1912 г. был арестован председатель о-ва коммерческих служащих (приказчиков) Александров (с.-д.), а через два месяца, в июле, присутствием об обществах и союзах о-во комм. служащих было закрыто. Так прекратил свое существование последний казанский проф. союз. И до самой февральской революции 1917 г. профессиональное движение в Казани не возобновлялось.

М. ЗАЯЦ.

Экономическая борьба текстильщиков Московской области в 1905 г.

Общепромышленный кризис, разразившийся в начале 900-ых г.г., в текстильной промышленности осложнился еще мировым хлопчато-бумажным кризисом, вызванным недостатком и дороговизной хлопка. С особенной силой кризис этот проявился в лодзинском районе; охватил он, хотя и в меньшей степени, и московский промышленный район. Русско-японская война, в свою очередь, ухудшила положение текстильной промышленности. Как показала анкета министерства финансов, предпринятая в 1904 г., текстильная промышленность больше других отраслей производства пострадала от экономических потрясений, вызванных войной. Так, в то время как производительность металлургической промышленности повысилась в 1904 году на 6,3% против 1903 г., производительность предприятий по обработке хлопка понизилась на 5,9%, по обработке шерсти на 15,4%, а по обработке шелка даже на целых 25,7%. Только льно-прядильные предприятия, работавшие главным образом на нужды армии, повысили свою производительность на 8,6% против 1903 г. [1]).

Специально для текстильной промышленности Московского района у нас нет таких данных. Но косвенным показателем состояния этой промышленности могут служить данные о привозе машин по обработке волокнистых веществ на Московскую таможню, обслуживающую, главным образом, Московский текстильный район.

Вот эти данные:

Количество машин (в пудах), очищенных пошлинами на Московской таможне.

ГОДЫ	1899	1900	1901	1902	1903	1904	1905
Количество машин (в пуд.)	56387	51361	42629	36193	42583	18434	27575 [2])

[1]) М. Балабанов — «Промышленность в 1904—1907 г. г.». «Общественное движ. в России», т. IV, ч. II.

[2]) См. «Стат. Ежегодник гор. Москвы» за 1909—1910 г.г., стр. 130.

Падение привоза, как видно из таблицы, начинается в 1900 году и усиливается в 1902 г. В 1903 году привоз поднимается приблизительно до уровня 1901 года. Особенно резкое уменьшение привоза дает 1904 год. В 1905 г. он несколько увеличивается, но все же не достигает уровня даже кризисного 1902 года. Эти данные приводят к тому выводу, что периоды наибольшей депрессии в текстильной промышленности района падают на 1900—1902, 1904 и 1905 г.г., т.-е. на годы кризиса и войны, с одной стороны, и революции, с другой. При этом влияние войны, повидимому, сказалось сильнее, чем влияние кризиса и революции. Эти данные, как увидим ниже, приблизительно верно характеризуют кон'юнктуру текстильной промышленности в Московской области в период 1900—1905 г.г.

Уже к концу 1900-го года кризис в этой области настолько обострился, что фабриканты Шуйско-Ивановского района вынуждены были частью распустить своих рабочих, частью же сократить размер производства на $^2/_3$ против нормального, понизив при этом заработную плату на 30% [1]).

1901 и в особенности 1902 г. отмечены общим ухудшением дел на Московском мануфактурном рынке: закупки значительно сократились, цены на готовые изделия, несмотря на вздорожание хлопка, продолжали все падать. «Всегда наиболее оживленная отрасль московской мануфактурной промышленности — хлопчато-бумажная, — писали в мае 1902 г. «Биржевые Ведомости», — находится в небывалом застое. Производство заметно сокращено... спрос для провинции самый незначительный» [2]). Нижегородская ярмарка также прошла вяло в этом году. Неблагоприятный исход этой ярмарки привел к тому, что на фабриках накопились громадные запасы товаров, так что к концу 1902 года кризис в производстве еще больше усилился.

Наступившее было в 1903 г. оживление в текстильной промышленности Московского района было быстро прервано первыми выстрелами на Дальнем Востоке. Уже с зимы 1904 г. в московской губернии снова было отмечено значительное понижение производства. «Дела с зимы (1904 г., М. З.) пошли в упадок. Хозяева начинают понижать расценки и угощать ткачей прогулами. Некоторые фабриканты в средине зимы стали делать убавку станов, так что ткачи остались без работы. Весной дела пошли еще хуже», — такова общая характеристика состояния текстильной промышленности в московской губернии в 1904 г., данная статистиками губернского земства [3]).

---

[1]) См. М. Балабанов «Промышленность России в начале XX века», стр. 73. «Обществ. движен. в России», т. I.

[2]) Цит. по книге Фин-Енотаевского: «Современное хозяйство России», стр. 101.

[3]) См. «Стат. Ежегодник Моск. губ.» за 1904 год, ч. II, стр. 14.

Первая половина 1905 г. прошла здесь также под знаком промышленной депрессии. Производство на фабриках продолжало сокращаться; многие из них стали работать 4—5 дней вместо обычных 6 дней в неделю [1]).

Аналогичная картина наблюдалась и во Владимирской губернии. Так, из 140 корреспонденций, присланных во Владимирское земство из разных пунктов губернии, 61% сообщает об ухудшении положения фабричного промысла, 53% о прежнем положении, и лишь 6% об улучшении [2]). По данным фабричного инспектора Владимирской губернии за сравнительно короткий срок—с ноября 1904 г. по 13 января 1905 г.—сократили свое производство 10 фабрик с 9.780 рабоч., главным образом, вследствие уменьшения количества рабочих дней в неделю и вследствие закрытия более мелких фабрик [3]).

Не лучше было, конечно, состояние текстильной промышленности и в других губерниях Московской области. Только во вторую половину 1905 г. наступило некоторое улучшение, но и оно, в свою очередь, было вскоре ликвидировано революционными событиями конца этого года.

Промышленная депрессия, хотя и нанесла сильные потрясения текстильной промышленности Московского района, имела, однако, то положительное значение, что она ускорила процесс ее концентрации. Это прежде всего видно из следующих данных: [4])

ГУБЕРНИИ	1900 год		1905 год	
	Число предприятий	Средн. число верет. в тыс. на 1 фабр	Число предприятий	Средн. число верет. в тыс на 1 фабр
Московская	27	56,1	29	59,7
Владимирск.	20	60,6	19	65,8
Костромская	7	49,4	9	50,5

В то время, как число фабрик в трех названых губерниях прибавилось незначительно (с 54 в 1900 г. до 57 в 1905 г.) среднее число веретен на одну фабрику увеличилось, и особенно сильно во Владимирской губернии, где процесс концентрации, повидимому, протекал наиболее интенсивно. Если к этому прибавить еще, что в обще-российском масштабе наблюдалось как раз обратное явление — степень концентрации хлопча-

---

[1]) Там же за 1905 год, стр. 23—24.

[2]) См. А. Смирнов «Положение фабр. промысла во Владимирской губ. в 1905 году». «Вестник Финансов», № 17, 1906 г.

[3]) См. доклад старшего фабричного инспектора Владимирской губ. в Отдел Промышленности от 13 января 1905 года, за № 1. Архив Истпрофа ВЦСПС.

[4]) См. «Стат. бумаго-пряд. и бумаго-тк. производства» за 1900—1910 г.г. Изд. Отд. Промышл.

то-бумажной промышленности не увеличивалась, а наоборот, уменьшалась [1]) то значение этих данных еще более усилится.

Как, однако, ни характерны только что приведенные нами данные, они все же очень мало говорят нам о тех внутренних изменениях, которые произошли в текстильной промышленности Московской области под влиянием кризиса и революции. В этом отношении поучительна следующая таблица:

Среднее число всех работающих на текстильных фабриках Московской губернии за период 1901—1905 г. [2])

Группы предприятий с числом рабочих	1901 г. Общ. числ. рабочих	1902 г. Общ. число рабочих	1903 г. Общ. числ. рабочих	1904 г. Общ. числ. рабочих	1905 г. Общ. число рабочих	Процент увел. (+) или умен. (—) за 5 лет
I. свыше 1000 чел.	90161	99231	101827	101919	107678	+19,4
II. от 501—1000 „	30677	33724	34570	31694	33010	+ 7 6
III. „ 101— 500 „	36820	34850	37112	33232	31268	—15 1
IV. „ 51— 100 „	9985	9318	9175	8757	8630	—13.6
V. „ 20— 50 „	5762	5486	5003	4610	4651	—19 3
VI. „ 20 ч. и менее	1793	1567	1593	1 589	1351	—24 7
ИТОГО . . .	175198	184176	189280	181901	186588	+ 6,5

Эти данные говорят о том, что предприятия средние и мелкие (группы IV, V и VI) дают сильное понижение числа рабочих. Крупные предприятия (группы I и II) дают, наоборот, заметное повышение числа своих рабочих; в особенности это относится к 1-й группе предприятий, насчитывающих свыше 1000 человек. Картина процесса концентрации таким образом выступает здесь с достаточной ясностью: интенсивный рост крупного производства сопровождается не менее интенсивным падением роста среднего и мелкого производства. При этом любопытно, что темп концентрации ускорялся как раз в годы кризиса и революции. Так, в 1901 году в самых крупных предприятиях (от 501 рабочего и свыше 1000 рабочих) было сосредоточено 68,97% общего числа рабочих занятых в текстильной промышленности Московской губернии. В 1902 году процент этот резко повышается до 72,19%, в 1903 г. он несколько падает (72,06%), с тем чтобы подняться до 73,45%, в 1904 г. и до 75,40% в 1905 г. Такие же колебания происходят и в средних и мелких предприятиях (до 101 рабочего). В этих предприятиях было сосредоточено в 1901 году 10,01% общего числа рабочих. В 1902 году резкое понижение до 8,89%, в 1903 и 1904 г.г. незначительное понижение (8,33%, 8,28%).

[1]) Ср. число веретен на 1 ф-ку по всей России уменьшилось с 56,8 тыс. в 1900 г. до 55,7 тыс. в 1905 г. См. там же.

[2]) Кузьминых-Ланин. «Девятилетний период фабр.-зав. промышленности Моск. губ.».

В 1905 г. опять резкое понижение до 7,84%. Таким образом самые резкие колебания числа занятых рабочих в процентных отношениях как на крупных, так и на средних и мелких предприятиях падают на 1902 и 1905 г.г., т.-е. на годы кризиса и революции. Это и понятно. Мелкие и средние предприятия, как экономически менее устойчивые, не могли выдержать натиска кризиса и революции, крупное же производство не только устояло против этого натиска, но даже успело значительно окрепнуть.

В этой все возрастающей роли крупного производства можно видеть отличительную черту эволюции текстильной промышленности московского района в первое пятилетие 900-х г.г.

Ниже мы увидим, какое значение имело это обстоятельство для стачечной борьбы текстильщиков этого района. Пока же посмотрим, каково было положение этих рабочих в интересующий нас период.

Стоит только прочесть сообщения земских корреспондентов из разных пунктов Московской и Владимирской губернии, чтобы увидеть, до какой крайней нужды были доведены кризисом и войной текстильщики этих двух крупнейших текстильных центров области. Вот несколько примеров, наугад взятых из сообщений этих корреспондентов: «Бумаго-прядильня... работала зимой плохо, много прядильщиков осталось без работы» (Озерецкая волость, Моск. губ. 1902 г.) [1]. «Число лиц, уходящих на заработки, уменьшилось; нигде не берут, везде уменьшилось производство. Хозяева фабрик, видя большое предложение рабочих рук, строже относятся к фабричным и за всякие пустяки штрафуют и рассчитывают» (Дмитровский уезд, Моск. губ. 1904—5 г. [2]). «На фабриках рабочие стеснены жалованьем... заработок сократился с 10-ти руб. до 7-ми руб., из них нужно выдать на квартиру 1 рубль, 4 рубля на харчи, на обувь, на одежду. Если есть жена, дети — нечем кормить» (Переяславский уезд, Влад. губ., 1904—5 г.) [3]).

Более яркой картины бедственного положения рабочих, кажется, и не нужно. Особенно характерна корреспонденция из Владимирск. губ., где как бы в самых грубых чертах приводится бюджет рабочего-текстильщика. Не только для удовлетворения культурных потребностей, но и для покрытия самых насущных материальных нужд заработка не хватало.

Прогрессирующее ухудшение положения рабочих было вызвано главным образом несоответствием между ростом заработной платы и ростом цен на продукты первой необходимости. Так, Кузьминых-Ланин приводит следующие данные о заработной плате текстильщиков Московской губернии за период 1901—1905 г.г.:

---

[1]) См. «Статист. Ежегодник Моск. губ» за 1902 г., ч. II, стр. 8.

[2]) То же за 1905 г., стр. 24.

[3]) Прив. в ст. А. Смирнова «Положение фабричного промысла во Влад. губ. в 1905 г.» «Вестник Финансов», № 17, 1906 г.

Годы:	Средн. год. заработ.:	В %% к 1901 г.:
1901	171 р. 58 к.	100
1902	171 » 37 »	99,88
1903	174 » 51 »	101,71
1904	172 » 25 »	100,39
1905	178 » 07 »	103,78 [1])

Эти данные интересны тем, что они отражают влияние кон'юнктуры текстильной промышленности Московской области в 1901—1905 г.г. Понижение заработной платы падает как раз на периоды депрессий в этой промышленности, т.-е. на 1902 и 1904 г.г. В 1903 г. оживление промышленности приводит к некоторому повышению заработной платы. В 1905 г. она также повышается, но это уже результат экономических завоеваний рабочих. В общем же за пятилетие заработная плата текстильщиков Московской губернии повысилась на 3,78%. За это же время цены главнейших пищевых продуктов — мяса, муки, хлеба, масла и яиц — повысились в Москве, в среднем, на 11,6% [2]). Сопоставляя эти данные с вышеприведенными данными о заработной плате, мы видим, насколько рост последней отставал от роста товарных цен.

Такое же несоответствие между движением заработной платы и движением стоимости жизни иллюстрируют и другие данные того же Кузьминых-Ланина. Согласно его подсчетам стоимость харчевого дня рабочего одной Московской шелко-крутильной фабрики, если принять 1900 год за 100, в 1904 г. повысилась до 113 [3]). За этот же период номинальная заработная плата рабочих, занятых в шелковой промышленности Московской губернии, повысилась на 3,4%. Сопоставляя эти данные, мы получаем приблизительно следующую картину движения реальной заработной платы:

Годы:	Расх. на пищу:	Номин. зар. плата:	Реальн. зар. плата:
1900	100	100 [4])	100
1904	113	103,4	90,4

Для Влад. губ. у нас нет таких общих данных. Но вот сведения о заработной плате ткачей Никольской мануфактуры в Орехове-Зуеве:

Годы:	Средн. годов. заработ.:
1899/900	237,42
1904/005	215,25

---

[1]) Кузьминых-Ланин — «Девятилетний период фабрично-заводской промышленности Московской губернии».

[2]) «Статист. ежегодник г. Москвы» 1909—10 г.г., стр. 132.

[3]) Кузьминых-Ланин — «Артельное харчевание рабочих одной шелко-крут. фабрики в Москве».

[4]) Данные о зар. плате за 1900 г. у Кузьминых-Ланина не приводится, но вычислены нами по «Статистическ. сведениям о фабриках и заводах по пр-ву необложж. акцизом за 1900 г.».

[5]) Из фабричн. архива Никольской мануфактуры.

За шесть лет номинальная заработная плата даже понизилась на 9,4%. За этот же период цена одной только ржаной муки в Московской губернии повысилась на 26% [1]). Таким образом, и здесь мы видим значительное понижение реальной заработной платы.

Несмотря на понижение общего жизненного уровня рабочих, эксплоатация их все усиливалась. Чувствуя свою силу, предприниматели старались вознаградить себя от потерь кризиса и войны усилением интенсивности труда. Вводятся технические усовершенствования, машины начинают применяться там, где раньше довольствовались ручным трудом. «Ручное ткачество, — читаем мы в «Статистическом Ежегоднике Московской губернии», все падает... становится все труднее бороться с механическим ткачеством» [2]). «Ткацкие паровые фабрики вытесняют ручное ткачество и тем самым сокращают число рабочих» (Серпуховской уезд). [3]) О росте технических усовершенствований свидетельствует и все возрастающее значение применения женского труда. В Московской губернии, напр., число женщин в текстильных предприятиях увеличилось за период с 1901 по 1905 г. на 17%, а число мужчин всего на 8% [4]).

Кроме того, стал практиковаться перевод с двух на 3 и 4 станка. Так было, напр., в Лежневе, Влад. губ., где рабочих заставляли работать на 4 станках [5]); так было и в Орехове-Зуеве, где переход на 3 станка был одной из причин, вызвавших ноябрьскую стачку.

Не лучше были и другие условия труда текстильных рабочих в московской области. Вот как описывают свое положение рабочие одной фабрики московской губернии. «В спальнях невыносимая грязь; на полу грязь нарощена на 2 вершка; в семейной спальне невыносимая сырость, даже дышать нечем, а клопов миллионы. Доверенные мастерских нас крайне обижают. Просим Вас (обращение к фабриканту. М. З.), чтобы у нас были на всех фабриках одни правила, а то мы не знаем по каким правилам работать. Фоминские правила. Арцыбушевские правила» Такую же приблизительно картину рисует и корреспонденция из Твери: «Воздух на фабрике (Залогина в г. Твери. М. З.) отвратительный... Температура колеблется слишком резко — отсюда постоянные простуды. Помещения рабочих ужасны... Режим в казармах в общем тюремный: пирушки, песни — преступление» [7]). Иначе, как крепостническими, эти фабричные порядки нельзя назвать.

Так причудливо сочетались в текстильной промышленности высокие формы капитализма с крепостническими методами эксплоатации.

---

[1]) Вычислено по «Стат. Ежегодн. Моск. губ.» за соответствующие годы.

[2]) «Стат. Ежегодн. Моск. губ.» за 1900 год.

[3]) То же за 1904 год, ч. II, стр. 16.

[4]) Кузьминых-Ланин — «Девятилетний период и т. д.».

[5]) См. ст. А. Смирнова в № 17 «Вестн. Финансов» за 1906 год.

[6]) Моск. Истор. Рев. Архив, д. № 12, 1905 г. Фомин и Арцыбушев — очевидно, фамилии заведующих отделами.

[7]) «Искра», № 95, 1905 г.

Так как из года в год нарастали на фабриках социальные противоречия. И ясно было, что эти противоречия при первом механическом толчке прорвутся наружу. Этим толчком и были январские события.

Быстро, как шквал, надвинулось 9-ое января — и сразу всколыхнулись все промышленные уголки России. В предчувствии чего-то необычайного и великого зашевелились самые широкие слои рабочих, заполнив шумом своей борьбы почти весь январь и февраль 1905 г. Особенно бурным протестом откликнулись на январские события окраины; отозвался на них, хотя робко и нерешительно, и московский текстильный район.

Уже 10-го января начались стачки на некоторых фабриках Москвы, а через несколько дней движение здесь приняло характер всеобщей стачки. Инициатива январского выступления в Москве, также как и в Петербурге, принадлежала металлистам. Первыми забастовали заводы Вейхельта, Бромлея и Военно-обозная мастерская; отсюда уже толпы бастующих рабочих разбрелись по улицам и стали снимать с работы другие фабрики.

Текстильные фабрики втягивались в движение как-то пассивно: 10-го января, например, ни одна из них не забастовала самостоятельно, без воздействия рабочих со стороны. Первыми были приостановлены фабрики Шрадера, Михайлова и Досужева в Замоскворецком районе. 11-го утром стачки на текстильных фабриках принимают уже более широкие размеры. По сообщениям московского охранного отделения в этот день бастовали вигоне-бумагопрядильная фабрика Шлихтермана, аппретурная фабрика Шустрова, суконная фабрика Котова, Рябковская мануфактура, фабрика кружевных изделий Флетчера и некоторые другие более мелкие фабрики. Вечером стала, несмотря на противодействие полиции, и Цинделевская мануфактура. Однако, преобладающая часть фабрик продолжала еще работать, в том числе и такие крупные, как прохоровская и даниловская мануфактуры [1]). Последняя, впрочем, так и не примкнула к январскому движению.

12-го и 13-го волна стачек на текстильных фабриках то поднималась, то спадала: некоторые фабрики только примыкали к движению, на некоторых же стачка уже кончалась. 14-го января, когда значительная часть бастовавших фабрик приступила к работе, забастовала Прохоровская мануфактура, как бы подчеркнув этим неорганизованный характер движения. С этого дня стачки пошли на убыль. Одна за другой спешили бастовавшие фабрики стать на работу. 18-го приступила к работе значительная часть рабочих прохоровской мануфактуры, а 20-го стачка на ней была окончательно ликвидирована. Такова общая картина январского движения текстильщиков в Москве, зафиксированная в донесениях московского охранного отделения.

---

[1]) См. Моск. Ист. Рев. Архив, дело № 57, т. II, по описи охранного отдел.

Значительно слабей протекало это движение в других пунктах Московской области. «То боевое настроение, которым теперь характеризуется жизнь в Петербурге, почти отсутствует в районе северного комитета» [1]) — сообщает корреспондент большевистской газеты «Вперед» о настроении рабочих Владимирской, Костромской и Ярославской губерний (район действий Сев. комитета Р. С.-Д. Р. П. М. З.). Даже такой крупный текстильный центр, как Иваново-Вознесенск, и тот слабо откликнулся на Петербургские события. Несмотря на энергичную агитацию с.-д., рабочие «Русского Манчестера», за исключением отбельной фабрики Зубкова, не примкнули к январскому движению. Вспыхнувшая, было, стачка на ситцевой фабрике Полушина была зверски ликвидирована казаками и это послужило угрожающим предупреждением для других фабрик [2])

Центром январского выступления во Владимирской губернии явилась Кохма, где забастовали около 5.000 рабочих фабрики Ясюнинских и Щербаковых. Расстрел ивановских рабочих (на фабрике Полушина) не устрашил кохмских рабочих, и они решили упорно отстаивать свои интересы. Свою решимость бороться они даже специально подчеркнули в своих требованиях: «В Иванове-Вознесенске, — читаем мы в них, — хозяева вызвали казаков, которые... стреляли в рабочих... Заявляем, что стачку будем вести мирно, если хозяева не допустят вмешательства. В противном случае рабочие не ручаются за спокойное течение стачки» [3]). Из других требований выделяется требование 8-ми часового рабочего дня, отмены штрафов и обысков и т. п. Несмотря, однако, на проявленную рабочими стойкость, стачка и здесь была ликвидирована, благодаря репрессивным мерам, предпринятым полицией и фабрикантами [4]).

В Твери организованные рабочие пытались вызвать стачку на текстильной фабрике Морозова, но безуспешно. Созванный митинг, хотя и собрал значительное число рабочих (около 600 человек), был сорван табельщиками и подмастерьями, не желавшими бастовать [5]).

Из других мест отметим Орехово-Зуево, где бастовали рабочие Викулы Морозова, требуя введения института старост.

Мы видим, таким образом, что январское движение в Московском текстильном районе имело очень узкие пределы. Оно охватило лишь несколько пунктов, преимущественно в более крупных текстильных центрах. До самой основной массы текстильщиков гром январских событий еще не докатился. Затерявшись в лесах и болотах 8-ми губерний цен-

---

1) «Вперед», № 13, 1905 г.

2) См. «1905 год в Иваново-Вознесенском районе», отдел хроники, стр. 305. Изд. «Основа», 1925 г.

3) Требования приведены в «Трудах Владим. научного общества по изуч. местного края». Вып. III. 1923 г.

4) «Труды Владим. губ. научн. об-ва по изучению местного края». Вып. III. 1923 г.

5) «Вперед», № 12, 1905 г.

трального района, они, казалось, спали еще непробудным сном. Там же, где движение возникало, оно носило неорганизованный характер. Даже в Москве, где январские стачки приняли сравнительно крупные размеры, они по существу были также стихийными. Это можно было заметить по самому ходу стачечного движения. Не успеет стачка утвердиться на одной фабрике, как она уже кончается на другой. Без определенного плана шагает она по мелким фабрикам, минуя крупные фабрики — и наоборот, На одной и той же фабрике стачка нередко охватывает далеко не всех рабочих. Так, например, было на фабрике Цинделя, где граверы и рабочие, непричастные к производству — швейцары, дворники и сторожа — не примкнули к стачке[1]. В большинстве случаев рабочие не сознавали значения стачки. Так, например, рабочие фабрики Ганшин и Вирт, после того как были сняты с работы 11-го утром, вернулись на работу днем того же дня, пока вновь не были сняты пришедшими рабочими [2].

Неорганизованный характер московского движения был отмечен в свое время и «Искрой». Вот что писала она по этому поводу в № 88: «Стачка (январская. М. З.) прошла довольно вяло в сравнении с Петербургом. На большинстве фабрик и заводов пред'являлись экономические требования. На некоторых фабриках требований совсем не пред'являли. На многих фабриках рабочие не смогли сформулировать требований».

Другой характерной чертой январского движения является его сугубо-экономический характер. Экономические требования были выставлены везде, где стачки только возникали. Это были, прежде всего, требования 8-ми часового рабочего дня, введения выборных от рабочих, отмены штрафов и обысков, страхования рабочих и т. п. Иначе, собственно, и не могло быть в январские дни, в эти первые дни массового пробуждения рабочих, и особенно в Московской текстильной области, где эксплоатация рабочих была доведена до крайних пределов. «Первое всеобщее, непосредственное классовое действие (январское движение. М. З.), —говорит Р. Люксембург, — именно как таковое тем сильнее отразилось во внутрь, впервые громадным ударом пробуждая классовое чувство и классовое сознание в миллионах и миллионах людей. И это пробуждение классового чувства немедленно проявлялось тем, что перед всей миллионной пролетарской массой совершенно неожиданно резко и болезненно обнаружилась вся тяжесть тех экономических и социальных условий существования, которые они десятки лет терпеливо сносили в целях капитализма» [3]. И чем сильнее был фабричный гнет, чем свирепей система эксплоатации, — тем больше движение «отражалось во

---

[1]) Дело № 57.

[2]) С. Никитин — «Январская забастовка 1905 г. в Москве». «Вестник Труда», № 8—9, 1925 г.

[3]) Р. Люксембург — «Всеобщая забастовка и немецкая соц.-демократия», стр. 21, изд. Петерб. Сов. Раб. Деп., 1919 г.

внутрь», тем больше замыкалось оно в узко-экономические рамки. Так именно и было в Московском текстильном районе, где социально-экономические условия жизни рабочих требовали более радикального изменения, чем где бы то ни было.

При всей неорганизованности и ограниченности своих размеров, январское движение текстильщиков московского района все же, однако, было массовым выступлением. Если массы и не сознавали значения событий, то они определенно чувствовали новизну и необычайность их. Об этом очень образно говорит корреспонденция из Владимирской губернии в № 86 «Искры»: «Одна за другой просыпаются старые обломовки. Особенно заметно идет этот процесс в нашей губернии (Владимирской, М. З.). Здесь, там, повсюду, что-то возникает или хочет возникнуть». Именно, что «что-то хочет возникнуть» смутно чувствовали рабочие, и они то переходили в открытое выступление, то выражали свое недовольство бесформенным протестом.

Массовый характер движения сказался и в однородности пред'явленных требований. Как московские, так кохмские и ореховские текстильщики в основном выдвинули аналогичные требования. Отдельные вариации, конечно, были. Каждая фабрика в отдельности по-своему стремилась выразить протест против гнетущей системы эксплоатации, но это были лишь незначительные отступления от общей формулы. Этой общей формулой и были: требования рабочего представительства, требования коренной реформы фабричного строя.

Мы ниже подробнее займемся анализом требований, выдвинутых текстильщиками Московской области в процессе своей стачечной борьбы в 1905 году. Здесь же приведем для иллюстрации несколько январских требований, касающихся рабочего представительства. Прохоровские рабочие так формулировали эти требования:

«п. 3. Чтобы комиссия была выбрана среди рабочих и имела бы голос в равенстве с администрацией.

п. 5.Старые расценки должны рассмотреть (должны быть рассмотрены. М. З.) фабричной комиссией.

п. 6. Новые расценки согласно решения этой комиссии.

п. 7. Прием и увольнение рабочих согласно комиссии» [1]).

Несколько лаконичней требования рабочего представительства выражены рабочими фабрики Флетчера: «разрешить выбрать старосту от рабочих по их соглашению, для раз'яснения могущих быть недоразумений между фабрикой и рабочими» [2]).

На фабрике Викулы Морозова, как уже было сказано, было выдвинуто требование о введении старост по примеру Никольской мануфактуры.

---

[1]) Истор.-рев. архив, дело М. О. О., № 57, т. I, л.л. 676, 677, 1905 г.

[2]) Там же, л.л. 663, 664.

Так еще в январе был поставлен текстильщиками вопрос о коренном изменении фабричной конституции [1]).

Сама идея рабочего представительства, конечно, не нова. История экономической борьбы текстильщиков и до революции 1905 г. знает не мало примеров, когда во главе стачек, как организаторы их, становились выборные от рабочих. Стоит только вспомнить стачку на Невской бумагопрядильне в 1871 году и, в особенности, стачку на Новой бумагопрядильне в 1878 г., когда рабочие требовали участия их выборных в разрешении вопросов фабричной жизни. Она знает, наконец, и существование неоформленных экономических организаций, в виде нелегальных стачечных касс, которые также пытались организовать стачечную борьбу рабочих. Но все эти организации были временными, «текучими» и охватывали лишь передовых рабочих. Точно также и требования рабочего представительства пред'являлись до революции лишь эпизодически, от случая к случаю. Но только в январе 1905 г. эти требования выдвигаются как общепризнанная программа рабочих. Только в январе проблема реформы фабричной конституции была поставлена во всей ее широте. И существенное значение январского движения именно в том и заключается, что оно эту проблему выдвинуло как непосредственную задачу дня, завещав последующим месяцам найти пути для ее преодоления. И эти пути были действительно найдены.

Февральские стачки в московском текстильном районе являются еще в большей степени откликом на петербургские события, чем даже январские стачки. Именно в феврале движение здесь становится и шире по своему размаху, и глубже по своему содержанию.

Если, например, в январе московская охранка отметила в Московской губернии только одну стачку, то уже в феврале она насчитывает в ней целых 8 стачек [2]). В феврале же в движение втягивается и кинешемский район, не примкнувший к январскому выступлению текстильщиков. Наконец, именно февральское движение завершается, длившейся почти месяц и явившейся новым моментом в истории стачечной борьбы текстильщиков 1905 г., Орехово-Зуевской стачкой.

При анализе февральского движения можно заметить в нем две струи: стихийность — с одной стороны, и нарождающуюся организованность — с другой. Для первой характерна стачка рабочих Гавриловской мануфактуры в Ярославле. Причиной стачки послужил здесь крайне

---

[1]) Текстильщики, конечно, не являются пионерами в этом отношении. Требования рабочего представительства были выставлены также московскими металлистами, печатниками и др. Впервые же в 1905 году эти требования были выдвинуты путиловскими рабочими.

[2]) См. табл., составл. т. Никитиным и помещ. в сборнике Истпрофа МГСПС: «Московское професс. движение», 1926 г.

низкий заработок рабочих. Рабочими были пред'явлены 9 пунктов требований — все экономического характера: изменение расценков, увеличение квартирных денег, оплата сверхурочных работ и т. п. Переговоры с администрацией велись всеми рабочими вместе и только после предложения фабричного инспектора ими были выбраны депутаты. Неорганизованный характер стачки сказался уже в той форме, в которой были пред'явлены требования. По словам фабричного инспектора, «просьбы выражались без всякой системы, т.-е. каждый просил за себя. Так, напр., молодые новые работницы просили сравнить их по заработку со старыми, а старые, напротив, просили увеличить их заработок против молодых» [1]).

Кроме того, не все рабочие, желали продолжать стачку. Рабочие ткацкого отделения, например, из'явили готовность начать работу, но не приступили к ней из «опасения в насилии со стороны нежелающих» [2]). Стачка все же продолжалась около недели.

Более организованно прошла стачка на Ростовской мануфактуре в Ростове-Ярославском. Здесь во главе стачки стояли выборные депутаты, которые и вели переговоры с администрацией. Требования и здесь были пред'явлены чисто экономические.

В Костроме стачка вспыхнула на фабрике Зотова, где рабочие пред'явили требование 8-ми часового рабочего дня, избрания комиссии для разбора недоразумений на фабрике, устройства яслей и т. п. Стачкой руководили Костромские с.-д. [3]).

Особенной организованностью выделяется Орехово-Зуевская стачка. Глухое брожение среди рабочих Никольской мануфактуры было замечено еще в начале февраля. Рабочие настаивали на устройстве общего собрания. Когда это собрание было разрешено им С. Морозовым, они между собой столковались и решили об'явить стачку. Дни 12—13 февраля прошли в переговорах с С. Морозовым. Получив отрицательный ответ на свои требования, рабочие 14 февраля прекратили работу. В этот же день бастующие рабочие отправились в Зуево, где также приостановили все фабрики. Зуевские рабочие в свою очередь стали снимать с работы окрестные фабрики, и 15-го таким образом стоял уже весь орехово-зуевский район с десятками тысяч рабочих [4]).

Центром стачечной организации явились старосты, выбранные за несколько дней до стачки. Они вели переговоры с администрацией, они же вырабатывали и формулировали общие требования. Вначале стачка носила исключительно экономический характер. «О политике речь пока не шла, ибо наша публика была не охоча до политики», — так характе-

---

[1]) См. доклад старш. фабр. инспектора Яросл. губ. за № 386 1905 г., архив Истпрофа ВЦСПС.

[2]) Там же.

[3]) «Вперед», № 9, 1905 г.

[4]) См. «Раб. Союз», № 10, 1906 г.

ризует первые дни стачки один из руководителей ее т. Клюев [1]). Впоследствии, когда борьба затянулась, она стала проникаться и политическими мотивами.

Уже с первых дней определился длительный характер стачки. Под руководством старост рабочие упорно отстаивали свои требования, из которых главными являлись требования сокращения рабочего дня до 9 часов, выдачи наград, увеличения заработной платы на 30% и права выбирать смотрителей и старших рабочих [2]). Не шла на уступки и администрация фабрики. Борьба обострилась еще тем, что с самого начала в ход стачки вмешалась полиция. Она стала арестовывать руководителей стачки и запрещать собрания рабочих. Не обошлось, конечно, и без драматических эпизодов. Так, казаки нагайками избили женщин, несших на своих плечах корзины с бельем [3]). Это зверское избиение беззащитных женщин больше прояснило классовое самосознание рабочих, чем даже политическая агитация с.-д. Для широких масс полицейский штык больше конкретизировал связь экономики с политикой, чем теоретические обобщения социал-демократических ораторов. Если раньше рабочие индиферентно относились к политической агитации, то теперь они стали жадно прислушиваться к ней. Митинги происходили почти ежедневно (в фабричной бане). На этих митингах обсуждались вопросы стачки и произносились политические речи. В изобилии распространялись на них прокламации Московского Окружного комитета, вскоре овладевшего всем движением. Насколько выросла политическая сознательность рабочих во время стачки, видно из следующей резолюции:

«Мы, рабочие Никольской мануфактуры, обсудив условия нашей борьбы в теперешней стачке и приняв во внимание судьбу комиссии Шидловского, пришли к твердому убеждению, что улучшение быта рабочих не совместимо с существующим государственным строем. Нельзя говорить об улучшении нашей жизни до тех пор, пока не будет обеспечена неприкосновенность личности, свобода собраний, слова и печати... Довольно обманывать нас пустыми обещаниями! Довольно обманывать сознание рабочих различными комиссиями под председательством чиновников и шпионов!» [4])

Между тем, стачка все продолжалась, администрация вывешивала об'явление за об'явлением с угрозой закрытия фабрик. Усилились и репрессии полиции: аресты делегатов и повальные обыски по казармам стали обычным явлением. Эти репрессии так возмутили рабочих, что довели их даже до открытого нападения на солдат. Полиция, конечно, жестоко отомстила за это посягательство на «царское войско», но стачка все же

---

[1]) См. воспомин. Клюева в «Пути к Октябрю», вып. II, стр. 134. М. 1923 г.

[2]) Требования приведены в «Трудах Влад. губ. о-ва по изучению местного края», вып. III.

[3]) См. воспоминания Клюева.

[4]) См. «Труды Владимирского общества» вып. III.

не кончалась. Однако, и упорству рабочих пришел конец. Стала сказываться материальная нужда, этот обычный усмиритель стачек. Удовлетворить ее не было никакой возможности. Организованная стачечная касса оказывала больше моральную, чем материальную поддержку. Теми мизерными средствами, которыми обладала касса, нельзя было сколько-нибудь заметно уменьшить нужду многотысячной массы. К тому же касса обслуживала и викуловских рабочих, доведенных также до крайнего истощения продолжительной стачкой. Все это заставило руководителей стачки подумать о ее прекращении. В этом смысле высказался также и Московский Окружной комитет. «Товарищи, — писал он в своем воззвании, — мы приглашаем Вас прекратить стачку и встать на работу, мы не видим возможности держаться дальше и вот почему. С каждым днем растет число товарищей нуждающихся в денежной поддержке. В нашей стачечной кассе осталось еще несколько сот рублей, но и этих сотен скоро станет мало, потребуются тысячи, не забудьте еще, что мы должны поделиться с викуловскими товарищами... Кроме того, в последнее время мы продолжали стачку потому, что наши депутаты не могли передать наши политические резолюции. Но так ли это важно для нас? Нашу резолюцию и без того знает весь мир... Стоит ли тогда из-за этого продолжать стачку и голодать?» [1]) Так после трехнедельной упорной борьбы была ликвидирована Ореховская стачка.

Эта стачка явилась новым этапом в истории борьбы текстильщиков московского района в 1905 г. Она прежде всего была массовой стачкой, охватившей целый район. Исключительная обстановка, в которой она протекала, обстановка назревающей революции, придала ей политический оттенок. В ней, поэтому, обнаруживаются уже тенденции революционной массовой стачки, характерной чертой которой является взаимодействие экономической и политической борьбы. В ней намечаются также и организационные моменты такой стачки — это выросшая из самой массы руководящая ячейка — депутаты. И если здесь руководителем стачки явился безобидный институт старост, то это характеризует лишь силу рабочего движения, оказавшегося способным превратить созданную с благословения полиции организацию в ее собственную противоположность. Для Орехово-Зуевской стачки характерно, наконец, и то, что ее организационные связи выходили за ее собственные пределы. Мы видели выше, что ореховская стачечная касса охватывала также и викуловских рабочих. Через эту кассу и установились связи между депутатами викуловской фабрики и старостами Никольской мануфактуры.

Все отмеченные нами черты Ореховской стачки позднее получили свое более полное развитие в Иваново-Вознесенской майско-июльской стачке, и в этом отношении можно ее считать прологом к этой последней.

---

[1]) Там же.

Март и апрель, — период относительного затишья, в стачечной борьбе текстильщиков московского района. Кое-где, конечно, назревали конфликты, кое-где даже вспыхивали стачки, но это были лишь осколки январско-февральского движения.

Социал-демократия спешила использовать это «затишье» для широкой подготовки рабочих к предстоящим выступлениям. Учтя опыт январско-февральских стачек, она стремится приспособить свою пропаганду к уровню социально-политической сознательности масс, не принижая, однако, ее до степени «экономизма». Наоборот, она строит свою агитацию так, чтобы в процессе экономической борьбы рабочие сами могли понять необходимость революционного переворота. И их труды не пропали даром. Это прежде всего показало первомайское выступление текстильщиков Московской области, собравшее в некоторых пунктах, как, напр., в Костроме Твери и Иванове, значительное количество рабочих. Но с еще большей убедительностью это показало майско-июльское стачечное движение текстильщиков области.

Открылось это движение грандиозной стачкой в Иваново-Вознесенске. Эта стачка всколыхнула и самые отсталые слои рабочих. «В этот майский вечер (12 мая, когда была решена стачка. М. З.) люди побросали игру в карты, в кости, перестали петь песни, жены не могли дозваться своих мужей ужинать, молодежь улыбалась, а у стариков морщины на их лицах становились все глубже и глубже. «Решено и подписано» — говорили одни. «Пора» — слышалось в другом месте»[1]),— так торжественно пришла стачка, открывшая собой новую страницу в истории профессиональной и революционной борьбы текстильщиков.

Словно по мановению невидимой руки, остановились 12 мая все фабрики. А уже вечером этого дня рабочие с небывалым под'емом и энтузиазмом направились к реке Талке, чтобы совершить здесь свой первый творческий акт — выборы совета депутатов. Разбившись по фабрикам и цехам, рабочие выбрали из своей среды около 150 уполномоченных и образовали единое рабочее представительство — Совет Рабочих Депутатов. Тут же Совету были даны директивы: «1) руководить стачкой избранному Совету рабочих депутатов; 2) никаких сепаратных переговоров и действий не допускать; 3) вести всем стачечникам себя скромно и организованно; 4) к работе приступать только по решению Совета Рабочих Депутатов»[2]).

Так уже с первого дня своей стачки ивановские текстильщики решили выступить в борьбе с фабрикантами не отдельными фабриками, а сплоченной массой, не разрозненными группами, а о р г а н и з о в а н н ы м к л а с с о м. Быть же выразителем их классового единства они поручили Совету Рабочих Депутатов.

---

[1]) А. Е. Ноздрин — «Талка», об. «1905 г. в Иваново-Вознесенском районе», стр. 83, изд. «Основа», 1925 г.

[2]) Смирнов-Малков — «На заре рабочего движения в Иваново-Вознесенске».

Уже в этом решении сказалась новая черта движения. Выборы депутатов были в Иваново-Вознесенске не редкостью и раньше, до революции. Но обычно в это время переговоры с фабрикантами велись сепаратно депутатами каждой фабрики в отдельности. Это был еще период, когда ивановские текстильщики «брели розно» и не осознавали еще своих общих интересов. Только в мае 1905 г. они выступили единым фронтом, только в этот месяц они проявили глубокую, классовую солидарность. Здесь, несомненно, сказалось уже веяние революции.

Но характерно, что и здесь стачка в начале носит исключительно экономический характер. «Мы хотим мирной борьбы, а не революции, у нас забастовка экономическая», — говорили рабочие, как только начиналась политическая агитация. Конечно, в революционной атмосфере 1905 г. каждая крупная стачка об'ективно являлась уже политическим актом, а Ивановская стачка впоследствии стала даже суб'ективно политической: она выставила требования свободы печати, союзов, собраний, неприкосновенности личности и жилища и созыва учредительного собрания. Но это было именно впоследствии, когда политическая агитация уже сделала свое дело. В начале же она возникла как экономическая стачка. И Совет Депутатов был выдвинут здесь вначале как экономическая организация для ведения стачки. Правда, им руководили местные социал-демократы, но он был особой организацией, через которую с.-д. проводили свои идеи и опыт в массу.

Выросши из недр самой массы, Совет становится для нее притягательным центром. Она прислушивается к каждому его слову. Он вырабатывает и формулирует ее требования. Он организовывает рабочую милицию «для поддержания порядка на улицах города во время стачки» и «чтобы... действовать согласно и встать на работу не раньше, чем на это согласятся все рабочие, а также во избежание столкновения между работающими и бастующими рабочими» [1]). Он становится, наконец, общим местом поклонения: к нему приходят рабочие с окружающих фабрик спрашивать совета, как организоваться, к нему обращаются и отдельные рабочие за разрешением своих собственных житейских невзгод. Но и этим деятельность совета еще не ограничивается. В руках с.-д. он становится орудием политического воспитания масс. Ежедневно устраиваемые им общие собрания (на реке Талке) привлекали тысячи рабочих. На этих митингах обсуждалось положение рабочих, велась политическая агитация и читались научные лекции. Так Талка постепенно превращалась в «социалистический университет», где отшлифовывалось классовое самосознание рабочих.

Из характеристики деятельности Совета можно уже заметить, какой сложной, по существу, организацией он являлся. Детище революции и стачечной борьбы, он вмещает в себе еще элементы этих двух форм рабо-

---

[1]) Из постановлений Совета, см. ст. А. Ноздрина, стр. 112.

чего движения. В нем еще неразрывно связаны политические и экономические функции. Но при внимательном анализе можно все же заметить преобладание экономических мотивов в его деятельности. Его главной задачей все же было руководство стачкой. Все остальное подчинялось этой основной задаче. Даже рабочая милиция, этот, казалось бы, политический орган, была выдвинута, как мы видели, только для организации стачки, а не для проведения в жизнь политических решений Совета. И политическая деятельность его являлась также его побочной функцией, рожденной самой революционной обстановкой. Он не был «революционной властью» по примеру Петербургского совета. Правда, по его распоряжению открывались и закрывались фабрики и регулировалась фабричная жизнь [1]), но это характеризует его больше как забастовочный комитет, чем как политическую организацию. Его компетенция ограничивалась пределами стачки. И если революционный момент вывел стачку из рамок чисто экономической борьбы, то это должно было придать известную политическую окраску и деятельности совета. Но в основном Совет все же оставался экономической организацией. Не в этом ли одна из причин того, что его влияние, как политической организации, осталось совершенно изолированным?

В ответ на ивановские события разразились всеобщие стачки в Шуе, в Тейкове, Родниках и Кинешемско-Вичугском районе. Эти стачки воочию убедили полицию в том, что расстрелом ивановских рабочих на Талке ей не удалось еще уничтожить рабочую солидарность. Одна фабрика за другой стремились выразить свое сочувствие ивановским рабочим. Даже дотоле дремавший Вичугский район — и тот спешил приобщиться к общему протесту.

Первой в этом районе забастовала бумаго-ткацкая фабрика бр. Разореновых в с. Вичуге. Забастовка эта продолжалась всего полдня, так как администрация сейчас же согласилась удовлетворить главные требования рабочих. Несмотря, однако, на непродолжительность стачки, она все же по словам фабричного инспектора «послужила сигналом к забастовкам фабрик обширного Вичугского района» [2]).

23 мая остановились все 3 фабрики в селе Гольчихе. Рабочие этих фабрик отправились в соседнее селение (Бонячки, Тезино) и приостановили здесь все фабрики. Как быстро распространялись здесь стачки видно из следующих цифр. Так, 21 мая бастовало всего 1.865 человек, а 24-го число бастовавших достигло уже 8.434 чел., 25-го же это число увеличилось до 12.594 ч. [3]). На всех фабриках были пред'явлены аналогичные требования, которые, по словам фабричного инспектора, «сводились к двум основным группам: к требованиям об увеличении заработка и об упоря-

[1]) См. ст. А. Ноздрина.

[2]) См. Ф. Дебюк — «Рабочее движение в Костромской части Иваново-Вознесенской губ.» в упомянутом Ив.-Возн. сборнике.

[3]) Там же.

дочении способа сношений с администрацией фабрик, хотя бы путем учреждения при фабриках должностей старост». [1]) Это общее выступление рабочих Вичугского района заставило сплотиться фабрикантов и они стали закрывать фибрики и рассчитывать рабочих. Благодаря этим решительным мерам стачки были прекращены.

1-го июля вспыхнула всеобщая стачка в с. Родниках. Началась стачка на фабриках Анны Красильщиковой, а затем перекинулась и на фабрику М. И. Красильщикова. Всего бастовало 6.000 рабочих. Родниковскими рабочими были пред'явлены требования экономического характера: учреждение старост, увеличение заработной платы от 30 до 100%, уничтожение черных книг и т. п. В ответ на эти требования, директор фабрики Красильщиковой обратился с длинной речью к рабочим, в которой призывал рабочих «предать забвению все происшедшее» и вернуться к работам. Эта «агитационная» речь так подействовала на рабочих, что они решили приступить к работам и даже обратились с письмом к директору, в котором просили его не «судить их строго», так как «если всмотреться в настоящее положение государственной жизни, то забастовка покажется делом обыкновенным... тучи внутренних смут не могли обойти и нас». Зная «доброе сердце» директора, они далее просили его, чтобы его «любвеобильные» слова «предать — все забвению» были «в точности выполнены конторщиками», а за это они обещали ему «впредь быть поосторожнее» и даже отслужить «молебен о здравии царя и панихиду по воинам на поле брани убиенным». [2]) Это письмо является любопытным документом для характеристики политической отсталости родниковских рабочих.

Ответным эхом на Ивановскую стачку была также и всеобщая костромская июльская стачка. Эта стачка была решена ответственными партийными организаторами фабрик. По выработанному плану первой забастовала самая крупная кашинская фабрика, где рабочие давно уже склонялись к стачке. Вскоре к ней примкнули и остальные фабрики. На всех забастовавших фабриках были выбраны депутаты, которые под именем «собрания депутатов» взяли руководство стачкой в свои руки. Фабриканты в самом начале стремились разбить движение. С этой целью они вывесили об'явление, в котором обещали рабочим частичные уступки, если они явятся в конторы для переговоров. Но этот испытанный метод «разделяй и властвуй» — не удался. Рабочие по конторам не пошли, а собрание депутатов известило фабрикантов, что «рабочая масса решила приступить к переговорам через своих депутатов».

Общий ход костромской стачки очень многим напоминает Иваново-Вознесенскую стачку. Как и в Иваново-Вознесенске, рабочие и здесь лишь постепенно, в процессе самой стачки, усваивали связь экономической

---

[1]) Там же.
[2]) Письмо приведено в ст. Ф. Дебюк.

борьбы с политической. «Рабочие Костромы страшно серые, отсталые, многие из них еще не порвали связи с деревней. К политике относятся отрицательно. Но после события сделали свое дело и расшевелили... костромских рабочих», [1]), так характеризует «Пролетарий» политическую эволюцию костромских рабочих. Так же, как и в Иваново-Вознесенске, здесь происходили массовые митинги и собрания депутатов. «Пролетарий» так описывает эти митинги и собрания: «Каждые 8 дней происходят собрания 3-х категорий: депутатское, общее, и массовое (иногда до 15 тысяч), на «Костромке» (река Костромка), за келейным заводом. Депутатские собрания проходят очень оживленно. Общие массовые собрания привлекают все более и более публики. Здесь говорили сначала речи исключительно экономического характера, потом, когда масса была взята в руки, материал и освещение стали другими. Теперь говорят уже политические речи, хотя и не всегда откровенные». [2]) Это как бы копия с картины собраний на Талке, только в уменьшенном размере. Организационным центром стачки и здесь являлся Совет депутатов («собрание депутатов»). При этом Совете была учреждена финансовая комиссия (стачечная касса. М. З.) для оказания помощи нуждающимся рабочим. Костромская стачка тянулась больше 3-х недель и была прекращена по постановлению собрания депутатов, когда фабриканты пошли на уступки. [3])

Среди московских текстильщиков Ивановские события не нашли непосредственного отклика. Все же май, июнь, июль были месяцами оживленной стачечной борьбы в Москве и губернии. Московская охранка насчитывает, например, за это время 18 стачек с 17.500 стачечниками. [4]). Из этих стачек достойна быть отмеченной, как по своей продолжительности, так и по своей организованности, стачка на Высоковской мануфактуре в г. Клину. История этой стачки вкратце такова. 16 июля рабочие, предварительно посовещавшись между собой, пред'явили администрации фабрики требование об увеличении заработной платы и увольнении рабочих, заподозренных в сношениях с фабричной полицией. Получив отказ в удовлетворении этих требований, рабочие все, как один, забастовали. Правление фабрики сейчас же вывесило об'явление о закрытии фабрики и расчете всех рабочих. Чтобы обсудить создавшееся положение рабочие собрались в лесу, неподалеку от фабрики, и решили всем получить расчет, но «никому на фабрику не поступать пока не будет об'явлено, что примут всех без исключения». А чтобы не вызвать нежелательных конфликтов, тут же было постановлено, чтобы никто не входил ни в какие переговоры с полицией [5]). Однако, несмотря на мирное

---

[1]) «Пролетарий», № 5, 1905 г.

[2]) Там же, № 14.

[3]) М. Растопчина — «Очерки по рабочему движению в Костроме». Изд. Костромского Губкома. 1922 г.

[4]) См. таблицу С. Никитина.

[5]) Моск. Ист. Рев. архив, дело № 12, л. 251, 1905 г. по описи Моск. Жанд. Управления.

настроение рабочих, на фабрику были приведены войска. Рабочие стали тогда настаивать на уводе войск, угрожая в противном случае затянуть стачку. «В переговоры с администрацией, — заявили они, — мы вступим только тогда, когда будут уведены войска, присутствие которых можно об'яснить только подлостью нашей администрации»[1]). Войска, конечно, не были уведены и рабочие к работам не приступили. Во все время стачки рабочие держались очень организованно и продолжали собираться в лесу. Эти собрания привлекали и окрестных крестьян и они часто напоминали сельские митинги. Вначале на собраниях о политике не говорилось, так как рабочие не желали «вводить политического элемента в забастовку». [2]) Но потом на них стали «происходить суждения... об образе правления в России; земских и других налогах на крестьян; о малоземелье; о бедственном состоянии фабрично-заводских рабочих.... суждения ведутся по большей части по вопросам взятым из газет, которых на фабрике получается очень много». Кроме того, на собраниях решались также вопросы, связанные с ходом стачки.

Между тем администрация, видя упорство рабочих, попыталась расколоть движение. Через своих подмастерьев она стала подговаривать рабочих вернуться на работу. Часть рабочих не устояла против соблазна вернуться на фабрику и стали сдавать свои паспорта в контору. Но большинство рабочих настаивало на продолжение стачки, что они и подчеркнули в своем постановлении. «Мы стоим около уже 2-х недель,— читаем мы в постановлении общего собрания рабочих, — но дух наш бодр и решение бороться до конца непоколебимо. Наша сила в единении и администрации не удастся с помощью отдельных изменников внести в нашу дружескую и товарищескую среду раскола. Чем больше администрация будет упорствовать в нежелании исполнить наше справедливое требование, тем больше помогут нам собрания соединиться, сплотиться и узнать правду о нашем положении [4])». Против же сдавших свои паспорта рабочих решено было принять следующие меры: не выдавать пособия им из образованного стачечного фонда и выставить, кроме того, караульных, которые не пускали бы их на фабрику [5]). Так стачка тянулась до 18 августа, когда рабочие из'явили согласие приступить к работам, если только никто из бастовавших не будет уволен. Администрация, однако, не пожелала принять обратно около 100 рабочих. Тогда рабочие «с песнями и ища хлеба» двинулась на город приостанавливать фабрики. Только на другой день, когда администрация согласилась сократить число увольняемых до 35, стачка была прекращена [6]).

---

[1]) Там же, лист № 292.
[2]) Там же, лист № 259.
[3]) Там же, лист № 260.
[4]) Там же, лист 292.
[5]) Там же, лист 299.
[6]) Там же, лист 313.

В майско-июльском движении можно отметить 3 типа стачек. К первому типу можно отнести всеобщие стачки в Вичугском и Родниковском районах. Только что всколыхнувшись, эти районы как бы повторяют превзойденный этап январского движения. Стачки здесь протекали так же стихийно, как и описанные нами выше январские стачки в Московской области. На некоторых фабриках, например, не все рабочие примкнули к движению. Так было на фабрике бр. Розореновых в Вичуге, где часть рабочих отказалась поддержать бастующих. Так было и на фабрике Н. А. Красильщикова в Родниках, где рабочие отделочного отделения желали работать и только под давлением ткачей вынуждены были забастовать. [1]) Еще больше «январский» характер движения подчеркивает всеобщая июльская родниковская стачка, окончившаяся, как мы видели, тем, что рабочие предложили отслужить молебен «за здравие царя». Так, несмотря на события 9 января, сильна была еще вера в царя у родниковских рабочих.

Высоковская мануфактура дает нам другой тип стачки. Здесь уже масса проявляет замечательную выдержанность и упорство, хотя в ее поведении можно заметить и налет «бунтарства»: «Если будут арестованы или уволены товарищи за участие в забастовках и собраниях.... мы все двинемся на город», — заявляли рабочие своей администрации. [2]) И они действительно, как уже было отмечено, «двинулись на город», когда им было отказано в обратном приеме некоторых рабочих. Наконец, в этой стачке мы видим, хотя и в слабой степени, взаимодействие экономической и политической борьбы. Но она все же не поднимается до такой высокой формы борьбы, как Иваново-Вознесенская стачка.

Последняя являет уже собой более высокий тип стачечной борьбы. Начавшись как экономическая стачка, она к концу превращается в грандиозную политическую демонстрацию. Во главе ее стоит сплоченная массовая организация — Совет Рабочих Депутатов. Эта организация не была привнесена извне, ее породила об'ективная потребность самого движения. Размах движения был здесь так велик, что только такая широкая демократическая организация, какой был Ивановский Совет, могла руководить им. Социал-демократия только выходила в это время из подполья и она не могла охватить своим организационным аппаратом самые широкие и отсталые слои рабочих. Только действуя через выросшую из недр самой массы организацию, она могла внести струю сознательности в движение. Она могла быть только мозгом, но не душой массы. Вдохновить же массу, зарядить ее энтузиазмом и героизмом могла только такая организация, которая являлась костью от кости и плотью от плоти ее. Такой именно организацией и был Ивановский Совет.

Об'ективная обстановка определила также и самый тип стачечной организации. Цех и фабрика — вот форма организации, диктуемая самым

[1]) См. ст. Ф. Дебюк.

[2]) Дело № 12, л. 291.

производственным процессом. По принципу представительства цехов и фабрик и был создан Ивановский Совет.

Так в процессе стачечной борьбы выросло то подлинное рабочее представительство, которое так долго являлось заветной мечтой рабочих. Так, майско-июльским движением была выполнена та задача, которая была поставлена еще январским движением. И выполнена она была не легальными путями, а методами революционной борьбы. Эти методы борьбы за рабочее представительство и усвоили текстильщики Московской области в своей дальнейшей борьбе.

В августе стачечная волна в Московском текстильном районе стала спадать. Только в Москве и Иваново-Вознесенске борьба не затихала. В Москве в это время бурлила политическая жизнь. На заводах и фабриках то и дело устраивались импровизированные митинги, а за заставами массовки стали обычным явлением. В Иваново-Вознесенске не улеглась еще майско-июльская борьба. Словно застывшая лава, она прорывалась наружу то на одной, то на другой фабрике.

По своим организационным формам выделяется августовская стачка московских ленточников. Организована она была сознательными рабочими. На двух—трех фабриках удалось им создать по небольшому ядру, которые взялись провести стачку. Решено было начать ее на самых крупных фабриках — Сегалова и Ганшина. План действий был выработан на собрании представителей фабрик. Здесь же были формулированы и требования (9-ти часовой рабочий день, увеличение заработной платы на 15%, улучшение санитарных условий и т. п.). Эти требования были впоследствии пред'явлены на всех ленточных фабриках.

Как и было постановлено, первыми забастовали фабрики Сегалова и Ганшина; постепенно к ним примкнули и другие более мелкие фабрики. На всех фабриках были выбраны депутаты, которые и руководили стачкой. Кончилась стачка полной победой рабочих. Главнейшие их требования — 9-ти часовой рабочий день и увеличение заработной платы — были удовлетворены почти на всех ленточных фабриках. Успешный исход стачки, явившийся результатом об'единенного выступления рабочих, поднял их настроение и они решили создать постоянную организацию для защиты своих профессиональных интересов. Форма этой организации намечалась уже во время стачки. Это — собрание депутатов. Вот как описывает один рабочий из фабрики Ганшина возникновение совета депутатов ленточников. «Перед нами встал вопрос, как лучше сплотиться и сорганизоваться. Поговорили с Сегаловскими рабочими и решили в субботу устроить общее собрание. Далеко пришлось итти, но все энергичные товарищи пришли. На собрание от нас пришло человек 100, да от Сегалова и Горбунова человек 40. Выбрали председателя и поставили на обсуждение такой вопрос: как плотнее сорганизоваться для борьбы

с хозяевами. Решили, что необходимо иметь порядочных депутатов, чтобы эти депутаты стояли за интересы рабочих... Депутатам мы решили предоставить широкие права. Без депутатов хозяин не имеет права ни увольнять с работы, ни принимать новых рабочих на фабрику, ни понижать заработной платы, одним словом, без согласия депутатов хозяин ничего не может предпринять. Рабочие обязываются с конторой сноситься только через депутатов. Всякий, кто нарушит это постановление, будет изменником и врагом рабочих. Дальше мы порешили, чтобы депутаты давали отчет о своей деятельности рабочим». [1]). Впоследствии эти решения были санкционированы общими собраниями рабочих и таким образом было положено основание совету депутатов ленточников. В Москве это был первый совет депутатов. Совет ленточников об'единял также и рабочих Богородских ленточных фабрик, представители которых входили в его состав. Из этого совета впоследствии вырос союз ленточников. «Первый союз, — пишет К. Дмитриев (П. Колокольников), — возникший таким образом (путем эволюции совета рабочих депутатов. М. З.), был союз ленточников. Немногочисленность предприятий и рабочих, сблизившихся во время августовской стачки и добившихся одинаковых условий найма, помогли им встать на ноги». [2])

В союз вошли большинство рабочих ленточных фабрик. При союзе было организовано «Бюро по приисканию работы», имевшее целью ограничить доступ не-членам в ленточное производство. Здесь сказался замкнутый и узко профессиональный характер союза, что может быть об'яснено высококвалифицированным составом ленточников.

Стачка ленточников завершает собой эволюцию форм стачечной борьбы текстильщиков московского района. Те организационные моменты, на которых остановилась Ивановская стачка, здесь уже были доведены до конца: совет депутатов — эта недиференцированная еще экономическая организация — превращается в четко оформленный союз. Она отражает в себе и основные этапы этой эволюции. От отдельных депутатов к Совету депутатов, от Совета депутатов к профессиональному союзу, — вот пути развития организационных форм стачечной борьбы текстильщиков Московской области.

Интенсивно протекало августовское движение и в Иваново-Вознесенске. Впечатление майско-июльского поражения стало улетучиваться здесь с первым стуком фабричных станков. Как только зашевелилась фабричная жизнь, борьба возобновилась. Пришлось только изменить ее методы. Побежденные в открытой уличной борьбе, ивановские рабочие

---

[1]) Моск. Ист. рев. архив, дело № 773, т. II, л. 207, 1905 г. по описи Московского охранного отделения.

[2]) Более подробно об этом союзе см. в нашей статье: «Зачатки проф. движения текстильщ. центральн. района». («Материалы по ист. проф. движения в России», сб. II, 1924 г.).

перенесли ее на фабрики. Открытая война была заменена партизанскими действиями.

Уже через несколько дней после начала работы на всех фабриках начались волнения. Рабочие стали в мешках вывозить более свирепых мастеров, везде начали пред'являть требования об увольнении нежелательных рабочих и уплаты за забастовку. Такие требования были пред'явлены на фабриках Полушина, Дербенева, Куваева, Грязнова, Зубкова и друг. [1]). На многих из них требования подкреплялись стачками.

Эта борьба внутри фабрик показала ивановским фабрикантам, что рабочие еще не разбиты, что на Талке им не удалось окончательно сломить их дух. Наоборот, они убедились, что рабочие вернулись оттуда еще более закаленные в борьбе — и они повели против них дезорганизаторскую политику. Стали натравливать темные элементы фабрик на передовых рабочих и поощрять черносотенное движение. На фабрике Кашинцева по требованию черносотенцев были рассчитаны 3 женщины, а на фабрике Куваева после столкновения с ними были арестованы 53 рабочих. Не повезло черносотенцам только на фабрике А. Гандурина. 18-го августа из-за ареста нескольких рабочих вспыхнула на этой фабрике стачка. Не примкнули к ней, однако, раклисты. Когда рабочие отправились к последним снимать их с работы, они были встречены кулаками. Вооруженные раклисты ворвались в другие отделения с целью заставить рабочих отказаться от поддержки арестованных. Произошло побоище, кончившееся печально для раклистов: они вынуждены были прыгать из окон 2-го этажа. [2]) Так уже в августе в Иванове зарождалось то реакционное движение, которое достигло своего апогея в октябре и которое легло темным пятном на ивановских рабочих.

В Твери в августе разразилась всеобщая стачка текстильных фабрик. 12-го августа прекратили работу рабочие фабрики Залогина. 13-го к ним примкнули рабочие Морозовской фабрики. Стачка прошла здесь очень дружно. «Несмотря на крайне низкий уровень рабочих, — писала «Искра», — стачка носила все признаки организованности». [3]). Руководили стачкой с.-д.

В сентябре всеобщая стачка печатников явилась прелюдией ко всеобщей октябрьской забастовке, а в октябре полная приостановка железнодорожного движения сделала несомненным для всеобщего сознания факт развертывающейся революции во всей России. Текстильщики Московской области встретили революцию с ослабленными в летней борьбе силами.

---

[1]) См. Иваново-Вознесенский сборник, отдел хроники.

[2]) Архив департамента полиции, 4-е делопроизводство, ч. 30, т. 4 о стачках и волнениях по Владимирск. губ.

[3]) «Искра», № 112, 1905 г.

Они, конечно, не оставались индиферентными к ней, но они и не шли в авангарде ее, а как то недружно плелись вслед за печатниками, железнодорожниками и металлистами. Даже находившиеся в центре событий московские текстильщики и те туго поднимались. В сентябрьском движении не только застрельщики его — печатники — но и рабочие других профессий, как, напр., металлисты, пищевики и химики, шли также впереди их. По данным московской охранки в сентябре бастовало 6.000 печатников, 4.236 металлистов, 3.972 пищевика, 1.500 химиков, а текстильщиков всего 1.330 [1]). В октябре стачечная борьба текстильщиков несколько оживилась, но она все же имела очень ограниченные размеры (3.303 стачечника).

И не только по размаху, но и по характеру своему движение московских текстильщиков не соответствовало темпу наростающих событий. Почти на всех забастовавших фабриках были пред'явлены экономические требования. И только одна Цинделевская мануфактура открыто заявила о своем приобщении к обще-революционному движению. «Выражая свою полную солидарность с требованием всей России, направленным к улучшению материального и правового положения, — заявляли цинделевцы своей администрации, — мы требуем свободы слова, печати, союзов, стачек и собраний, неприкосновенности личности и жилища. Для проведения этих требований необходим созыв Всенародного Учредительного Собрания на основе всеобщего, равного и тайного избирательного права» [1]).

И в Московской губернии сентябрь был месяцем сравнительно слабой стачечной борьбы. Зато октябрьское движение принимает здесь интенсивные размеры (15.242 стачечника) и охватывает ряд глухих районов, в которых впервые за 1905 г. началась экономическая борьба. В октябре же разразилась всеобщая стачка в Серпухове, охватившая все текстильные фабрики [3]).

В Иваново-Вознесенске в сентябре и октябре продолжалась борьба против массового увольнения депутатов. Но эта борьба вскоре была прервана разразившимся здесь грандиозным черносотенным погромом. 22-го октября ивановские с.-д., получив известия об октябрьском манифесте, устроили политическую демонстрацию на р. Талке. Но по пути казаки и черносотенцы напали на демонстрантов и многих из них избили. Это послужило сигналом к погрому рабочего квартала. Начались грабежи и массовые убийства. Погромное настроение перенеслось и на фабрики. На многих из них начались избиения передовых рабочих. Особенно отличились в этом отношении ткачи фабр. Гарелина [4]). Политическая демонстрация тверских текстильщиков была также разгромлена черносотен-

---

[1]) См. табл. С. Никитина.
[2]) Дело № 773, т. 5-6 221, 1905 г.
[3]) Дело № 12 1905 г. по описи Моск. Губ. Жанд. Управления.
[4]) См. Иваново-Вознесенский сборник.

цами. Только в Орехове-Зуеве дружно прошла двухдневная политическая стачка. В Егорьевске же такая стачка была сорвана черносотенцами.[1])

1-го ноября Петербургский Совет Депутатов призвал Петербургский пролетариат к всеобщей политической стачке под лозунгом «долой полевые суды!», «долой смертную казнь!» Петербургские рабочие с революционной решимостью откликнулись на призыв Совета, прибавив к лозунгам последнего свой собственный лозунг, «8 часов и ружье». Московские рабочие не поддержали этого выступления. Они сберегли свои силы к декабрю. «В Москве, — вспоминает один из членов Московского Федеративного Совета, П. Колокольников, — соответствующего настроения (как в Петербурге. М. З.), не было совсем. Не было в Москве ноябрьской забастовки (всеобщей М. З.); не было за исключением двух заводов (Вейхельт и Кертинг) попыток ввести захватным путем 8-ми часовой рабочий день, на которые в Питере правительство и капиталисты единодушно ответили жестоким локаутом, обессилившим петербургский пролетариат».[2])

Москва откликнулась на борьбу петербургских рабочих только рядом экономических стачек, охвативших и текстильное производство. Уже 1-го ноября начались стачки на некоторых текстильных фабриках; через несколько дней ими было охвачено около 30 — 35, главным образом, мелких, предприятий. Но движение на них носило стихийный характер. Много фабрик совсем не примкнуло к нему. На некоторых из них не все рабочие желали бастовать (напр., на фабрике Шаля, где рабочие заявили, что они «удовлетворены своим хозяином» и на фабрике Кудряшина) [3]). Но наряду с этим стали замечаться попытки организации стачек. Эти попытки шли по той общей организационной линии, которая уже намечалась тогда в Москве, — по линии профессионального и межпрофессионального об'единения. О таких попытках в материалах московского охранного отделения имеется несколько указаний. Так, напр., во время стачки на красильной фабрике Авдеева было устроено совещание всех депутатов красильных фабрик Москвы. «Для совместного обсуждения, — читаем мы в донесениях охранки об этой стачке, — делегаты от всех красильных фабрик имели совещание в харчевне Дикова по Банному пер.... в числе до 200 человек, после которого спокойно разошлись». [4]) В другом донесении сообщается о таком же совещании московских ткачей [5]). Попытка межпрофессионального об'единения имела место в Бутырском районе, где текстильщики «Анонимного общества пряд. коконного отброса» вместе

---

[1]) «Путь к Октябрю», вып. II, стр. 277.

[2]) См. П. Колокольников (К. Дмитриев) — «Отрывки из воспоминаний». («Материалы по истор. проф. движения», сб. 3, стр. 220, 1925 г.).

[3]) Дело № 773, т. X, лист 259.

[4]) Там же, лист 494.

[5]) Там же.

с рабочими других профессий обсуждали в столовой фабрики Ралле вопрос о районном об'единении. [1]) Эти депутатские об'единения вскоре привели к образованию Московского союза текстильщиков.

Организационное собрание этого союза состоялось 7-го ноября в Домниковском училище. Началось оно с изгнания представителя «Русского Листка», как газеты «враждебной борьбе рабочих за политическое освобождение и свои интересы [2])». На собрание явились представители 20 тыс. ткачей и 21 фабрики. Почти все собрание заняла дискуссия с зубатовцами, которые старались доказать «полную тождественность» зубатовских обществ с профессиональными союзами. Эти взгляды встретили резкую критику со стороны большинства собрания, стремившегося отмежеваться от зубатовцев. К концу собрания был принят проект устава союза и выбраны 4 представителя в Московское Ц. Б. [3]) 2-го декабря состоялось второе делегатское собрание, на котором было решено разбить союз на секции и открыть запись членов, но осуществить это не удалось, так как союз был разгромлен в декабрьские дни вместе с союзом ленточников [4]).

Крупные размеры приняла ноябрьская стачка в Орехове-Зуеве. Также, как и в феврале, она началась необыкновенно дружно и организованно. Но рабочие массы были в ноябре уже не теми, какими они были в феврале. Революционные события и политическая агитация значительно изменили их психологию. Они уже не чурались политики, а наоборот, все больше и больше проникались революционным настроением. Это и сказалось на общем характере ноябрьского движения.

Приблизительно, в первых числах ноября собрание рабочих депутатов пред'явило от имени всех рабочих администрации Никольской мануфактуры 95 пунктов требований. Из них главными были требования 8-ми часового рабочего дня, введения выборных депутатов, увеличения заработной платы, ежегодного отпуска, отмены работы на 3-х станках и т. п.

Сами по себе эти требования, по сравнению с февральскими, ничего нового, кроме большей детализации, в себе не заключали. Но на них имелась внушительная надпись: «Р. С.-Д. Р. П.». Эта надпись привела в такое бешенство администрацию, что она отказалась принять пред'явленные ей требования на том основании, что они исходят от «посторонней организации». Тогда выборные от цехов собрались в присутствии фабричного инспектора и решили пред'явить эти же требования от своего имени, пополнив их только подробными пояснениями. Для характеристики этих

---

[1]) Дело № 773, т. X. Очевидно, речь идет здесь о создании районного совета. Таких советов в Москве было несколько и текстильщики принимали активное участие в их организации.

[2]) См. «Бюлл. Муз. Сод. Труду», № 2, стр. 16.

[3]) Там же.

[4]) «Материалы по проф. движению рабочих», изд. Музея Содействия Труду, 1906 г., стр. 17.

пояснений приведем одно из них: «Присоединяясь к общему решению социал-демократической партии рабочих добиваться всеми силами повсеместного введения 8-ми часового рабочего дня, рабочие ф-ки т-ва просят администрацию принять все меры к наискорейшему введению его на фабриках т-ва, присовокупляя, что они всеми имеющимися в их распоряжении средствами будут продолжать настаивать на своем желании. Кроме вышеизложенного рабочие ставят на вид правлению т-ва, что фирма Морозова, по своему передовому значению в русской промышленности, должна сама бы пойти навстречу желаниям рабочих и тем самым ускорить введение 8-ми часового рабочего дня законодательным путем» [1]). Здесь Ореховские рабочие, подчеркивая свое собственное классовое самосознание, одновременно отмечают классовую недальновидность русской буржуазии. В лице одного из ее передовых представителей — Саввы Морозова — они делают ей упрек в том, что она не поняла значения введения 8-ми часового рабочего дня для ее собственных классовых интересов, для развития промышленности, составляющей основу ее могущества. Но, увы, русская буржуазия не поняла, или, вернее, не хотела понять этого упрека. Это лучше всего показал ноябрьский петербургский локаут фабрикантов.

На пред'явленные собранием депутатов требования администрация ответила об'явлением, в котором соглашалась пойти на некоторые уступки рабочим, если они заявят немедленно о своем согласии работать. В противном же случае им угрожает расчет. Рабочие прекрасно поняли маневр правления, направленный к расколу движения, и дали ему достойный ответ:

«Мы, рабочие фабрик Т-ва Саввы Морозова С. и К°, считаем об'явление от имени Правления, от 15 сего ноября, приемом, направленным против единения и сплоченности рабочих, и требуем от администрации полного ответа на каждый из пунктов требований, пред'явленных через депутатов, о б р а щ а я о с о б о е в н и м а н и е н а в о п р о с о б у в е л и ч е н и и з а р а б о т н о й п л а т ы. Ответ должен быть направлен Собранию Рабочих Депутатов через г. фабричного Инспектора» [2]).

В этом заявлении характерно именно то, что рабочие сознательно подчеркивают свое классовое единство и организованность. То, что в феврале таким образом явилось в р е з у л ь т а т е стачки, в ноябре уже сказалось в самом н а ч а л е ее. Так за 8 месяцев революции выросла сознательность ореховских рабочих. Общий ход ноябрьской стачки имеет много сходных черт с февральской стачкой. Но только размах ее был совершенно иным. Митинги уже в самом начале ноябрьской стачки носят ярко политический характер. На них уже открыто выступают с.-д. ораторы

---

[1]) См. протокол заседания выборных от цехов от 10/XI 1905 г., фабричный архив Никольской мануфактуры.

[2]) Из постановления общего собрания рабочих от 17 ноября, там же.

с призывом к вооруженному восстанию. Устраиваются уже политические демонстрации: ореховские рабочие с красными знаменами и революционными песнями шагают по улицам, выражая тем самым свою солидарность с бастующими питерскими рабочими. Они уже не просят у правления разрешения собираться, а «захватным порядком» занимают фабричную баню для своих общих собраний и для заседаний Ореховской группы с.-д. [1]), которая являлась вдохновителем движения. Представители группы были самыми активными и деятельными членами собрания рабочих депутатов и они-то обеспечили за ней полное влияние на ход стачки [2]). Кроме фабричной бани, «штабом» стачки являлась сушилка, где заседало собрание рабочих депутатов и помещалась боевая дружина, охранявшая общее собрание.

Между тем стачка из Орехова перекинулась и на Городищенскую фабрику Саввы Морозова. Организовать эту стачку отправился главный руководитель Ореховской стачки Клюев в сопровождении нескольких членов боевой дружины. Узнав об этом, директор Никольской мануфактуры Назаров подослал на Городищенскую фабрику казаков с целью убить Клюева. Но дружинники предупредили их и первые открыли по ним стрельбу. Несколько казаков было убито. Казаки жестоко отомстили за свое поражение. 30-го ноября они подвергли обстрелу 30-ю казарму, в которой жил Клюев. Многие из рабочих были изрублены нагайками и шашками. После такой трагической развязки стачка кончилась [3]).

В Костроме ноябрьская всеобщая стачка привела к образованию Совета рабочих депутатов. О деятельности этого Совета имеются очень скудные сведения. Но общую физиономию его можно выяснить на основании анализа принятого им устава. В первом пункте своего устава он так формулирует свои задачи: «Совет имеет целью организовать местный пролетариат для успешной борьбы за улучшение его экономического и правового положения». Это (обычная формулировка задач профессиональных организаций, так часто встречающаяся в их уставах. Остальные пункты устава Костромского Совета также характеризуют его, как профессиональную или, вернее, как стачечную организацию. Так п. 12 говорит об образовании при Совете Депутатов кассовой комиссии (стачечная касса. М. З.) «в целях поддержки рабочих во время стачек, а также для помощи пострадавшим в борьбе за рабочее дело». Быть участниками кассы имели право рабочие лишь тех фабрик, которые прислали своих представителей в Совет Депутатов (п. 3 уст. Кассовой комиссии) [4]). Средства

---

[1]) См. протокол Совета заведующих Никольской мануфактуры за № 18 (от 17 ноября 1905 г.), архив Никольск. мануфактуры.

[2]) Из депутатов особенно выделяется тов. Клюев, бывш. руководителем и февральской стачки.

[3]) См. воспоминания Клюева. «Путь к Октябрю», вып. 2.

[4]) Устав приведен в книге Растопчиной — «Очерки по рабочему движению в Костроме», изд. Костромского Губкома, 1922 г.

кассы составлялись из членских взносов (в размере 1% с заработка), добровольных и разных других сборов (п. 4 и 5). Заведывание делами кассы находилось в руках центральной кассовой комиссии, выбранной Советом Рабочих Депутатов из своего состава (п. 7-й). Кроме центральной кассовой комиссии были организованы две районные кассы — фабричного и городского районов (п. 7-й и прим. 2-е к п. 3-му). Для организации сборов на каждой фабрике имелась своя фабричная кассовая комиссия, все поступления которой передавались в центральную кассовую комиссию. По такой же организационной схеме был образован и сам Совет Рабочих Депутатов. В него входили представители фабрик, заводов и профессиональных организаций всего города по одному депутату на каждые 50 человек (п. 2 устава Совета). Собрание депутатов всех фабрик составляло фабричный отдел (секцию) совета, депутаты же каждой фабрики — подсекцию его. В исполнительную комиссию Совета входили с правом решающего голоса два представителя костромских с.-д.

Таким образом, судя по уставу, Совет ставил себе целью защиту профессиональных интересов рабочих и организацию их стачечной борьбы. Но рамками устава деятельность совета еще не ограничивалась. Революционная обстановка наложила свой отпечаток и на него. Так в своем заседании от 22 ноября он постановляет «организовать при Совете рабочих депутатов особую судебную комиссию для воздействия на хулиганов и безобразников», а по поводу известного воззвания петербургского совета рабочих депутатов, им выносится решение «как можно поспешить с организацией.... чтобы, в случае призыва к всеобщей политической забастовке, быть наготове»[1]). Эти постановления уже характеризуют совет как политическую организацию. И надо полагать, что он был еще недеференцированной смешанной организацией, выполнявшей одновременно функции политического и экономического характера, но с известным уклоном в сторону профессионализма.

В Ярославле ноябрь отмечен грандиозной стачкой на большой ярославской мануфактуре (Корзинкинской). Стачка охватила около 12 тыс. рабочих и продолжалась почти два месяца. Как и все описанные нами выше массовые стачки, она в начале носила экономический характер. «Смотрите, не говорите про царя, про бога» — советовали руководители стачки политическим ораторам[2]). Но под влиянием энергичной агитации ярославских с.-д. она вскоре превратилась в крупную политическую демонстрацию. Она, кроме того, стала организующим центром всех рабочих г. Ярославля. На общие собрания корзинкинских рабочих приходили рабочие с других фабрик послушать политическую речь и обменяться

---

[1]) См. «Известия Сов. Раб. Деп.» г. Костромы, № 4, приведено в книге Растопчиной.

[2]) Е. Ярославский — «Страничка воспоминаний» в сборн. Ярославского Губкома «Из истории рабочего и коммунистического движения в Ярославле», стр. 43. Ярославль. 1923 г.

своими мыслями и впечатлениями. Е. Ярославский так описывает эти собрания: «Ежедневно с утра до вечера на фабрике, в помещении фабричного театра происходили общие собрания. В начале эти собрания были бессистемны, но потом они упорядочились. С утра, приблизительно, доклад стачечного комитета о ходе забастовки и решения вопросов связанных с забастовкой; потом сообщение о последних событиях по России (по газетам). Материал всегда был очень живой, агитационный. А после выступал ряд ораторов... А вечером я вел почти ежедневно лекции по истории революционного движения, по программе и тактике нашей партии» [1]). Таким образом, и здесь мы видим характерные черты массовой стачки 1905 г. — взаимодействие политических и экономических моментов.

Душой стачки являлся стачечный комитет, в который входил и представитель Ярославской группы с.-д. Комитет не только руководил стачкой, но и разбирал тяжбы и житейские нужды рабочих. При нем было организовано нечто вроде публичного трибунала. «Приводили провинившихся в чем-либо —было ли это нарушение товарищеской дисциплины или какой-нибудь контр-революционный акт или просто враждебный, недоброжелательный по отношению к стачечникам шаг — виновного приводили на собрание и публично судили» [2]). Из этого стачечного комитета впоследствии образовался союз рабочих и служащих Корзинкинской мануфактуры. Союз этот ставил себе целью защиту правовых и профессиональных интересов рабочих. «Стремления и задачи союза общи и солидарны с стремлениями и задачами всего рабочего класса и трудового крестьянства». Здесь сказалось влияние социалистов-революционеров, пытавшихся превратить союз в надклассовую организацию [3]).

Ноябрьское движение повторяет отмеченную уже эволюцию форм стачечной борьбы текстильщиков Московской области. Мы видели, что в Москве неорганизованные вначале ноябрьские стачки привели вскоре к созданию депутатских об'единений и профессиональной организации. В Ярославле также ноябрьское движение завершилось образованием профессионального союза. В этих двух пунктах, таким образом, цикл развития организационных форм проходит все свои фазы, начиная с разрозненных выступлений и кончая профессиональным об'единением рабочих. Это об'ясняется главным образом тем, что ноябрьские стачки в Москве и Ярославле совпали с периодом интенсивного профессионального строительства, который охватил и текстильщиков.

В Орехове движение начинается с тех организационных связей, которые были созданы еще в феврале. Институт старост, руководивший февральской стачкой в ноябре вырастает в широкую массовую организацию—«Собрание Рабочих Депутатов», — придавшую с самого начала

---

[1]) Там же, стр. 41.
[2]) Там же, стр. 44.
[3]) См. воспом. Ярославского.

движению интенсивный характер. Такая же организационная преемственность замечается и между июльской и ноябрьской стачками в Костроме: собрание рабочих депутатов, возникшее в июле, явилось предтечей совета рабочих депутатов, образованного в ноябре.

В декабре центр тяжести революции передвигается в Москву. Текстильная Москва в общем медленно раскачивалась в 1905 году. Источником революционной энергии был металлургический Петербург. Именно из Петербурга исходила революционная инициатива и революционные директивы для всей страны. В декабре Москва спешила догнать своего «старшего собрата». С революционной лихорадочностью она стала стягивать свои рабочие батальоны, полки и дивизии, чтобы бросить их на штурм самодержавия. Из ноябрьского лозунга петербургских рабочих: «8 часов и ружье» она выбрала только последнее. Опыт революции показал уже ей, что только ружьем можно будет разрубить узел социальных противоречий, как во всей стране, так и на каждой фабрике в отдельности — и она призвала рабочих к восстанию.

Сигналом к декабрьскому восстанию послужил арест Петербургского Совета. 6-го декабря Московский Совет Рабочих Депутатов постановил вместе с революционными партиями «об'явить в Москве на 7-ое декабря всеобщую политическую стачку и стремиться перевести ее в вооруженное восстание». Это решение было осуществлено с исключительным под'емом: с 12-ти часов дня 7-го декабря промышленная Москва остановилась, а 10-го декабря она вся уже ощетинилась баррикадами. В этот же день залпы солдат и ответные выстрелы дружинников сообщили о начале революции.

Московские текстильщики сыграли немалую роль в декабрьских событиях. Численно преобладая над всеми другими профессиями, они представляли собой значительную часть восставших рабочих. Их дружины действовали почти во всех районах. Особенно выделялась дружина Прохоровской мануфактуры. Эта дружина была самой многочисленной в Пресненском районе, — в этой цитадели декабрьского восстания — и она-то наряду со Шмидтовской и др. упорно выдерживала напор дубасовских войск.

10-го декабря, когда в центре города раздавались уже пушечные выстрелы, на Пресне еще царило спокойствие. Митинги шли своим чередом, но масса не удовлетворялась ими и требовала решительных действий от своих депутатов. Наконец, вечером этого дня получился приказ из центра строить баррикады. «Все ожило на Пресне, — пишет Л. Д. Троцкий. Здесь не было той беспорядочности, которая царила в центре. Рабочие разбились на десятки, выбрали начальников, вооружились лопатами, ломами, топорами—и в порядке выступили на улицу, точно на муниципальные работы» («1905 г.» стр. 220). Эти «муниципальные работы» по приказу революции выполняли и прохоровские рабочие. «Стали

мы строить баррикады, — вспоминает одна старая работница с Прохоровской мануфактуры, — мужики-то все больше работают, столбы подпиливают, проволоки везде сцепляют, но и мы не отстаем, тоже тащим, что под руку попадается. За ночь так постарались, что к утру и пройти по улице нельзя было» [1]). Так в один день Пресня превратилась в укрепленный пролетарский лагерь, причинивший не мало хлопот усмирителю декабрьского восстания полковнику Мину. Главным штабом пресненского восстания была столовка Прохоровской мануфактуры. Отсюда исходили все распоряжения по руководству восстания, сюда же приводили для суда пленных охранников и полицейских.

16-го декабря начался артиллерийский обстрел Пресни. Дружинники энергичным огнем заставили артиллеристов отступить, но к концу дня стало известно, что из Варшавы прибыло подкрепление Семеновскому полку, и настроение стало падать. Началось повальное бегство ткачей. «По дорогам потянулись толпы пешеходов с белыми котомками за плечами» (Л. Д. Троцкий—«1905 год», стр. 221). К 18-му декабря, после жестокой артиллерийской канонады, Пресня была взята правительственными войсками. Тем самым было ликвидировано в Москве декабрьское восстание. Семеновцы — усмирители, получив приказ «действовать беспощадно», жестоко расправились с восставшими рабочими. Поплатились и прохоровцы: 18 человек из них были расстреляны на глазах у всех рабочих [2]).

Москва осталась изолированной в своем революционном порыве. Страна не поддержала ее. Не поддержали ее и текстильщики Московской области. В глухих районах рабочие только пробуждались в это время к политической жизни и вели главным образом экономическую борьбу. В крупных же центрах, как Иваново-Вознесенск и др., силы их были истощены черносотенными погромами. И только в Ярославле произошла внушительная демонстрация рабочих Корзинкинской мануфактуры, но и она была расстреляна казаками [3]).

Мы попытались проследить в основных чертах развитие экономической борьбы текстильщиков Московской области в 1905 г. Мы видели, как оно отражало в себе все фазисы политической борьбы, все стадии и моменты революции. Начавшись с разрозненных стачек, оно постепенно вылилось в формы массовых стачек и уличных демонстраций. Вместе с этим и экономическая борьба превратилась в политическую борьбу. Эту эволюцию, характерную для всего движения в целом, повторяет каждая из

---

[1]) См. ст. Веры Юровской: «Старая работница о восстании». «Путь к Октябрю», вып. I, стр. 34, 1923 г.

[2]) Там же, стр. 35.

[3]) См. ст. Е. Дмитриева: «Очерк по истории революционного движения в Ярославской губ.» в сборнике Яросл. губкома «Из истории раб. и коммун. движения в Ярославле», стр. 21.

крупных массовых стачек. Начавшись с чисто экономического конфликта, выступления текстилей быстро принимают характер широких политических демонстраций. Так, февральско-ноябрьская всеобщая стачка в Орехово-Зуеве возникла из-за разногласий на почве заработной платы. Точно также Ивановская—майско-июльская и Костромская июльская стачки начались с экономической борьбы и постепенно превратились в политические демонстрации.

Это взаимодействие экономической и политической борьбы было обусловлено революционным периодом. Только в раскаленной атмосфере революции массы быстро усваивают связь их повседневной экономической борьбы с общеполитической проблемой; только в революционные моменты каждый частичный экономический конфликт приобретает способность разростаться до размеров обще-классового выступления.

Но эти черты движения характерны не для всех районов и пунктов Московской текстильной области. Наоборот, на территории всей этой области можно увидеть пеструю картину экономической борьбы. Наряду с политическими стачками в крупных текстильных центрах, можно заметить разрозненные экономические выступления в более отсталых промышленных районах; наряду с высокими формами борьбы — проявления необузданной стихийности; рядом с обще-классовым выступлением неорганизованную борьбу с отдельными предпринимателями.

Что обусловило это разнообразие форм борьбы? Чтобы ответить на этот вопрос, нам нужно несколько ближе присмотреться к особенностям стачечного движения текстильщиков московского района в 1905 г.

Некоторую характеристику этого движения дает следующая таблица [1]):

Стачки текстилей в Московской области в 1905 г.

Губернии	Число стачек	Число стачечников	Общее число рабочих	Процентное отношение числа стачек к общему числу рабоч.
Владимирская.	131	148,177	139.278	106
Костромская . .	50	36,620	64,954	56
Московская . .	323	164.613	193.532	85
Рязанская . . .	5	8 389	14,178	59
Смоленская . .	1	4,500	5,538	81
Ярославская .	13	31,427	20.280	155
Тверская . . .	8	22.571	18.636	121
Вологодская . .	1	1.544	1.677	92
Всего по обл. .	532	417,841	458,073	91

[1]) Данные о числе стачек и стачечников взяты из книги Варзара: «Статистика стачек раб. на ф-ках и заводах в 1905 г.», данные об общем числе рабочих—из статистики несчастных случаев за соответствующий год.

При крупных размерах движения по всей области интенсивность его различна в каждой из указанных губерний. При этом число стачек и стачечников изменяется соответственно промышленному значению данной губернии, характеризующемуся общим числом рабочих: чем на более высокой ступени промышленного развития стоит губерния, тем больше в ней размах стачечного движения, и — наоборот. Между тем аналогичной зависимости между интенсивностью движения и промышл. развитием губернии установить нельзя. Так, в Смоленской губернии с менее развитой текстильной промышленностью процент интенсивности выше, чем в таком крупном текстильном центре, как Костромская губерния. То же мы наблюдаем и в Вологодской губ., где процент интенсивности выше, чем в Московской губернии. Это можно об'яснить только тем, что в Смоленской и Вологодской губерниях мы имеем дело с единичными случаями стачек, в то время, как в одной Московской губернии число их превышает 300. При таком значительном числе стачек высокая степень интенсивности в одних пунктах могла ослабляться меньшей степенью ее в других. И надо полагать, что падение интенсивности борьбы приходилось именно на более глухие и заброшенные районы, находящиеся вдали от политических центров. Что такие районы медленнее втягивались в движение, мы имели случаи указать в нашей статье (см. стачки в Родниках и Вичугском районе). Это можно подтвердить и статистическими данными. Вот, например, сведения о стачечном движении текстильщиков в Москве и в частности Костромской губернии (уезды: Кинешемский, Юрьевский и частью Нерехтский) [1]:

Пункты	Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сент.	Октябрь	Ноябрь	Декабрь
Москва	15	7	1		1	5	4	3	7	10	20	—
	11.399	585	110	—	170	1704	1709	629	1330	3790	3303	—
Костромская губ.	—	—	—	1	19	3	7	1	—	3	3	1
	—	—	—	180	15031	844	8106	1019	—	1860	2553	142

В то время как в Москве волна стачечного движения в общем совпадает с волной революционного движения (январские события, сентябрьско-октябрьские всеобщие стачки в Москве, ноябрьская стачка в Петербурге), мы в Костромской губернии такого соответствия не видим. Здесь под'ем стачечной борьбы падает не на январь [2]) и сентябрь—октябрь,

[1]) Верхние цифры указывают число стачек, нижние — число стачечников. Данные по Москве взяты из табл. С. Никитина. Данные по Костромской, части Иваново-Вознес. губ. — из упомянутой статьи Ф. Дебюка.

[2]) В январе здесь были отмечены только отдельные случаи брожения, не вылившиеся в стачки. См. ст. Ф. Дебюка.

как в Москве, а на май, июль и ноябрь. Это и понятно. Москва, как крупный политический центр, острей и быстрей реагировала на все революционные события, отсталая же в политическом отношении указанная часть Костромской губернии раскачивалась медленнее и откликалась на эти события с некоторым опозданием. Так, стачечный под'ем, имевший своим исходным пунктом январские события, докатился сюда лишь в мае, а сентябрьско-октябрьский под'ем только в ноябре.

Было бы интересно выяснить по всей Московской области взаимоотношение между передовыми и отсталыми в социально-политическом смысле пунктами. Но таких прямых данных, у нас, к сожалению, нет. Косвенным указанием на это могут служить данные о распределении предприятий по городским и сельским местностям. В этом отношении характерна следующая таблица, составленная нами на основании перечня фабрик, приводимого В. Погожевым в его книге «Учет численности и состава рабочих в России»:

Распределение текстильных предприятий Московской области по городским и внегородским пунктам.
(Данные за 1902 г).

Район расположения	Число заведений	Число рабочих	В среднем на 1 зав. рабочих
В городах	523	138.450	264
В уездах.	754	266.419	353

Мы видим таким образом, что в сельских пунктах было сосредоточено большинство фабрик и рабочих (60% и 66%). В этих же пунктах, кроме того, концентрировались и более крупные предприятия. Это подтверждается и общими выводами В. Погожева относительно всей фабрично-заводской промышленности России. «При общем необычайно быстром росте промышленности в городских и сельских индустриальных центрах,— говорит он, — оказывается, что наиболее крупные предприятия соответственно своим размерам (от 1 до 2-х тыс. рабочих) сосредоточены, главным образом, вне городов» [1]).

Это обстоятельство имеет огромное социально-экономическое значение. Рабочие в сельских местностях больше связаны с землей и крестьянством и менее сплочены, чем городские рабочие. Преобладание менее сознательного и менее организованного внегородского пролетариата в текстильной промышленности московского района должно было понизить, если так можно выразиться, качество движения текстильных рабочих и обеспечить перевес за экономическими мотивами в нем. Еще Варзар, ана-

[1]) В. Погожев: «Учет численности и состава рабочих в России», стр. XVII. СПБ. 1906 г.

лизируя цифры политических и экономических стачек в 1905 г., отметил «явное преобладание экономических интересов над политическими и классовыми среди рабочих текстильных производств» [1]). Эти выводы Варзара еще в большей мере применимы к Московской области, где культурная отсталость и полукрестьянский состав рабочих был выражен резче, чем в других текстильных районах. [2]). Пробужденные революцией к борьбе, эти рабочие прежде всего стали заявлять о своих экономических нуждах. Не усвоивши еще связи между экономикой и политикой, они революцию понимали больше, как борьбу с отдельным хозяином, чем как борьбу классов. Только рабочие более крупных политических и экономических центров поднимались до понимания взаимозависимости между революционной и экономической борьбой.

Мы теперь можем ответить на поставленный нами вопрос: что обусловило неравномерный процесс развития стачечной борьбы текстильщиков в Московской области? Если общий размах движения определялся концентрированным характером текстильной промышленности области, то формы и интенсивность его обусловливалась социально-политическими условиями каждого района в отдельности. Революция в каждом отдельном районе отражалась сквозь призму местных экономических, социальных, психологических и бытовых особенностей — отсюда и разнообразие форм борьбы. И понятно, что более высокие формы борьбы должны были проявляться именно в крупных промышленных и политических центрах. В таких центрах и социально-политический уровень рабочих выше и влияние партии на них сильнее, а все это вместе должно было обусловить большую организованность движения. Наоборот, в отсталых в политическом отношении районах, где этих условий не было, движение должно было носить менее организованный характер.

Мы попытались выше проследить эволюцию форм стачечной борьбы текстильщиков Московской области. Мы отметили также и главнейшие этапы этой эволюции. Январские стачки, Орехово-Зуевская февральская стачка, Иваново-Вознесенская майско-июльская стачка, августовская стачка московских ленточников и ноябрьская стачка в Ярославле — вот основные моменты движения текстильщиков московского района, являющиеся в то же самое время и основными вехами организационных форм его. Для каждой из этих стачек характерен особый тип организации, но все же все они могут быть сведены к отмеченной уже нами схеме—«депутаты отдельных фабрик — совет депутатов — профессиональный союз».

В большинстве районов Московской области движение застыло на первоначальной форме организации. Обычно во время стачек выдвигались

---

[1]) См. В. Е. Варзар: «Статистика стачек рабочих на фабриках и заводах». 1905 г. Стр. 57. Изд. М. Т. и П. 1906 г.

[2]) Это сказалось и на интенсивности стачечн. борьбы текстильщиков Московского района. Так, в 1905 г. по всей России приходилось 180 стачечников на каждые 100 текстильщиков, а в Моск. районе — всего 91.

депутаты для переговоров с администрацией, но вместе с ликвидацией их кончались и функции депутатов. Не было попыток и стремлений закрепить созданные во время стачек организационные связи. Это об'ясняется прежде всего отсталостью текстильных рабочих, но особое влияние имела здесь и связь их с крестьянским хозяйством. Материалы московского охранного отделения указывают много случаев, когда в самый разгар стачек значительная часть рабочих покидали их и отправлялись в деревню. Так было, например, во время стачки на Высоковской мануфактуре, так было и на Голутвинской мануфактуре, где стачка была проведена в начале с замечательной организованностью, но к концу ее осталось всего 60 человек, а все остальные ушли в деревню [1]). Эта текучесть состава стачечников, вызываемая возможностью ухода в деревню, не давала зафиксировать организационные формы стачечного движения.

Иначе было в крупных промышленных центрах, как, например, в Москве, Иванове, Костроме и Ярославле. Здесь уже замечались попытки создания постоянных организаций. В Иваново-Вознесенске и после разгрома Совета депутатов рабочие целым рядом стачек боролись за сохранение прав своих представителей на фабриках. И если эта борьба не увенчалась успехом, то в этом главным образом повинен октябрьский черносотенный погром, ослабивший силы рабочих. В Костроме после удачно проведенной июльской стачки решено было сохранить институт депутатов. Этот институт, повидимому, и составил собою основное ядро Костромского Совета Рабочих Депутатов, возникшего в ноябре. Только в Москве эволюция форм стачечной борьбы текстильщиков нашла свое завершение: советы депутатов ленточников и ткачей выросли в оформленные профессиональные организации. Но здесь, как уже было сказано, заражающим образом действовали попытки рабочих других профессий организоваться в союзы. Организационные моменты в стачечную борьбу текстильщиков московского района вносила и социал-демократия, но об этом мы поговорим в следующем очерке.

---

[1]) Дело Ж. У. № 12 и М. О. О. № 773, т. 10, лист 402.

Мемуары, материалы и документы

П. ВАСИЛЬЕВ (Северянин).

Первые шаги по пути к межсоюзному об'единению. [1])

(По личным воспоминаниям).

Вопрос об об'единении профессионального движения, сначала в области выработки организационных форм, а затем и в области тактических вопросов, возник непосредственно вслед за появлением в Петербурге первого рабочего союза (печатников). Параллельно с развитием союза протекали и первые попытки создания об'единяющего органа. Работники союза печатного дела являлись в то же время и первыми организаторами общепрофессионального об'единения, которое впоследствии получило наименование Центрального Бюро профессиональных союзов.

Союз печатников возник как проявление массовой рабочей воли к организации, в результате неудачной экономической стачки за первый тариф. Общее собрание рабочих полиграфического производства 3-го апреля 1905 г. избрало уставную комиссию в составе И. М. Любимцева, П. В. Васильева, М. Л. Кисилевича, С. А. Цорна и А. М. Тенса. Уже через 2 недели после этого следующее общее собрание об'явило выработанный устав утвержденным, а союз — действующим явочным порядком. Пополненная несколькими лицами, уставная комиссия была переименована в Организационное Бюро, которому были предоставлены функции руководящего органа союза—Правления.

Перед Организационным Бюро сразу же возник вопрос о сближении с другими рабочими организациями для взаимодействия и совместного использования организационного опыта. Профессиональное движение для России было делом новым, и ни навыка, ни традиции в этом отношении не было. Первое время союз печатников был единственной организацией, которая, в отличие от старых обществ взаимопомощи и других подобных учреждений профессионального типа, ставила своей основной (при том уставной) целью защиту правовых и профессиональных интересов рабочих. Не менее новым был и организационный план союза, который выдвинул лозунг об'единения рабочих всего печатного дела, включая в него все цеха и специальные группы, и в то же время запретил доступ в число своих членов типографской администрации. Этим самым молодой союз совершенно отмежевывался от имевшихся в то время в Петербурге типо-

[1]) См. ниже заметку: «По поводу воспоминаний А. Евдокимова», останавливающуюся и на позиции автора этих воспоминаний. *Ред.*

трафских вспомогательных касс (их было до 10) и других типографских общественных учреждений, консервативных по своему строю и составу и узко-утилитарных по своим целям. Этим союз вызывал к себе со стороны этих организаций враждебное отношение.

Руководители Организационного Бюро печатников понимали, что их следование «своим путем», отличным от путей существующих организаций, их экономическая борьба, будут обречены в конце-концов на неудачу, если союз не приобретет себе извне союзников и соратников. Такими соратниками могли быть только родственные организации других профессий, такие же профессиональные союзы. И печатники начинают свои поиски.

Именовавшиеся ранее «тружениками графического искусства», печатники впервые в уставе своего союза заявили о том, что они считают себя «рабочими печатного дела», и, понятно, что в поисках союзных организаций они прежде всего обратили внимание на фабрично-заводских рабочих. Но оформление профессионального движения среди главных групп петербургского пролетариата запоздало на целый год. Вслед за печатниками организовались только приказчики, конторщики и фармацевты. Руководители их придавали своим организациям характер профессионально-политических союзов и равнялись по линии интеллигентских союзов того времени — инженеров, врачей, профессоров и др., входя вместе с ними в либеральный «Союз Союзов».

Организационное Бюро печатников вступило в сношение с этими союзами. Оно посылало к ним на заседания своих членов, приглашало представителей конторщиков и приказчиков к себе, обменивалось информацией и организационным опытом. Но тесного об'единения и взаимодействия между печатниками и этими организациями не создавалось. Печатники увидали, что в организационно-профессиональном смысле союзы приказчиков, конторщиков и фармацевтов находятся еще в самом зачаточном состоянии, а увлечение политическими речами и резолюциями не дает им возможности сгруппировать вокруг себя значительной массы членов. Поэтому они перестали посещать их собрания. В свою очередь и те, после того, как печатники отказались принять «р-р-революционную» платформу «Союза Союзов» и войти в его состав, утратили интерес к «экономической» организации рабочих печатного дела.

Однако, Организационное Бюро печатников не теряло надежды и в поисках союзников обратило внимание на начавшееся движение среди мелких ремесленников. Державшие внешнюю связь, члены Бюро, П. Васильев и И. Желудков, завязали сношения со всеми ячейками ремесленных союзов и участвовали в собраниях разных ремесленных групп—на Охте, в Лесном, в часовом магазине на Раз'езжей улице, в какой-то частной квартире на Гороховой, в шаплычной на Николаевской ул., — словом, во всех тех местах, где начинали проявляться зародыши новой профессиональной линии.

Среди ремесленников весной 1905 г. выдвинулись энергичные люди: Озол, Рейн — портные, Гренвер, Федоров, Ашкинази и Синельников — часовщики, Прошин—сапожник, Илле—золото-серебреник, Коган—фуражечник. Эти товарищи охотно откликнулись на призыв печатников о совместной деятельности и пользовались опытом и, даже, помещением союза рабочих печатного дела. Но для установления более тесного взаимодействия нужна была какая-то особая организационная форма, при помощи которой все возникшие и возникающие союзы об'единились бы в лице своих представителей. При этом такое об'единение мыслилось не по вертикальной, а только по горизонтальной линии, оно не должно было быть высшим над союзами, руководящим органом. Все задачи такого об'единения сводились лишь к созданию течений, направляющих деятельность отдельных союзов к общему единству.

Подобная форма и была вызвана к жизни предложением Харьковского общества взаимопомощи ремесленников созвать всероссийский с'езд рабочих обществ взаимопомощи. Идея харьковцев горячо была подхвачена ремесленными союзами, особенно печатниками. Последние, имея в одном Петербурге свыше 10 касс взаимопомощи как общих, так и при отдельных предприятиях, все время лелеяли мысль о превращении этих разрозненных касс с узко утилитарными целями в единую организацию экономической борьбы рабочих.

В марте месяце в № 107 журнала «Наборщик и Печатный Мир» появился доклад харьковского делегата А. А. Евдокимова о поездке по России для установления связи с различными обществами взаимопомощи. Доклад подчеркивал желательность активного участия молодежи в этих вспомогательных учреждениях, задачи которых можно и нужно расширить и углубить, «намечая все новые и новые средства к улучшению жизни работника».

В идее с'езда молодые питерские профессионалисты увидели поворотный пункт в жизни организованного экономического движения рабочих. Они от него ожидали решительного толчка как для перехода от старых форм профессиональной взаимопомощи к профессионально-союзной борьбе, так и для возникновения широкого профессионально-союзного строительства там, где оно не имело никаких форм, ни старых, ни новых.

Организационное Бюро союза печатников первое подхватило мысль харьковцев о создании в каждом городе Бюро уполномоченных профессиональных организаций по подготовке всероссийского с'езда. Оно считало необходимым придать этому бюро форму об'единения именно союзов, а не обществ, и превратить его в аппарат для пропаганды и содействия развитию профессиональных организаций во всех трудовых профессиях.

До половины лета 1905 г. в петербургском рабочем профессиональном движении не было интеллигентных работников. Возникшие союзы, не сходившие пока с чисто экономической почвы, обслуживавшие интересы только данной группы, обходились в своей работе своими собствен-

ными силами. Но создание общегородского профессионального центра, да еще с пропагандистскими задачами, кроме подготовки к всероссийскому с'езду, потребовало расширения и усиления круга работников. Печатники заинтересовали своей деятельностью Гриневича (М. Когана), Сомова (Пескина), Аксанова (Френкеля); последние вошли в общегородское об'единение петербургских союзов и отдались делу пропаганды профессионального движения. Главным неутомимым работником в этой первой стадии существования «петербургского Центрального Бюро», как оно потом стало называться, был бесспорно Гриневич. Только с октября, когда он занял место в Исполнительном комитете I-го Совета Рабочих Депутатов, Гриневич временно несколько отошел от профессиональной работы.

До осени 1905 г. работа Бюро уполномоченных союзов внешне мало бросалась в глаза. У Бюро не было своего помещения. Собиралось оно у печатников и в союзе инженеров. Отчисления денежных средств от союзов в Бюро не поступали и делегат, который поехал в Харьков, Москву и др. города для установления правильных сношений с созданными там организациями (И. З. Желудков), в сущности был делегатом союза рабочих печатного дела. Но для развития профессионального рабочего движения в Питере появление Бюро имело большое значение. Если весной 1905 г. союз рабочих печатного дела был единственным, то уже к осени в очень многих профессиях зародились ячейки профессиональных организаций. Обычно историки русского профессионального движения, отмечая факт появления в Петербурге к началу 1906 г. до полусотни союзов, относят его за счет энергии и инициативы, пробужденных октябрьскими днями, и недооценивают упорной и настойчивой работы, проделанной в этом направлении в течение весны, лета и начала осени, т.-е. за время с 9-го января и до октябрьских событий.

В печати сохранились только краткие протоколы заседаний Бюро уполномоченных от 17 и 24 сентября и 1-го октября и нет протокола первого организационного заседания, которое происходило 6-го августа в помещении Русского Общества деятелей печатного дела на Звенигородской улице, где имел пребывание союз печатников. На первом заседании присутствовали представители союза печатников: И. Желудков и П. Васильев, Гриневич и представители приказчиков и часовщиков. 17-го сентября в заседании кроме них приняли участие представители конторщиков, сапожников и фармацевтов. На этом заседании обсуждались вопросы о политической нейтральности союзов и о создании постоянного бюро. По первому вопросу собрание приняло за основу Бебелевский принцип нейтральности: независимость профессионального движения от политических партий в организационном отношении; в своей же тактике союзы должны быть боевыми организациями классового характера.

В заседании 24 сентября состав бюро пополнился представителями портных и рабочих путиловского завода. На этом заседании в порядке дня

стояли следующие вопросы: 1) вопрос о постоянном составе бюро, 2) доклады о деятельности организующихся союзов и 3) вопрос о профессиональной пропаганде. Заседание 1-го октября делегировало на 1-ю Всероссийскую конференцию своим представителем Гриневича и вынесло отрицательное заключение по поводу первого номера начавшего выходить журнала независимцев-ушаковцев «Русский Рабочий» (редактор И. Сафонов). Этим заседанием окончился первый подготовительный период об'единения петербургского профессионального движения. С ноября эту работу взяло на себя Центральное Бюро с новым и расширенным составом работников.

Характерно, что в заседании 1-го октября представители союза рабочих печатного дела не участвовали. Молодой союз в это время вполне созрел для борьбы. Из периода подготовительного он вступил в период революционной деятельности. Первого октября петербургские печатники как раз успешно демонстрировали свою силу об'явлением 3-х дневной забастовки-демонстрации, которую справедливо считают прелюдией к октябрьским дням всеобщей забастовки. Наступало время, когда профессиональная пропаганда отдельных ячеек и групп сменялась революционными выступлениями широких масс.

Я. ЕВДОКИМОВ.

Из воспоминаний тред-юниониста.

Истпрофом ВЦСПС издана тщательно составленная, интересная работа по истории нашего профессионального движения за 1905—1907 г.г.

Пишущий эти строки в данное время крайне недостаточно вооружен нужными материалами, чтобы вносить дополнения в указанную работу и поэтому ограничивается сообщением некоторых деталей общей картины, которые могут быть установлены только усилиями памяти очевидцев.

В отличие от истории партийных движений, история профессиопального движения пишется труднее. Зарождение этого движения протекало в обстановке, в которой документирование считалось не нужным, а коллективное действие преобладало над личным почином. Все же, я полагаю, что если бы старые тред-юнионисты потревожили свою память, то мы бы имели больше материалов для установления общей картины нашего движения. Набросанные ниже странички воспоминаний, как бы ни были скудны и неполны приведенные в них факты, я рассматриваю как свой долг могучему движению последних веков, которое когда-то дало приют моим малым стремлениям и силам.

В 1898 г. меня привезли в Харьков из Владимирской губернии для отбывания гласного надзора полиции. В Харькове и его окрестностях я прожил до 1905 г. и все это время вращался в кругах рабочих и ремесленников. Большинство из тех десятков рабочих и работниц, с которыми я был в общении, как мне думается, можно назвать тред-юнионистами. Основной интерес, который преобладал в их общественных стремлениях, был интерес к борьбе за улучшение условий труда и жизни рабочих профессий.

Я не хочу сказать, чтобы они совершенно лишены были интереса к политике. Но в этом направлении они были мало активны и, если и входили в политический кружок, то преимущественно по линии самообразования. Конспиративная постановка тогдашних политических организаций не благоприятствовала формированию широкого кадра ответственных политических работников. Между тем, у себя в мастерской, в отделении своей фабрики, каждый из них сознавал себя именно ответственным за положение профессиональных дел. Ибо масса была темна и инертна или, во всяком случае, таковой казалась. На табачных и кон-

фектных фабриках, в портновских, белошвейных и иных мастерских каждый день был повод для тревоги тред-юниониста, и эти маленькие дела наполняли его дни хлопотами. Здесь понизили расценки, там мастер распоясался, здесь сверхурочные, в другом месте безработица, — все это вопросы нашей компетенции и, так сказать, нашей совести.

Была ли у наших тред-юнионистов сколько-нибудь оформленная организация? Как сказать — и да, и нет.

Как ни как, благодаря десяткам деятельных личностей, все более крупные фабрики и мастерские были связаны и многие более крупные вопросы решались междупрофессиональным советом. В ряде случаев обращались за помощью к политическим организациям, но чаще обходились своим тред-юнионистским разумением.

В основе организации были встречи тред-юнионистов, регулярные, условленные: в домах, на улицах, при выходе из мастерских и фабрик. Эти встречи поглощали значительную часть активно затрачиваемого времени, но зато обеспечивали постоянную связь. В летнее время практиковались совместные прогулки на лоно природы.

После 1900 года в тред-юнионистских кругах Харькова наметилось стремление к организации нелегальных профессиональных касс.

Возможно, что такого рода организации в это время в немногих случаях и осуществлялись. Лично мне была известна в Харькове одна только нелегальная касса типографских рабочих. К сожалению, я не могу припомнить, как звали руководителя этой кассы, типографского рабочего, о котором пришлось много слышать, как о беззаветно преданном тред-юнионисте. Мне пришлось быть, примерно, около 1903 г. на одном из собраний этой кассы. Привел меня на это собрание «Саша-кузнец». На собрании было человек 12—15 типографских рабочих и оно оставило у меня наилучшее впечатление по своей задушевности.

В то время как-то и в голову не приходило, что все это надо бы заметить в памяти для будущей истории. Постоянно подвергаясь обыскам, мы держали за правило не вести письменных записей, а в публичных выступлениях выражаться «эзоповским» языком; своей прессы мы не имели совершенно, а нелегальной политической прессой пользоваться не умели. Первая вышедшая из наших кругов тред-юнионистская статья о положении строительных рабочих была напечатана в Екатеринославской газете в 1903 г., благодаря содействию интеллигентов. В этом же году в Харькове тред-юнионистами была сделана попытка создать свою маленькую местную нелегальную прессу. Несколько гектографским способом отпечатанных листовок появилось и раньше. К сожалению, я даже приблизительно не помню содержания этих листовок. Одна из этих листовок печаталась в занимаемом мною помещении на постройке Липковатской сельскохозяйственной школы, в степи Змиевского уезда.

Небольшая подпольная типография была организована в Харькове усилиями группы тред-юнионистов, если не ошибаюсь, летом 1903 года. Ближайшее участие в работах приняли: «Липа-портной», «Маня-белошвейка», «Саша-кузнец», «Сережа-портной». Мне приходилось бывать в этой типографии, которая стоила маленькому кружку многих забот. Этой типографией был выпущен номер «Листка рабочих касс». Насколько могу припомнить, в этой брошюре был формулирован призыв к организации нелегальных профессиональных союзов, к оформлению тред-юнионистской деятельности в более плотные и организованные сообщества.

Очерченная выше практика тред-юнионистских рабочих кругов Харькова не имела прямой и тесной связи с деятельностью «Харьковского Общества взаимопомощи занимающихся ремесленным трудом», — точнее, Общества взаимопомощи металлистов.

Металлисты в Харькове в то время занимали самое видное и влиятельное положение, но жили несколько обособленно. В их среде было не мало типичных тред-юнионистов, но они редко заглядывали в интересы других профессий. Обособленной жизнью до 1905 года жили и профессии торгового и конторского труда.

Но в недрах О-ва взаимопомощи металлистов совершалась значительная профессиональная работа, которую, однако, до 1904 года оценивали не высоко. Как ни как, ведь это общество с 1898 по 1904 г. было редким рабочим учреждением, как бы случайно появившимся в тогдашней России.

В этой случайности можно, однако, указать и кое-что закономерное. Харьков до половины 90-х годов был уютным университетско-ярмарочным городом. Небольшие заводы земледельческих орудий не нарушали патриархального темпа его жизни.

Обозначившийся к средине 90-ых г.г. железнодорожный узел вырастил в Харькове крупные железнодорожные мастерские; постройка же в 1896—8 г.г. больших заводов: паровозо-строительного и Бельгийского, привлекла в Харькове многочисленные кадры механиков-металлистов из Москвы, Брянска, Воронежа, Петербурга. Среди этих приезжих было не мало подготовленных, вполне сложившихся тред-юнионистов. Если бы не этот прилив отборных профессиональных сил, Харьковское О-во взаимопомощи не могло бы сложиться в такое влиятельное рабочее учреждение, каким оно явилось на самом деле.

Опять-таки, историю этого о-ва не легко написать, потому что важнейшие акты его жизни и работы не входили в записанную хронику ее. Видные работники общества были в то же время и видными деятелями местной рабочей жизни во всех ея проявлениях: конфликтах, стачках, научно-образовательных мероприятиях.

Круг активно работающих членов общества был на редкость широкий. Большинство из них, однако, не были политическими деятелями

определенного уклона и трудно было бы определить политическую позицию каждого из них и всех их вместе. Вероятно, многие из них прошли через тот или иной политический кружок: народовольческий, народнический, социал-демократический или либеральный, но чего-нибудь отчетливого, партийного или фракционного, они не выявляли.

Таким мне казался покойный Андрей Филиппович Кондратенко, который прямо огнем горел, чтобы вложить в деятельность Общества взаимопомощи самую многогранную заботу о рабочем классе.

Таким же я знал, тоже покойного теперь, слесаря Матвея Адреевича Порхаева — трезвого, практичного и бесконечно доброго человека.

Были десятки других, каждый со своей особой оригинальной жертвенностью и со своим особым талантом творить общественную жизнь своего класса.

Как пример политической неоформленности тред-юнионистских кругов того времени, расскажу один случай, относящийся не то к 1904, не то к 1905 году.

В Харькове в это время жил проездом Вл. П. Махновец, знакомый М. А. Порхаеву по Воронежу. На паровозо-строительном заводе лидером социалистов-революционеров был талантливый рабочий, слесарь З—н. Как-то Порхаев и говорит мне:

— Приходи, Андрюша, ко мне в воскресенье. Задумал, я такую шутку. Позову Махновца, З—на, пускай они договорятся. Довольно споры разводить! Выскажись на чистоту и довольно! Спорят, спорят, а из-за чего и понять невозможно.

Свидание это, действительно, состоялось за чайным столом Матвея Андреевича. Но когда хозяин поставил гостям, очевидно, неожиданно для них, ультуматум, что этот разговор есть последний и решительный спор их, то они пришли в великое смущение. Инцидент был исчерпан искренним ругательством Матвея Андреевича по адресу всяких программных тонкостей, что вызвало общий смех.

Тред-юнионисты того времени доставляли не мало забот покойному Артему Сергееву. Этот выдающийся агитатор, в то время совсем юный, пользовался у «паровозников» огромной популярностью. И все же я был свидетелем такой сценки.

Где-то на Покотиловке, на приятной лесной лужайке, в праздничный день группа тред-юнионистов, соединяя полезное с приятным, отдыхает на лоне природы и беседует на злобы дня.

Беседа не ахти, какая революционная, но все же без оглядки нельзя. В лесу раздается хруст валежника. Надо узнать, в чем дело. Один из товарищей отправляется на разведку и возвращается смеющийся и возмущенный:

— Артем, чорт его дери!

Следом является Артем, непреклонный как сама судьба. Садится. Начинается курьезный разговорец:

— Ты чего за нами таскаешься?

— А что у вас за секреты, с кем вы-то таскаетесь?!

— Да никого у нас нет. Видишь, одни сидим.

— Ну, вот и я с вами посижу.

— Да ведь опять заведешь волынку, слышим мы ведь тебя каждый день! Уйди ты, сделай милость.

Все смеются. Смеется и Артем, и добродушно удаляется.

С тех пор прошло уже более 25 лет, но у меня живо сохранилось одно воспоминание.

Наш вагон, переполненный этапными-уголовными, бродягами и проч., привезли к платформе Харьковского вокзала и выстроили нас рядами на этой платформе. Я взглянул вверх и почему-то подумал: «А ведь здесь небо выше!».

Я не скажу, что мне на Украине в то время жилось очень хорошо, но, сравнивая юг с нашей Владимирской палестиной, думается, что как-будто бы на юге в то время рабочему дышалось легче. Для великорусского рабочего Украина того времени была более вольным местом. Замеченный, поднадзорный, нелегальный — здесь не так выдавался, не был так на виду, как в центральных рабочих поселках. Иначе относилась полиция, не так свирепствовала охранка, и сами рабочие держали себя более независимо. Ну, и заработки были значительно выше.

Начиная с 1896 г., иваново-вознесенские рабочие, участники рабочих кружков, разведанных полицией, направлялись под надзор в южные и юго-восточные города. Большинство из нас рассматривали свое невольное переселение как временный эпизод и давали обещание вернуться в свой рабочий город при первой возможности. Но очень многие не исполнили этого обещания. На новых местах было жить вольнее. На родине же каждый «бывший» был очень заметен.

Не могу не отметить, что иваново-вознесенцев об'единял долгое время какой-то земляческий патриотизм. Связи между городами поддерживались. Происходили встречи, велась переписка. Но отсюда делать вывод, что существовало какое-то особое политическое течение «иваново-вознесенцев», мне думается, все же не приходится. Можно сказать, что среди иваново-вознесенских высланных в другие города рабочих было некоторое количество тред-юнионистов. Но мне думается, что в то время, в период 1892—1906 г.г., тред-юнионисты были во всех центрах рабочего движения. Да и странно было бы, если-бы их не было в нашей рабочей среде.

Мы должны ясно представить себе, насколько еще не было оформлено в то время политическое движение рабочего класса. Харьковские «общественники», иваново-вознесенские тред-юнионисты—все это только звенья общего тред-юнионистского движения того времени. Это движение

не вышло из стадии своего первоначального оформления, оно влилось в более широкое движение, созданное революцией 1905 года и отдало ему свои подготовленные в предыдущее десятилетие силы и навыки.

Конечно, эти мои соображения, представляют, строго говоря, исторический домысел. Их трудно документировать. Но ведь, если даже в Германии были активные деятели из рабочего класса, имевшие кличку «только профессионалистов», то было бы странно, если бы у нас в тот период отсутствовало это явление.

Именно в этот период времени я лично встретил может быть целую сотню развитых и деятельных товарищей, которых не могу иначе характеризовать, как тред-юнионистами. Было бы странно, чтобы я знал лично всех товарищей этого типа. Ведь в тот период я мог знать, хотя бы и значительную часть товарищей, лишь в Иваново-Вознесенске, Харькове, Москве, но и то в различные годы этого периода. Если допустить закономерность этого явления, то очевидно, что в большинстве провинций это явление имело место.

Что это движение слабо документировано, на это есть свои причины.

Прежде всего, — а где же литература? Где точки зрения? Где протоколы заседаний, бесед и проч.? Где выступления на широких общественных собраниях?

Правильно. Все это представлено в минимальных дозах.

Оборудование своей струи литературной оснасткой было одним из слабых мест тред-юнионистского течения.

Рабочая среда того времени выдвигала слишком мало своих литераторов. Солидная численно и качественно группа харьковских общественников как-будто так и не выдвинула своих литераторов, если не считать отдельных случайных выступлений. Не много дали их и иваново-вознесенцы. Только в Петрограде и Москве, уже перед самой революцией 1905 г., создались небольшие литературные группки тред-юнионистов. Но понятно, что во время революции, когда все дышало политикой, тред-юнионистское течение менее всего могло рассчитывать на резонанс.

Точно также и на общественных собраниях рабочий—тред-юнионист выступал не с «точкой зрения», а преимущественно с фактами, с практическими требованиями.

Протоколы нелегальных собраний не велись.

А легальные были приспособлены к режиму того времени.

В итоге, в историческом документировании движение потеряло свою цельность, что и отразилось в книге о 1905 и 1907 г. г.

Я уклонился от затронутого мною вопроса о рабочей жизни в центре и на юге.

Лично я сделал попытку вернуться в свои края в 1900 году. В то время в Воронеже организовалось что-то вроде штаба Северного рабочего

Союза. Тоже характерно: Штаб Северного Союза организуется в Воронеже.

Персонально в этом штабе были В. А. Носков, О. А. Варенцова, и, кажется, Л. Я. Карпов. Первые двое были моими личными знакомыми. Я вошел с ними в сношения. При этом, — что характерно для моего тогдашнего настроения или направления — я не требовал деклараций или инструкций, не выяснял точек зрения. Я шел прямо на фирму: Северный рабочий союз. Мне казалось, что спорить не о чем.

Меня назначили на работу в Ярославль, куда я и направился, побывав там сначала для установления знакомства. В Ярославле с т. Доливо-Добровольским я условился относительно приезда на постоянное жительство, а затем посетил знакомые места Владимирской губернии.

Приезжаю уже на постоянное жительство в Ярославль в одно зимнее утро. Оставил вещи на хранение. Доехал на трамвае до того переулка, откуда надо было итти на указанную мне «для явки» квартиру. И, только прошел десяток шагов, инстинктивно чувствую, что за мной кто-то «идет». Оглянулся — дело ясное. Рыжий, приземистый человек, полицейской выправки шествует за мной по пятам.

Я не был революционером. Я был рядовой тред-юнионист. Не только «бомбы», но и ни одного компрометирующего лоскутика бумаги не было у меня в кармане. Но единственная квартира, на которую я мог направиться, была, очевидно, явочной и тащить туда сыщиков было неразумно. Я начал колесить по улицам, стараясь увидать трактир, или что-нибудь подходящее, куда люди вообще заходят. На беду я в то время совсем не знал города. Наконец, вижу: почта. Направляюсь туда. Но мой преследователь очевидно уже убедился, что меня нужно коллекционировать и употребил своеобразный прием: подозвал городового и нахально заявил, что, вот-де: «этот у меня кошелек поднял».

Повезли меня в полицейское управление, где чиновник сразу мне сказал, что, дескать, кошелек — это неважно, а важно — кто я и зачем пожаловал. Пришлось сочинить подходящий семейный анекдот.

На утро меня выпустили. Но в эту ночь в тот же участок привезли т. Доливо-Добровольского. Его взяли на улице и также на прием «кошелек поднял». Понятно, что он возмущенно протестовал в участке против неожиданного поклепа, но, увидав меня лежащим на диване, махнул рукой на это дело.

Оказалось, что меня угораздило явиться как раз в день назначенного погрома всей Ярославской организации.

Как выяснилось из бесед чиновников, которые при мне не стеснялись, на собрания кружков переодетым ходил сам «господин пристав».

На другой день я уехал из Ярославля, так и не узнав, почему именно меня сразу так неладно встретили. Потом высказывались предположения, что меня приняли за моего приятеля М. А. Багаева, которого намерены были арестовать «всерьез и надолго».

Но суть дела не в том. Совершенная случайность моего происшествия была в наших палестинах закономерной. Людей замеченных хватали за шиворот по поводу и без повода. Оттого и движение уходило глубоко в подполье.

Между прочим, когда я проездом был в Воронеже, то там в первый раз услыхал, что в Москве, мол, затевается что-то своеобразное в рабочем движении. Это «своеобразное» вылилось потом в известную «зубатовщину». В Харькове и его районе ничего напоминающего «зубатовщину» ни в одном эпизоде мне не припоминается. Кажется, в 1904 г. из Москвы приезжали в Общество взаимопомощи некоторые деятели московских обществ на предмет установления связей. Но харьковцы знакомство не поддержали и, когда я, по поручению харьковских тред-юнионистов, об'езжал в 1904 и 1905 г.г. рабочие общества взаимопомощи то в Москве от посещения указанных обществ воздержался. На юге была другая общественная обстановка.

Прожив в Харькове с 1898 по 1905 г. г., я мог заметить, как выросло здесь общественное влияние рабочего класса за столь короткий период. Трудно установить это документально. Но для очевидца того времени это было неоспоримо. Иное стало отношение широких кругов интеллигенции, чиновничества, прессы. Рабочие были признаны здесь общественной силой еще до 1905 года.

На этом фоне влиятельное, многолюдное, обладающее значительными средствами Харьковское Общество взаимопомощи вырастало, как значительное мероприятие местной общественности.

Примерно, около 1904 г. среди харьковских тред-юнионистов всех профессий, и работающих в легальных обществах, и не работавших в них до сего времени, назрело такое намерение: «А что если взять курс на об'единение легальных рабочих обществ и нелегальных профессиональных начинаний в одно общее движение и общим напором «легализовать» профессиональные союзы по европейскому типу?»

Тактика обозначалась сама собой. Кроме Общества металлистов у нас были общества табачников, портных. Мы принялись их «оживлять» и они пошли на оживление.

Необходимо «оживлять» наличные легальные общества рабочих и подтягивать к ним нелегально работающих тред-юнионистов. И необходимо создать для своего начинания «прессу».

В Харькове все эти намерения встречали благоприятную почву и не вырисовывались как что-то надуманное. Но не трудно было понять, что одна ласточка весны не делает. Отсюда и мысль о Всероссийском С'езде Рабочих Обществ Взаимопомощи. Эта мысль возникла именно из того положения, что для оживления наличных обществ и зарождения новых и для привлечения стоящих в стороне от них тред-юнионистов надо

какое-то длительное мероприятие. В начале мало кто из нас предполагал, что С'езд будет разрешен тогдашним правительством. Но самая подготовка к С'езду являлась для нас тем делом, которое надо было проводить, чтобы в течение ряда лет работы, и легальной и нелегальной, добиться осуществления поставленной задачи.

А задача была одна: перенести формы профессиональных союзов европейского типа на нашу почву.

Вряд ли кто из нас тогда предполагал, что через два года профессиональные союзы станут неоспоримым фактом нашей действительности. Думалось, что этот процесс внедрения в наши палестины европейской формы рабочего движения займет не менее десятка лет. Поэтому вопрос о том, когда и где будет созван С'езд, вначале нас мало интересовал. На С'езд смотрели, как на предлог оживить тред-юнионистскую организацию и деятельность.

Когда мне пришлось поехать в первый об'езд рабочих обществ в 1904 г., я настолько был неуверен в легальности своей поездки, что на всякий случай запасся документом — командировкой ознакомиться с постановкой дела в так называемых «Домах Трудолюбия». Эта командировка была безнадежная и придумана была мною и выхлопотана через знакомых лиц с единственной целью промолчать о С'езде в тех случаях, когда явится к тому необходимость.

И, действительно, в Петербурге меня вызвал пристав и спросил: зачем я приехал в город, где, как состоящий под негласным надзором, не имею пра́ва появляться. Тогда я и пред'явил ему свои заботы о Домах Трудолюбия. Он предложил мне скорее выполнить поручение и выехать. Этим я хочу показать, что харьковские тред-юнионисты совсем не стремились к легальности во что бы то ни стало и не стояли за тип обществ взаимопомощи, как за долговременную форму организации. Их исканием был профессиональный союз европейского типа — тред-юнион, в котором профессиональная борьба и взаимопомощь спаяны.

Уже первые наши шаги по подготовке С'езда дали некоторый результат. У нас установились связи с другими городами и в пользу нашего движения начала создаваться «пресса». Сведения о наших намерениях и чаяниях стали появляться в хронике газет в разных городах, не говоря уже о Харькове, и мы почуяли, что почва благоприятнее даже, чем мы предполагали. Когда летом 1905 г. из Петербурга в Харьков приехал И. З. Желудков, мы с двух слов установили с ним план общей работы.

Хотя в то время мы имели уже неожиданное разрешение на устройство с'езда в Харькове, но вопрос о месте не играл для нас роли. Мы передали свою инициативу Петербургу и Москве без всяких возражений.

Архангельск, 1925 г. Августа 8-го.

По поводу воспоминаний А. Евдокимова.

Нелегко и далеко не сразу становится пролетариат из «класса в себе» — «классом для себя». В суровой классовой борьбе слагается его единство и выковывается его сознание. В этой школе жизни не все элементы пролетариата идут в ногу. Поэтому и рабочее движение развивается путем преодоления внутренних противоречий. Профессиональная замкнутость и местная ограниченность, частные задачи и групповые интересы тянут его в сторону от конечной цели. И, как мертвый хватает живого, так и здесь пережившие себя формы движения продолжают существовать по инерции, мешая выработке новых форм, более соответствующих требованиям движения в данное время и в данном месте.

История рабочего движения в России до сих пор сосредоточивалась почти исключительно на основном его потоке и мало уделяла внимания этим ответвлениям в сторону, пережиткам прошлого, затрудняющим и замедляющим движение вперед. А без них картина движения в целом остается неполной, а местами и недостаточно ясной. Это одинаково относится и к партийному, и к профессиональному движению.

Воспоминания «тред-юниониста» А. А. Евдокимова как раз касаются одной из таких мало исследованных областей. Автор — активный участник рабочего движения с начала 90-х годов до годов столыпинской реакции [1]) — сам был «тред-юнионистом» или, употребляя более обычный термин, экономистом, или, как еще называли его единомышленников в первые годы искризма, представителем «иваново-вознесенского толка». Но характерно при этом, что сторонниками экономического движения Евдокимов и его товарищи стали с запозданием на несколько лет и усвоили его в наиболее односторонней форме. Когда в годы промышленного расцвета во второй половине 90-х годов социал-демократия переходила от кружковой пропаганды к широкой экономической агитации и на почве стачечной борьбы впервые соприкасалась с массовым рабочим движением, тогда воспитанные в кружках будущие тред-юнионисты не только отрицательно, но и враждебно относились к этому новшеству в тактике. «В 1897 году в Иваново-Вознесенске была сделана попытка

---

[1]) О нем см. Колокольников и Рапопорт: «1905—1907 г.г. в проф. движении». М. 1925 г. Стр. 123 и след.

перейти к новым методам работы, перенеся центр тяжести ее на фабрики и заводы, — к широкой устной и печатной агитации. Появились нового типа рабочие, которые открыто агитировали на фабриках и распространяли нелегальную литературу. Некоторые из старых членов кружков 1895—96 г. (в том числе и Евдокимов) отрицательно относились к новому течению и, в отличие от рабочих нового типа, называли себя „экономистами» [1]).

Но когда кризис 1900 г. обострил классовые отношения и массовое рабочее движение все чаще стало выливаться в политические выступления, даже в тех случаях, когда начиналось в виде экономической стачки,— харьковская маевка 1900 г., обуховская оборона 1901 г., ростовская стачка 1902 г., всеобщие стачки 1903 года, — только тогда сторонники иваново-вознесенского толка (не только из Иваново-Вознесенска и, разумеется, не все иваново-вознесенцы) — выступили в противовес политическим выступлениям пролетариата с планом устройства професс. организаций — легальных и полулегальных, в виде обществ взаимопомощи, и нелегальных, в виде заводских касс. Плохо было не то, что они пытались создавать организации. Плохо было то, что — говоря словами самого Евдокимова — они не то, что «совершенно были лишены интереса к политике, но в этом направлении были мало активны» и — мы бы добавили к этому — не понимали совсем очередных задач политической борьбы пролетариата в самодержавной России».

Только накануне революции 1905 года пробудилась политическая активность и у «тред-юнионистов»: в противовес Р. С.-Д. Р. П. они организовали в Харькове «союз рабочих для защиты своих прав» с целью «влиять на государственную машину (самодержавие), чтобы она делала свои обороты в пользу трудящегося люда», обещая при этом «держаться по возможности культурного и мирного направления». «В требованиях—писал о программе союза К. Дмитриев — даже радикальная буржуазия идет дальше его... С начала до конца умеренность и аккуратность; ни размаха мысли, ни силы в действиях» [2]). Союз оказался мертворожденным детищем. Характеристика русских тред-юнионистов была бы неполна, если бы мы не упомянули об их почти враждебном отношении к революционной социал-демократической интеллигенции. Начиная с воззвания «союза рабочих Русского Манчестера» (1899) о созыве чисто рабочего с'езда [3]) и до выходившего в 1905 году в Петербурге «Рабочего голоса» красной нитью проходит стремление не пускать интеллигенцию в рабочее движение.

---

[1]) Примечание О. Варенцовой к заметке Р. Семенчикова об экономизме и экономистах в Иваново-Вознесенском районе в книжке А. Рябинина: «Материалы для биографии Р. Семенчикова». ГИЗ. 1922 г. Стр. 12.

[2]) «Отклики современности», 1906 г., № 4. Статья перепечатана в книге: «1905—1907 г.г. в проф. движении», стр. 397—405. Программа союза была напечатана в тред-юнионистском «Рабочем Голосе», 1905 г., № 1.

[3]) «Рабочая Мысль», № 8. «Рабочее Дело», № 1.

Но за этими недостатками и ошибками тред-юнионистов нельзя забывать и того положительного, что внесли они в рабочее движение. После стачечной волны девяностых годов в эпоху политических демонстраций 900-х годов все сильнее становилась в рабочей среде тяга к организованности, все острее чувствовалось несоответствие между узким базисом подпольной партийной организации и переросшими уже временные и текучие формы об'единения передовыми элементами пролетариата. На положение «профессиональных революционеров» переходила только ничтожная часть сознательных рабочих; большинство их не вмещалось в замкнутые конспирацией рамки партийного аппарата и потому только косвенно могло оказывать воздействие на характер и направление его работы. На этой почве и создавались всевозможные организационные неудовольствия и недоразумения, которые вели в одних случаях к созданию «рабочих оппозиций» внутри партии, в других—к поискам новых организационных путей и возможностей. Одной из таких организационных отдушин и была неоформленная, связанная более идейно, чем организационно группа тред-юнионистов, о которой рассказывает в своих воспоминаниях Евдокимов.

Группа эта не только устояла перед тлетворной заразой полицейского социализма, временно соблазнившей немало менее стойких и сознательных рабочих. Она не только удерживала своих единомышленников в рядах рабочей армии. Но путем организационных опытов, а при случае и вмешательства в экономические конфликты она практически вырабатывала в них навыки, полезные и необходимые для повседневной организационной профессиональной работы. Наконец, в отдельных случаях, когда местные партийные организации, слишком увлекшись политической борьбой, забывали об экономической агитации, «тред-юнионисты» вносили поправку в эту односторонность и своей работой разрыхляли почву для последующего социал-демократического воздействия на более отсталые слои и группы пролетариата.

Когда революция 1905 года отвоевала, наконец, возможности для открытого союзного строительства, многие «тред-юнионисты», стоявшие до того в стороне от общего потока рабочего движения, втянулись в профессиональную работу и оказались впоследствии не плохими профессионалистами. В отдельных случаях им даже принадлежала инициатива в деле союзного строительства, — нельзя, напр., закрывать глаза на то, что в Харькове они были в 1905 году организаторами заводских комиссий и совета заводских комиссий. Руководители московского социал-дем. союза типо-литографских рабочих, стоявшего во главе всеобщей забастовки печатников в сентябре 1903 года, также приближались к описанному Евдокимовым типу «тред-юнионистов» [1]). Но в большинстве слу-

---

[1]) См. характеристику союза и его руководителей в книге «Московские печатники в 1905 году» (*особ.* в статье В. Шера).

чаев «тред-юнионисты» шли в профессиональное движение за социал-демократией и подчинялись в нем ее руководству. Единичные попытки замкнуть движение в колодки чистого профессионализма (группа «Рабочего Голоса» в Петербурге, «общественников» в Харькове, своеобразный «синдикализм» в московском «Союзном Деле» и т. п.) потерпели крах в самом начале.

И те тред-юнионисты, которые пробовали в союзах вести свою линию наперекор социал-демократии, или выбрасывались союзным движением (группа Васильева — Горшкова в Петербурге), или сами отходили от него (Евдокимов, Желудков).

П. КОЛОКОЛЬНИКОВ (К. Дмитриев).

Отрывки из воспоминаний.

Глава V.

В Петербурге в 1907 году.

Возвращение в Петербург.— Фракция второй думы.— Конференция печатников. — С'езд или конференция? — Рабочес'ездовство.— Лондонская резолюция.— Переворот 3 июня.— «Текстильные забастовщики».— Подготовка к с'езду.—Штуттгартский международный конгресс.—«Профессиональный Вестник».— Центральное Бюро.— Жесткие и мягкие футлярщики.— Союз металлистов.— Рабочие кооперативы и союзы.— Выборная кампания.— С'езд народных университетов.

В начале марта я собрался обратно в Питер. Возвращался через Стокгольм. С вокзала, при содействии прохожих, попал в гавань прямо к отходу парохода на Або. Денег было в обрез, и я взял билет третьего класса. Направили в трюм. Не сразу разобрал, куда итти — лестница была плохо освещена. Вдруг слышу снизу энергичное поминание родителей. Когда сам без языка, всегда обрадуешься землякам. Оказалось, компания точильщиков из Череповецкого уезда ходила на зиму на отхожие промыслы в Швецию и теперь возвращалась домой. Везли много гостинцев, в том числе громадные стенные часы.

Утром вышел из трюма на палубу. Пароход шел в шхерах по дороге, пробитой во льдах. Прямо к пароходу на санях под'езжали пассажиры с окрестных островов. Днем приехал в Або, а на следующее утро в Териоки. Здесь сменил дальний поезд на дачный и благополучно прибыл в Питер. Во всю дорогу никто ни разу не спрашивал паспорта.

Хорошо помню первый вечер в Петербурге. Я пошел с Кругловым (Орловым) в союз строительных рабочих. Помещался он где-то на Екатерининском канале. Как раз в этот вечер строители поймали на улице сбежавшего союзного кассира, плотника Ковалева, и привели в союз. Тот в свое оправдание нес какую-то околесицу. Выходило, что не он ограбил союз, а его ограбила полиция. Вопрос шел о том, что делать с Ковалевым. Раздавались голоса, чтобы покончить с ним на месте. Отговорил Круглов: конечно, убить его стоит, но это может навлечь беды на союз.

В конце-концов Ковалева отпустили на все четыре стороны. Впечатление от вечера осталось очень гнетущее.

Вообще вопрос о хранении денег стоял тогда остро. Во избежание конфискации деньги не клали в банк на имя союза. Во избежание соблазна не клали на книжку на имя кассира. Обычно отдавали на хранение верному человеку, вроде профессора химии Явейна (старый германский социал-демократ) с тем, чтобы он выдавал только по особому постановлению правления, скрепленному несколькими подписями. Союз металлистов держал впоследствии свои деньги в германском союзе металлистов.

В Петербурге за мое отсутствие произошли значительные перетасовки в личном составе. Гриневич жил в Берлине. Общее руководство професс. движением принадлежало Рязанову. Из Москвы переехал Круглов-Орлов (тогда Козельский). Он был секретарем организационной комиссии. Деловитый и энергичный, он оживил ее деятельность: завел переписку с местами, разослал анкету о положении союзов и настойчиво требовал ответов. Благодаря его усилиям, удалось собрать порядочный анкетный материал. Несмотря на его неполноту и недостатки в разработке, это все-таки единственный надежный материал о положении професс. союзов во всероссийском масштабе не только до переворота 3 июня, но и вообще за весь период между двумя революциями [1]).

Идейным центром петербургского профес. движения была редакция «Профес. вестника», который с января начал выходит взамен закрытого «Профес. союза». Помещалась редакция на Николаевской, в служебной квартире адвоката Ландсберга, большевика, работавшего в союзе текстильщиков. В редакцию входили члены организационной комиссии; секретарем редакции был Соколов-Басовский, участник первой общепрофессиональной конференции. Сравнительно с «Профес. союзом», «Профес. вестник» сделал большой шаг вперед и по содержанию, и по богатству информации, и по актуальности. Он выходил с призывом на первой странице к бойкоту «Руси» и организовал сборы в пользу жертв лодзинского локаута.

Было немало нового и в мире петербургских союзов. На первый план выдвинулись союзы фабрично-заводских рабочих. В союзе текстильщиков видную роль играли тогда склонявшиеся к синдикализму бывшие меньшевики Шендриков (Касьян) и Фалькнер-Смит (Серафима); они наладили и довольно живо вели «Вестник рабочих волокнистых веществ». Из рабочих тогда уже выдвинулся Н. И. Лебедев; в журнале недурные стихи писал ткач Привалов.

Союз рабочих по металлу, закрытый при разгоне первой думы, был вновь легализован только весной 1907 года. Нелегальное существование

---

[1]) Сделанная самим Кругловым сводка была напечатана в «Проф. Вестнике» и полностью перепечатана в книге «1905—07 г.г. в проф. движении».

сузило размах его работы и вынудило обратить внимание главным образом на выработку организационных форм. В частности, за это время укрепился общегородской делегатский совет, как руководящий орган союза. Его значение понимала и полиция и потому при легализации вычеркнула его из устава. Собираясь все время нелегально или полулегально, общегородской совет включил в свой состав целый ряд видных партийных работников; заседания его проходили очень живо и содержательно. Одной из главных скреп нелегального союза был его орган «Рабочий по металлу». В состав редакции входили тогда Рязанов, Гинзбург-Наумов и Томский-Копп. Журнал выходил регулярно и широко распространялся по заводам через заводских делегатов.

В профессиональном движении делались в это время первые шаги по об'единению местных союзов во всероссийские и областные [1]). В январе или феврале в Москве состоялись всероссийские конференции чаеразвесников, строительных рабочих; еще раньше (август 1906) была конференция портных. Резолюции конференции строителей вышли отдельной брошюркой. У Шарого-Рыжова, редактировавшего журнал портных, я брал на прочтение доклады с мест и протоколы конференции портных; этот чрезвычайно интересный материал не был опубликован из-за недостатка средств. Особенно интересен был доклад об организации портновского промысла в Одессе, где разделение труда даже среди квартирников шло много дальше, чем в Москве. В феврале в Москве собралась областная конференция металлистов. На нее приехали делегаты из Питера, Луганска и с Волги, и конференция этим самым из областной превратилась во всероссийскую. Состоялась в Москве и областная конференция текстильщиков. Готовилась всероссийская конференция печатников. Обычно на конференциях выбиралась организационная комиссия для дальнейшей работы по союзному об'единению. Переворот 3 июня почти бесследно смел слабые ростки этой работы, диктовавшейся условиями экономической борьбы [2]).

Центром политического рабочего движения в это время была социал-демократическая фракция второй государственной думы. Отношения между большевиками и меньшевиками [3]) внутри фракции были очень

---

[1]) В это время в Москве была тенденция организовать областные союзы с центром в Москве и отделениями в провинции. На этот путь толкнуло московских профессионалистов самодурство местных помпадуров, не регистрировавших у себя в сатрапиях уставов союзов. Особенно отличался, помнится, калужский губернатор. И вот у него под носом открывалось отделение моск. союза на основании устава, зарегистрированного московским градоначальником.

[2]) Протоколы всероссийских конференций печатников и металлистов и областной конференции текстильщиков вышли отдельными изданиями. Протоколы областной конференции текстильщиков перепечатаны в изданном Истпрофом ЦК Союза текстильщиков сборнике — «Текстили в годы первой революции». М. 1925 г.

[3]) Лидером большевиков во фракции был прошедший в Думу по петербургской рабочей курии П. Алексинский; лидер меньшевиков — Ир. Церетелли.

обостренные, и фракционные заседания порой проходили очень бурно. Вовне фракция выступала как целое, связанное партийной дисциплиной. Связи с местами росли изо дня в день: присылались наказы, приезжали делегации. В помещениях фракции, сначала на Песках в квартире Махарадзе, а потом на Невском в квартире Озола, толклось всегда много народа.

Профессиональные союзы, в частности и петербургские союзы, принимали очень активное участие в выборной кампании (я время выборов просидел в предварилке). И в короткие дни второй думы между професс. организациями и фракцией установились близкие отношения. При фракции была организована под председательством покойного Джапаридзе особая комиссия по рабочему вопросу, в которой принимали участие петербургские профессионалисты. В ней подготовлялись законопроекты об охране труда, о свободе стачек и союзов. Тогда как раз встал вопрос, нуждается ли професс. движение в особом законе о союзах или же для союзов достаточен о б щ и й закон о неограниченной свободе коалиций. Отголоски дискуссии по этому вопросу можно найти в тогдашней профессиональной печати.

Закон 4 марта ставил в исключительное положение железнодорожников, запрещая им всякую профес. организацию. В обход закону был создан тогда профес. журнал «Локомотив», как суррогат союза. Фракция ли в целом или отдельные члены ее имели отношение к этому журналу, но в помещении фракции собиралась его редакция — Балабанов, Хейсин, Прокопович. Последний принимал участие и в рабочих комиссиях фракции и оформил для этого свое отношение к партии. На Лондонском с'езде этот факт принятия в партию беззаглавца-бернштейнианца ставился большевиками в вину фракции и центральному комитету партии (и во фракции, и в Ц. К. большинство составляли меньшевики).

В начале апреля в Гельсингфорсе собралась всероссийская конференция печатников. В этой отрасли труда условия производства особенно остро и неотложно ставили вопрос о создании центра для об'единения и согласования экономической борьбы. Конференция была хорошо подготовлена и по полноте представительства приближалась к с'езду. Я участвовал на конференции в качестве представителя Ц. К. Р.С.-Д.Р.П. и был докладчиком по вопросу о взаимоотношениях союзов и партии. Представителем организационной комиссии был Орлов-Круглов.

Приехал я в Гельсингфорс, когда работы конференции уже начались. Заседания происходили в зале народного дома, который предоставили конференции финляндские профессионалисты. Работа шла напряженно целый день с перерывом на обед; по вечерам работали комиссии. И все-таки конференция продолжалась больше недели. Так много вопросов стояло на очереди, и раз уж удалось с таким трудом собраться, не хотелось раз'езжаться, не обменявшись мнениями по всем им. Я не стану

излагать работ конференции [1]); обстоятельные протоколы ее имеются в печати. Отмечу только некоторые характерные штрихи.

Конференция собрала весь цвет печатников-профессионалистов; среди делегатов было немало хороших практиков и недурных ораторов. Москва послала Решетова и покойного А. Н. Смирнова; Петербург дал Кубикова-Дементьева, Кефали-Амгинского-Камермахера (тогда большевика), К. Рубина, Беляевского, Тверского-Орлова. Буксин был от Нижнего, Бовшовский от Одессы, Цорн от Екатеринослава. В президиуме были Шер (Петр Петрович), Круглов и Кибрик (С. Яковлев). Подавляющее большинство участников конференции были социал-демократы, при том меньшевики. Были эсеры (из Питера литограф Харитонов и корректор Львов). Из Западного края и Польши были серповцы и сионисты-социалисты разных толков. Было немного беспартийных (Орлов-Тверской из Питера и делегаты Прибалтийского края); наконец, был близкий к кадетам Желудков. Наиболее яркими и интересными докладами были доклад Рубина о тарифе и Тверского-Орлова об организации всероссийского центра.

На конференции по целому ряду вопросов (об ограничении ученичества, о наборных машинах, о сдельных работах) резко столкнулись две тенденции — узко профессиональная и классовая. Партийный состав конференции обеспечил победу за второй. Но и по горячности прений, и по далеко невполне высказавшемуся настроению чувствовалось, что эта победа непрочная. Цеховые предрассудки высоко квалифицированных рабочих мануфактуры с трудом поддаются воздействию классового сознания и еще долго сохраняются под его тонким слоем. В этом коренное отличие печатников от рабочих современной фабрики—металлистов на всем протяжении профес. движения [2]). И действительно, принятые больше по чувству долга, а не по внутреннему убеждению резолюции стали нарушаться чуть не на второй день после конференции не только в провинции, но и в столицах и даже в самом избранном конференцией центральном совете, как с горечью констатировал тогда в «Профес. Вестнике» председатель центрального совета Шер.

Во время конференции было устроено партийное собрание с моим докладом о деятельности Ц. К. партии, но ничего интересного от него память не сохранила. Наоборот, чрезвычайно интересны были заседания комиссии, разбиравшей, под председательством Круглова, положение союзов в западном крае и Польше (доклад комиссии напечатан в протоколах конференции). Здесь обнаружилась такая партийная и национальная чересполосица и питаемая ею профессиональная раздробленность, о которой в центральной России мы не имели и представления: в Варшаве на

---

[1]) Под свежим впечатлением была написана моя статья о конференции в меньшевистских «Откликах».

[2]) Сравнение печатников и металлистов я дал в статье «Два союза», помещенной в «Печатном Деле», 1909 г.

«еврейской улице» было не то семь, не то восемь союзов рабочих печатного дела. На доклад этой комиссии ссылался между прочим Плеханов на Штуттгартском международном конгрессе, внося свою известную поправку об единстве профес. движения.

Серьезным практическим вопросом был на конференции вопрос о пределах централизации, т.-е. о функциях и полномочиях центрального совета. Принципиально против централизации никто не возражал; речь шла только о том, как далеки могут быть первые шаги в этом направлении. Надо признать, что к этому вопросу печатники подходили с большой осторожностью. И все-таки, повидимому, конференция шагнула дальше, чем позволяли обстоятельства: избранный ею центральный совет оказался не в состоянии выполнить возложенные на него задачи по руководству профес. движением печатников. А впрочем, вина за эту неудачу, может быть, ложится на воцарившуюся после третьеиюньского переворота реакцию в большей степени, чем на центральный совет и директивы конференции.

Об'единение союзов продолжалось и в других профессиях. Созывались областные профес. конференции и выбирались областные центры. На Пасхе я был в Москве. Там заседало несколько областных конференций. Я побывал на двух. Обе были не особенно многочисленны. На одной — у торговых служащих — обсуждался при мне вопрос о потребительской кооперации. Боролись две точки зрения — сторонников и противников организации кооперативов в данное время. Боюсь ошибиться, но против организации кооперативов говорил, кажется, Скворцов-Степанов, за организацию — А. Евдокимов. Среднюю точку зрения представлял Мартын (Златкин-Регекампф). Его компромиссная резолюция, кажется, и была принята. Конференция портных заседала на Александровской ул., в доме Рогинского, кажется, в квартире нынешнего наркомюста Курского. Председательствовал переехавший в Москву Озол. Доклад при мне делал о смешанных комиссиях меньшевик П. Ивановский (Шнеерсон). В работах конференции близкое участие принимал покойный Цейтлин-Батурский.

В феврале 1906 г. вторая конференция высказалась за созыв общепрофессионального с'езда. Никаких шагов, однако, в этом направлении не предпринималось. В конце 1906 г. я из предварилки послал в «Профес. Вестник» статью о желательности скорейшего созыва третьей конференции для обсуждения неотложных вопросов профес. движения. Моя статья вызвала возражение Круглова, высказавшегося против созыва конференции и за созыв с'езда. Наоборот, Евдокимов из Москвы поддержал мое предложение. Во всяком случае эта дискуссия сдвинула вопрос с мертвой точки: организационная комиссия постановила созвать предварительную конференцию (Vorkonferenz) для решения вопроса о созыве с'езда или конференции. Это совещание и собралось в половине апреля в помещении фракции на Невском и продолжалось два дня. Протоколов совещания не

велось; имеется только краткий отчет о нем в «Проф. Вестнике». Добавлю некоторые подробности, сохранившиеся в памяти.

Совещание состояло из членов и кандидатов орг. комиссии, представителей петербургского, московского и киевского центральных бюро и вновь образовавшихся всероссийских профессиональных центров. Точно установить состав совещания трудно. От орг. комиссии во всяком случае присутствовали: Круглов, Евдокимов, Литвак, Рязанов, я, возможно, что и Кольцов; от центрального совета печатников — Шер; от металлистов— Томский-Копп или Яцыневич, вернее оба; от портных — Шарый; от Петербурга — Басовский и Рязанова; от Москвы — Регекампф-Златкин (Мартын); от Киева — бундовец Самуил. Председательствовал, сколько помнится, Рязанов.

Основной вопрос был — созывать ли с'езд или конференцию? Настроение совещания долго двоилось и колебалось; наконец, большинство высказалось все-таки за с'езд. Затем были пересмотрены программа и устав, принятые второй конференцией. Программа была пополнена вопросами о рабочем законодательстве и о рабочей кооперации. Из устава было окончательно вычеркнуто представительство неоформленных организаций и центр тяжести перенесен от центральных бюро к отдельным союзам и их областным и всероссийским центрам.

Наиболее пламенным защитником с'езда был киевлянин Самуил. В его речах явственно звучали мотивы распространенного тогда в меньшевистских кругах рабоче'здовства.

Вопрос о рабочем с'езде был впервые поднят Аксе́льродом осенью 1905 г. в связи с созывом Булыгинской думы. После разгона первой думы идея с'езда была вновь выдвинута им на очередь. Но в 1905 г. это был боевой и полный политического содержания лозунг. При более благоприятном ходе революции рабочий с'езд несомненно осуществился бы, как с'езд советов рабочих депутатов. Теперь вопрос о рабочем с'езде ставился и при спаде революционной волны не мог не ставиться уже менее конкретно. Сам Акссльрод говорил только о пропаганде идеи рабочего с'езда, как средства орабочения социал-демократической партии. Многочисленные сторонники его вкладывали в понятие с'езда различное содержание, начиная от воссоздания социал-демократической партии путем суммирования всех видов рабочих организаций (клубов, союзов, кооперативов) на подобие бельгийской партии и кончая Ларинским проектом широкой рабочей партии. Лондонский с'езд, голосами большевиков и национальных партий резко высказавшийся против рабочего с'езда, не остановил пропаганды меньшевиками этой идеи. Она продолжала обсуждаться в печати. В Питере устраивался целый ряд рабочих собраний, посвященных этому вопросу. В Донецком районе, где тогда работали покойные Ермолаев (Роман) и Овод, делались практические шаги к осуществлению районного рабочего с'езда в виде совещания уполномоченных от рудников.

Социал-демократы-профессионалисты, даже меньшевики, насколько могу судить, сравнительно сдержанно относились тогда к идее рабочего с'езда. Помню одно довольно большое собрание в Териоках, на котором Аксельрод делал доклад о рабочем с'езде. Некоторым диссонансом среди речей его безусловных сторонников звучали речи Гриневича и моя. Два соображения, надо думать, не позволяли профессионалистам встать в ряды рабочес'ездовцев. Во-первых, профессиональные союзы к 1907 г. достаточно оформились и нуждались в собственных с'ездах для обсуждения вопросов професс. движения. Теперь уже нельзя было, как в 1905 г., с'езд профессиональных союзов расширить до обще-рабочего с'езда. Между тем такие тенденции использования общепрофессионального с'езда у некоторых сторонников рабочего с'езда, несомненно, были (напр. в Донецком бассейне). Во-вторых — и это пожалуй, главное — внести вопрос о рабочем с'езде в профес. движение значило бы обострить внутри него в ущерб единству фракционные разногласия. На состоявшемся в мае в Лондоне партийном с'езде вопрос о рабочем с'езде был одним из пунктов ожесточенной фракционной борьбы.

В Лондоне незначительное большинство на с'езде имели большевики. По всем вопросам порядка дня они провели свои резолюции. Агитация за рабочий с'езд была запрещена. Под конец с'езда была пересмотрена стокгольмская резолюция о профессиональных союзах. Принятая без всяких прений [1]), новая резолюция подтверждала в первых строках стокгольмскую резолюцию, но в конце вносила в нее коренное изменение. Новая резолюция рекомендовала там, где это возможно, стремиться к признанию союзами политического руководства партии, т.-е. фактически к превращению беспартийных союзов в партийные.

Питерские профессионалисты без различия фракций отнеслись к лондонскому новшеству отрицательно. Вся профес. печать высказалась против лондонской резолюции. Под первым непосредственным впечатлением текста новой резолюции я наспех написал накануне выхода номера короткую передовицу в «Професс. Вестник»; своим тоном она вызвала недовольство среди некоторых профессионалистов. В следующем номере «Вестника» была помещена уже большая, более спокойная и содержательная статья Томского-Коппа, тоже вполне определенно направленная против резолюции. Вообще для Питера лондонская резолюция непосредственных практических последствий не имела. Не то было в центральном районе и в частности в Москве. Здесь резолюция начала осуществляться в виде организации нелегальных партийных союзов (об этом ниже). Пробудила резолюция ослабевшую было тенденцию к организации партийных союзов

[1]) Очень характерен рассказ Н. А. Рожкова о выработке этой резолюции на вечере воспоминаний Истпрофа. (См. Материалы», сб. четвертый).

и в Бунде и вообще усилила межпартийную борьбу в союзах и за союзы в Западном крае и Польше [1]).

Вопрос о применении директив лондонской резолюции обсуждался в июле на общепартийной конференции в Финляндии. Докладчиком от профессионалистов центральный комитет партии пригласил Круглова. Вышло небольшое недоразумение: поехал Круглов-Орлов, а зван был Гриневич, когда-то тоже носивший кличку Круглова. Ошибка была исправлена. Никакого постановления, однако, конференция не вынесла. Ни резолюция Гриневича, ни резолюция большевиков (докладчиком от Ц. К. был Ногин), ни компромиссная резолюция Дана не собрали большинства.

На основании лондонской резолюции при центральном комитете была организована профессионально-кооперативная комиссия. Полного состава ее не помню. Знаю наверное, что в нее входили Ногин (Макар) от большевиков и М. Бройдо (Яков, он же Брагин) от меньшевиков; они вели со мною разговор об участии в комиссии. Вообще имелось в виду привлечь в комиссию социал-демократов, работающих в союзах и кооперативах. На одном заседании комиссии я был, но не помню, о чем шла речь. Вообще же в питерском профес. движении в 1907 году руководства комиссии не чувствовалось, и едва ли многие профессионалисты того времени помнят об ее существовании.

Затянувшийся партийный с'езд все еще заседал в Лондоне, а в Питере Столыпин уже собирался, как метко охарактеризовал положение словами Маркса Ираклий Церетелли, «поставить штык в порядок дня» второй думы. С этой целью был подстроен шитый белыми нитками провокации военный заговор. Во второй половине мая в квартиру фракции нагрянула полиция, рассчитывая захватить солдатскую депутацию на месте преступления при передаче фракции наказа. Полиция опоздала; вышедшие к переодетым солдатам депутаты уговорили их уйти. Но уже известный полиции, и, кажется, ею исправленный наказ был найден во фракции. Попутно были захвачены все присутствовавшие во фракции посторонние [2]), в том числе и Рязанов, принимавший участие во многих комиссиях при фракции. В тюрьме Рязанов захворал и был переведен в больницу на Петербургской стороне; общение с ним было вполне свободное; раз или два был у него в больнице и я. Затем Рязанов был выслан за границу и вернулся в Россию в мае 1917 г.

На основании результатов обыска Столыпин потребовал от думы выдачи ему социал-демократической фракции. Кадетское большинство

---

[1]) В это время внутри польской соц.-демократии в Варшаве в связи с ростом народовских и пепеэсовских союзов возникло течение против партийности и нелегальности проф. союзов. Об этом течении писал в «Проф. Вестнике» покойный Залевский, бывший тогда в оппозиции к официальным верхам польской соц.-демократии и в России сотрудничавший с меньшевиками.

[2]) Я ушел из помещения фракции за час до прихода полиции делать доклад в организованном покойным д-ром Васильевым рабочем клубе на Выборгской стороне.

думы не нашло в себе мужества дать отпор этому посягательству на народное представительство. Начался позорный торг о головах депутатов. Торговаться ездили Маклаков, Струве, Челноков и Булгаков. Столыпин не шел ни на какие уступки. Не дождавшись ответа думы, он арестовал фракцию и распустил думу. Роспуск думы сопровождался изменением избирательного закона, укреплявшим в России власть 30 тысяч помещиков-зубров.

Так произошел государственный переворот 3 июня. Разгул почувствовавшей свои силы и обнаглевшей реакции не знал пределов. На почве переворота пышным цветом расцвели Рейнботы, Думбадзе, Толмачевы и прочие герои черной сотни. Подняли было головы и стали хулиганить притаившиеся в годы революции черносотенцы и в рабочей среде — разные Ушаковы, Половневы, Ларичкины, — пока не получили от рабочих должного отпора (бойкот, изгнание с заводов и т. д.). Самый переворот 3 июня сопровождался повсеместным разгромом рабочих организаций. И в Питере, и в Москве, и повсеместно в провинции [1]) почти все профес. союзы были закрыты и вынуждены перейти на нелегальное положение. Но в то время, как в Питере профессионалисты добивались и добились легализации, т.-е. при данных условиях возможности открытого существования союзов, — в Москве областная партийная конференция летом 1907 г. высказалась за создание нелегальных партийных союзов, в основу которых должны быть положены заводские ячейки. Петербургская профес. печать в статьях Гриневича и моей резко высказалась против московского плана организации [2]). Да и сами авторы его скоро стали бить отбой, высказываясь за создание уже двух параллельных союзов—легального беспартийного и рядом с ним нелегального партийного, в руках которого оставалось бы руководство движением. Но на деле об особых нелегальных союзах скоро забыли и в Москве.

Переворот 3 июня черпал свои силы в упадке революционной энергии рабочих масс. Ноябрьский локаут, декабрьское поражение, массовая безработица и промышленный застой, лишь на короткое время в 1907 г. сменившийся слабыми признаками некоторого оживления, сделали свое дело. Всеобщая забастовка в Питере 22 ноября 1907 г., в день суда над втородумцами, была последним проявлением массового рабочего движения вплоть до ленских событий (апрель 1912 г.). С 1907 г. массовое движение заглохло на несколько лет. Вся тяжесть пролетарской борьбы в эти годы легла на сравнительно немногочисленные передовые элементы рабочего класса. В профессиональном движении эта

---

[1]) В центральном промышленном районе, где был организован ряд областных союзов, закрытие союза в Москве автоматически влекло за собой закрытие всех его провинциальных отделений.

[2]) В воспоминаниях Ногина говорится, что и Ленин не был сторонником московского плана, признавая необходимым в то время самое широкое использование легальных возможностей, вплоть до обществ взаимопомощи.

внутренняя реакция выразилась в массовом — целыми пластами — отпаде членов от организации, а в провинции сплошь и рядом распадом самих союзов. Начинался новый период в жизни союзов, — период повседневной борьбы за открытое существование, лабораторной выработки организационных форм и публичных — наряду с думской фракцией и рабочей печатью — социально-политических выступлений от имени рабочего класса на арене общественных с'ездов.

Активные участники рабочего движения не сразу в полной мере оценили размеры победы контр-революции. Еще некоторое время после переворота курс держался на неизбежность или по меньшей мере на возможность нового под'ема революции в самое ближайшее время. У большевиков продолжал ставиться вопрос о 1847 и 1849-ом годе и решался в пользу 1847 года. На упомянутой выше общепартийной конференции при обсуждении вопроса о выборах в третью думу Ленин чуть не один изо всех большевиков был против бойкота. Конференция голосами меньшевиков и немногочисленных сторонников Ленина высказалась за участие в выборах. Часть большевиков продолжала все-таки еще долго стоять на точке зрения полного или частичного бойкота (отзовисты и ультиматисты).

К этому же времени относится план московских большевиков взять за исходный пункт экономическое движение рабочих и его развить до атмосферы революционной борьбы. Началом движения должна была стать областная забастовка текстильщиков. Наиболее последовательным сторонником этого плана был Макар — В. П. Ногин, давший под фамилией М. Новоселова обоснование ,ему в одном из большевистских сборников. К числу «текстильных забастовщиков», как их окрестили тогда сами большевики, принадлежали Ленин и Рожков.

Москвичи приступили к осуществлению своего плана. Была созвана вторая областная конференция текстильщиков. Из питерцев на ней участвовала Серафима (Смит-Фалькнер), также примкнувшая к текстильным забастовщикам. В Питере Касьян-Шендриков поднял агитацию за забастовку в журнале петербургских текстильщиков. С участием Питера забастовка вышла бы за пределы промышленной области и превратилась бы во всеобщую.

В начале июля забастовка была об'явлена. Иваново-Вознесенск не примкнул к ней; Питер тоже. Частичные уступки сразу вывели из рядов бастующих фабрик Прохоровскую мануфактуру. Через несколько времени выбыло из строя Орехово-Зуево. Богородско-глуховская мануфактура была сломлена полицейскими репрессиями. Дольше всего держалась Кострома. Всеобщая забастовка, таким образом, потерпела крах. В то же время и до, и после этой забастовки, и в Иваново-Вознесенске, и в Питере, например, у Чешера, вспыхивали частичные забастовки, иногда очень упорные, нередко удачные для рабочих. Неудача всеобщей забастовки показала, что нельзя навязывать по политическим соображениям про-

фессиональной борьбе формы, не отвечающие условиям места и времени — ни промышленной кон'юнктуре, ни боевой готовности и степени организованности рабочих масс.

Когда уже выяснилась неудача забастовки и продолжала бастовать только Кострома, в Питер приехал с поля битвы один из организаторов стачки, большевик Терентий (Марковин), искать поддержки в какой-либо форме. Но что мог сделать Питер, когда и здесь рабочее движение быстрыми шагами шло на убыль. Единственно, что можно было сделать,— организовать сборы в пользу бастовавших текстильщиков.

Подобно большинству петербургских профессионалистов я не принадлежал к числу «текстильных забастовщиков» [1]). Но в разгар забастовки счел все-таки нужным в «Профес. Вестнике» дать редакционную (без подписи) статью, которая взяла на себя неблагодарную задачу защиты областной текстильной забастовки. Я исходил из того, что во время борьбы критика была бы ударом в спину и что надо исходить из об'явления забастовки, как факта.

В вопросе об общепрофессиональном с'езде профессиональное движение также не сразу сдало позиции перевороту 3 июня. Расширенное заседание организационной комиссии в апреле отдало предпочтение с'езду перед конференцией в расчете, если не на революционный под'ем, то во всяком случае на длительное ослабление полицейского режима. Победа левых на выборах во вторую думу как будто давала основание таким надеждам. Провинция так же оптимистически учитывала положение, как и центр. Она живо откликнулась на постановление совещания о созыве с'езда. Установилась оживленная переписка орг. комиссии с местами [2]). В Питере вопрос о с'езде обсуждался в Центральном Бюро и был затем перенесен в отдельные союзы. Мне лично пришлось делать доклады в нескольких союзах (напр., у табачников, у сапожников) и написать целый ряд статей о с'езде в профес. журналах. После апрельского совещания и сторонники конференции вели агитацию за с'езд. Только в журнале и союзе металлистов Гинзбург-Наумов продолжал по-прежнему отстаивать позицию сторонников конференции.

Подготовка к с'езду продолжалась и после третьеиюньского переворота. Но шансы на созыв его уменьшались с каждым днем. В Москве безрезультатно нащупывалась через Музей труда почва к легализации с'езда [3]). Во многих городах союзы были разгромлены до-чиста; уцелевшие союзы были до крайности стеснены в своей деятельности. При таких

---

[1]) Разбор текстильной забастовки я дал в своей книге «Профессиональное движение и союзы в России». Спб. 1909 г.

[2]) Представление о ней дают сохранившиеся в архиве оргкомиссии письма, использованные в сборнике материалов о первой и второй конференциях и в приготовленной Истпрофом ВЦСПС к печати книге «Архив Орг. Комиссии».

[3]) О попытке легализации с'езда через Техническое общество в моей памяти не сохранилось никаких следов.

условиях приходилось несколько раз откладывать срок созыва с'езда, назначенного сначала на август. Вместе с отсрочками падал интерес к с'езду и в союзах. Наконец, в декабре вполне выяснилась неосуществимость с'езда. Организационная комиссия подняла снова вопрос о конференции. На этот раз было уже поздно. Это предложение не встретило на местах почти никакой поддержки, и вопрос был надолго снят с очереди. Третья конференция собралась только летом 1917 года.

Но если в пределах России не удалось созвать общепрофессионального с'езда, зато профессиональное движение было представлено на международном социалистическом конгрессе в Штуттгарте. Из Питера поехали Шер и Томский-Копп; первый представлял центральный совет союзов печатников, второй — организационную комиссию союзов металлистов. Они же были представителями петербургского центрального бюро и организ. комиссии по созыву с'езда; эти организации не имели достаточно средств для посылки особых делегатов. От областного союза текстильщиков был большевик Терентий-Марковин. Были еще делегаты от союзов северо-западного края — не только бундовцы, но и сионисты-социалисты. Доклад конгрессу о профессиональном движении в России был заранее написан Гриневичем и напечатан на немецком языке.

На конгрессе делегаты-профессионалисты образовали особую секцию внутри российской делегации и получили три голоса из двадцати российских голосов; эти голоса были взяты из половины, приходившейся на партию социалистов-революционеров. Наша делегация принимала участие в профессиональной комиссии конгресса. В значительной мере по ее инициативе была внесена Плехановым и принята конгрессом очень важная не для одной только России поправка к резолюции. В том месте, где говорится об установлении тесной связи между союзами и социалистическими партиями, было оговорено, что эта связь не должна нарушать единства профес. движения. В основу этой поправки (за нее голосовал и представитель ЦК Войнов-Луначарский) лет горький опыт дробления профес. организаций в Северо-Западном крае и Польше, так ярко обнаружившийся хотя бы на конференции печатников. Против поправки в комиссии голосовали только представители П. С.-Д. Эта поправка очень пригодилась на следующем копенгагенском конгрессе (1910 г.), которому пришлось разбирать организационный конфликт в австрийском профес. движении. Чешские сепаратисты, обособившиеся от общеавстрийской партии, распространяли уже раскол и на профессиональное движение. Сторонники единства — Виктор Адлер, Гюэбер, Легин — в своей борьбе с сепаратистами не раз апеллировали к нашей штуттгартской поправке.

Штуттгартская резолюция, по времени почти совпавшая с резолюцией лондонского с'езда, совсем иначе, чем та, ставила вопрос о взаимоотношениях между союзами и партией. Лондонская резолюция говорила о признании союзами руководства партии; штуттгартская, наоборот, подчеркивала—особенно в обосновании докладчика, ав-

стрийца Бера,—**равноценность и равноправность** политической и профессиональной организации пролетариата [1]). В этом отношении штуттгартская резолюция была ближе к стокгольмской, чем к лондонской, и шла значительно дальше ее. Впоследствии профессионалисты-меньшевики всегда аппелировали к резолюции штуттгартского конгресса. Ее разбору я посвятил предисловие своей второй книги «Профессиональное движение и союзы в России» (Спб. 1909), — предисловие, которое было вырезано цензурой и так и не увидело света.

После социалистического конгресса состоялись международные профессиональные с'езды и конференции. Наши делегаты принимали участие и на них. Металлисты, текстильщики, торговые служащие приняли их в свою среду, как равных товарищей. Более сдержанно, чтобы не сказать больше, встретили Шера лидеры союзов печатников, особенно немец Дёблин; он недоверчиво относился к самому факту существования в России профес. союзов.

Во всяком случае в Штуттгарте было положено начало организационным связям российских профес. союзов с международным профес. движением. До сих пор существовали скорее только личные связи. Гриневич, живя в Берлине, сотрудничал в центральном органе германского профес. движения. Через генеральную комиссию (по нашей нынешней терминологии центральный совет) германские союзы еще в 1906 г. прислали в петербургское центральное бюро богатую коллекцию уставов, инструкций, бланков, протоколов и т. д. Вплоть до 1910 г., а может быть и позже, мы получали в Питере массу немецких профессиональных журналов. Перед моим последним от'ездом из Питера в 1910 г. вся эта ценная библиотека находилась на квартире сестры Романа Малиновского в Казачьем пер., где тогда помещались редакция «Профес. Вестника» и при нем секретариат Центрального Бюро. Дальнейшая судьба библиотеки мне неизвестна.

Идейно-организационным центром профес. движения продолжал быть «Профес. Вестник». В связи с подготовкой к общепрофессиональному с'езду сфера влияния журнала раздвинулась далеко за пределы Питера. Пожалуй, даже, в провинции «Профес. Вестник» расходился сравнительно больше, чем в Питере, где с ним конкурировали профессиональные журналы отдельных союзов. Переписка с местами у редакции была очень оживленная. Сюда обращались за всякого рода справками, указаниями и советами. Секретарь редакции фактически был таким образом и секретарем организационной комиссии.

После ареста Рязанова и от'езда Басовского, а затем и Круглова, редактором «Профес. Вестника» короткое время был вернувшийся из Бер-

---

[1]) Резолюция говорит о *совершенной самостоятельности* проф. союзов в пределах своей сферы деятельности и об *единодушном сотрудничестве* союзов и партии; в случае разногласия союзы и партии должны притти к *взаимному соглашению*. «Партия и союзы, — говорил докладчик австриец Бер, — существуют в качестве *равноценных* организмов; здесь нет места приказанию и *подчинению*».

лина Гриневич. Но он скоро был арестован за проживательство по чужому виду и после освобождения уехал в Одессу. Его в июле заменил я. В состав редакции входили Кольцов и Шарый.

При мне начались квартирные скитания «Проф. Вестника». После высылки Ландсберга за границу, его квартира была ликвидирована. «Профессиональный Вестник» перебрался на улицу Жуковского, 4, в союз техников. В их особняке редакция заняла сравнительно небольшую заднюю комнату с окнами на двор. Но скоро эта большая квартира оказалась не по средствам союзу техников, и «Проф. Вестнику» пришлось искать нового помещения. Дело было нелегкое и непростое. На целую квартиру не было средств, а в комнату никто не хотел пускать рабочего журнала. Наконец, удалось найти немеблированную комнату в Казачьем переулке. Правда, в ней было много недостатков. В частности, служащему редакции, нелегальному молодому металлисту Натану, на долю которого выпало немало трудов со странствованиями редакции, пришлось жить в полутемной комнате. Не успели мы перебраться на новую квартиру, как под давлением полиции начались придирки со стороны давшего маху управляющего. При всякой встрече он жаловался, что сам на себя навязал обузу, что полиция не дает ему покоя и требует сведений, кто к нам ходит в редакцию. А то, выведенный из себя приставаниями полиции, начинал придираться к разным мелочам, вроде того, что у Натана гостит непрописанной временно приехавшая к нему невеста. Во всяком случае до моего от'езда редакция прожила в этом большом доме с массой жильцов в его немеблированных комнатах, затруднявшей полиции слежку за «Вестником».

Немногим легче квартирного был и редакторский вопрос. Уже до меня сложилась традиция, чтобы в «Проф. Вестнике» ответственным редактором-издателем было лицо с положением в «обществе». Вербовались редакторы обычно из адвокатов, которые несли свою повинность несколько месяцев, а затем перекладывали ее на плечи товарища. При мне А. А. Исаев отказался от редакторства и был заменен Э. К. Спандиковым. Работать с ним было легко. Обычно перед выпуском номера я приносил к нему на Петербургскую сторону для просмотра корректуру, и он подписывал ее, не делая почти никогда никаких исправлений. В это время у градоначальника вошло в обычай не закрывать, а штрафовать провинившийся с его точки зрения журнал с заменой штрафа отсидкой. Денег на покрытие штрафа у нас не было, и ответственному редактору в случае чего грозила отсидка. Эта угроза висела несколько месяцев над Спандиковым. Он, наконец, попросил освободить его от редакторства. Но найти заместителя в период реакции оказалось нелегко; кажется, только перед самым моим от'ездом Спандикову удалось сбросить с своих плеч бремя редакторства. Впрочем, никаких взысканий за это время на журнал не налагалось. Редактором после Спандикова стала работавшая у писчебумажников Л. Н. Немолякина.

Основными сотрудниками журнала, как всегда, были члены редакции. Сотрудничали и другие питерские профессионалисты — Шер, Томский. При мне впервые стал помещать в «Проф. Вестнике» экономические обзоры Гинзбург-Наумов, раньше не выходивший за пределы «Рабочего по металлу». В своих обзорах он доказывал наличность начавшегося летом и прерванного осенью мировым кризисом промышленного оживления в России; это положение оспаривал тогда Финн-Енотаевский в «Современном Мире». Стали приходить в «Вестник» сотрудники и со стороны. Покойный С. Н. Кранихфельд принес большую и написанную невозможным почерком статью о статистике несчастных случаев. Покойный Мартов прислал из Парижа очень интересную статью о французском синдикализме. Столбов-Цыперович дал статью об организации капитала; Яковлев-Гальперн — о тарифных договорах; студент политехникума Бернштейн-Коган — о восьмичасовом рабочем дне; С. С. (Суворов) — о локаутах; покойный Залевский — о профессиональном движении в Польше; бундовец (фамилию не помню) — о муниципальной программе. О кооперации писал Бройдо-Брагин. Из этого случайного перечня видно, что в журнале сотрудничали люди различных партий и фракций. Преобладали, правда, меньшевики, но не потому, что отклонялись статьи инакомыслящих. При мне не была напечатана только одна статья большевика Алексеевского о союзах и партии, да и то потому только, что после статьи Томского-Коппа она не давала ничего нового по этому вопросу.

Очень богатым был в это время отдел корреспонденций. Сводные обзоры о Питере давал я, о Москве — Регекампф (Мартын). Для провинции широко использовалась обширная переписка орг. комиссии. Историк профессионального движения найдет в «Вестнике» 1907 года много ценного фактического материала.

Фактически «Проф. Вестник» был в это время общерусским органом организационной комиссии по созыву с'езда. Формально он был органом Петербургского Центрального Бюро. После третьеиюньского переворота деятельность Центрального Бюро значительно ослабела. Помню только три собрания его. Одно было в союзе техников на улице Жуковского. О чем была там речь — не помню; должно быть об общепрофессиональном с'езде. Но отчетливо помню нападки представительницы союза текстильщиков Серафимы, тогда синдикалистки, на якобы централистические замашки интеллигентов из Центрального Бюро, вторгающихся в автономию отдельных союзов. Другое собрание было назначено на Церковной, в рабочем клубе, помещавшемся под союзом металлистов. В порядке дня стоял доклад о Штуттгартском конгрессе. Собрание, однако, должно было разойтись по полицейским соображениям. Наконец, еще одно собрание— кажется, по вопросу о выборах в третью думу и о совете безработных,— было созвано осенью в Териоках. Но и оно посредине было разогнано ленсманом.

Упадок деятельности Центрального Бюро шел параллельно с ослаблением интереса к нему у отдельных союзов и отдельных профессионалистов. Плохо поступали отчисления союзов в кассу Центрального Бюро. Редко обращались к нему по каким-либо делам. Чтобы вызвать интерес к Ц. Б., я написал статью о его значении, перепечатанную в нескольких профессиональных журналах. Но это был голос вопиющего в пустыне. Суровая борьба союзов за существование требовала большого напряжения и вела к замкнутости и обособленности их. Сил на обслуживание общесоюзных функций почти не оставалось.

Мало-по-малу по тем же причинам происходил и распад секретариата Центрального Бюро, и, наконец он воплотился чуть ли не в единственном лице секретаря «Проф. Вестника», который вел всю текущую общесоюзную работу. Теперь не столько представители союзов ходили в секретариат, сколько секретариат, вернее, секретарь Центрального Бюро, ходил в отдельные союзы. Выдающееся исключение составлял союз золотосеребреников. Его представитель, Борис Магидов, в 1909 году главный работник Центрального Бюро, аккуратно каждый месяц приносил причитающиеся с союза взносы.

Одним из дел секретариата в это время было участие в размежевании союзов. Помню два таких случая. В Питере существовал небольшой союз модельщиков. Внутри него встал вопрос о присоединении к крупному союзу, — но к какому: к металлистам или деревообделочникам? Я в печати в нескольких статьях высказался за первый. Руководители союза, — в том числе участник второй конференции Марголин-Новоторжский и бывший сормович, большевик Д. Павлов, — стояли за деревообделочников. Состоялось совещание с участием представителей заинтересованных союзов. Всякий остался при своем мнении. Затем вопрос был передан на решение членов союза модельщиков, и они в большинстве высказались за союз деревообделочников. Отзвуком этой дискуссии был вопрос об участии металлистов из ремонтных отделений в союзе текстильщиков. Вопрос был поднят в печати Красновым-Локерманом, меньшевиком, сменившим в союзе и редакции текстильщиков Касьяна—Шендрикова и Серафиму—Смит. Союз металлистов не возражал, и вопрос был решен в пользу союза текстильщиков. Его организационное значение было в том, что на текстильных фабриках с преобладанием женщин металлисты сплошь и рядом были если не становым хребтом союза текстильщиков, то, во всяком случае, его организующим началом и агитационным ферментом. Надо, однако, заметить, что оба эти решения проводились в жизнь не особенно строго: в союзе рабочих по металлу участвовали и модельщики, и металлисты с текстильных фабрик, предпочитавшие этот более сформленный союз более слабым союзам деревообделочников и текстильщиков.

Другой случай был в кожевенной промышленности. Здесь, рядом с союзом кожевников, существовал небольшой союз футлярщиков. Ко-

жевники подняли вопрос о слиянии. Футлярщики на это не шли. Они еще готовы были, пожалуй, отдать кожевникам жестких футлярщиков, но мягких ни за что (а, может быть, наоборот). Помню несколько очень бурных собраний на эту тему в тесном помещении союза кожевников. С их стороны выступал очень сдержанно и толково кожевник-большевик Адашев. Зато очень горячились футлярщики, особенно молодой секретарь их союза, работавший, кажется, у Бехли [1]). Я, как нейтральная инстанция, высказался за слияние союзов. Но в конце-концов эти переговоры ни к чему не повели. Подоплекой их была партийная окраска союза футлярщиков, одного из немногих, тяготевших к эс-эрам [2]), и, повидимому, не хотевшего поэтому растворяться в союзе кожевников, где преобладали большевики.

Кроме «Профессионального Вестника», я принимал еще некоторое участие в организационной работе союза металлистов, и после ареста Рязанова вошел в редакционную тройку союзного журнала.

К лету 1907 года только-что легализованный союз металлистов сложился в стройную централизованную организацию с районными отделениями, с общегородским делегатским советом и правлением во главе. Центральная квартира союза была на Петербургской стороне, на Церковной улице; кроме того, имелся ряд районных квартир. Делегатский совет, вычеркнутый градоначальником из устава, собирался полулегально. Помню собрания его в рабочем клубе, на Охте, или в Полюстрове, в деревянном особнячке, одиноко стоявшем среди большого заросшего травой двора. На общегородских делегатских советах намечались кандидаты в правление, по два от района. Общее собрание только формально утверждало этот список. В правлении преобладали социал-демократы. Эс-эров было только два — Волков и Карлович, но они особой партийной линии в союзе не вели. Волков, под псевдонимом Чеченец, писал очень недурные стихи, печатавшиеся в «Рабочем по металлу». Особенно хорошо было одно из них, язвительное и остроумное, посвященное 19 февраля. Из большевиков в правлении было два Калинина — М. И. с Васильевского остр. и молодой Калинин с Семянниковского завода. Первый, занятый партийными делами, близкого участия в общегородской работе союза не принимал и на заседания правления заходил только мимоходом. Второй Калинин дал в журнале любопытную статью о союзной работе на местах. Большинство членов правления (Чиркин, Фед. Яковлев, Чистозвонов, Доронин и т. д.) были меньшевики. Фракционные разногласия, однако, обнаружи-

---

[1]) У Бехли союз футлярщиков сталкивался еще и с союзом печатников, об'единявшим переплетчиков этой фабрики.

[2]) Эс-эровскими союзами в это время были еще союзы парикмахеров и литографов и отчасти союз рабочих Порта. Союз литографов, впрочем, после гельсингфорсской конференции, в связи с проигранной стачкой у Киббеля, слился с союзом печатников. Союз рабочих Порта вошел впоследствии в союз металлистов; в то время представителем союза был бывший сормовец Козин.

вались только при участии союза в политических кампаниях, — напр., во время выборов в третью думу. В профессиональной работе, наоборот, фракционные разногласия сглаживались, во всяком случае, теряли свою остроту.

Председателем правления был Яцыневич, секретарем — Роман Малиновский. Малиновский был, несомненно, талантливый человек, выбившийся из самых низов пролетариата, — энергичный и активный, с большим темпераментом, хороший оратор. Впоследствии он пробовал писать, и у него выходили очень недурные статьи, несмотря на то, что писаны они были не только без всякой орфографии, но и без согласования слов (здесь сказалось его польское происхождение). В то же время это был очень честолюбивый, легкомысленный, мелочной и взбалмошный человек, готовый поднять историю из-за всякого пустяка. Только сдержанный, спокойный Яцыневич мог с ним уживаться. Но и ему бывало подчас нелегко от совместной работы с Малиновским. Дружеских отношений у Малиновского ни с кем из постоянных работников союза не было. По партийности Малиновский был большевиком, но такой непримиримой твердокаменности, как впоследствии в четвертой думе, он тогда не проявлял. Особенности его характера толкнули его после антиалкогольного с'езда на путь провокации, но те же особенности заставили его в конце 1919 года явиться в Смольный и добровольно отдаться в руки Советской власти.

При крайне неблагоприятной кон'юнктуре в металлообрабатывающей промышленности, деятельность союза не носила боевого характера, как у печатников, а направлялась, главным образом, на организационное строительство. И, действительно, это был образцовый союз западно-европейского типа. Не вина, а беда его была в том, что эти стройные организационные формы слабо наполнялись конкретным содержанием. Для статечной борьбы были неподходящие условия. Культурно-просв. работе мешали полицейские репрессии. И в результате стал наблюдаться отрыв низов от союзной верхушки, о чем и писал в упомянутой выше статье Калинин с Семянниковского завода.

Главным работником союзного журнала был тогда Гинзбург-Наумов; Томский летом уехал в Штуттгардт, и его заменял в редакции Юрий Чацкий (Гарви-Бронштейн). Но всю черную работу по собиранию и правке материала (статей, корреспонденций с заводов, отчетов правления) и по выпуску номеров нес Гинзбург-Наумов. Помню, как, бывало, часов в восемь утра забегал он перед типографией ко мне за статьей. Помню, как сидели мы с ним до позднего вечера при верстке номера в типографии «Энергия» на Загородном проспекте. И вся эта большая работа тогда не оплачивалась вовсе: двухкопеечный построчный гонорар и 10-рублевая плата за выпуск номера были введены союзом только со второй половины 1908 года. Ответственным редактором журнала был

тогда член правления Кубышкин, — кажется, большевик с Путиловского завода. Впоследствии Кубышкин стал мастером и по уставу должен был выбыть из союза. Но во внимание больших заслуг, оказанных Кубышкиным союзу в тяжелое время жизни, он был оставлен членом союза. Главными сотрудниками журнала были упомянутые выше лица; статьи их помещались без подписи. Кроме них все чаще писали рабочие из районов: Чиркин-«Металлист», П. Калинин, Затонский-Батрак и друг. Стихи давали Чеченец и М. Безымянная (А. Доброхотова), принимавшая близкое участие в повседневной работе союза на Васильевском острове. Распространение журнала было хорошо налажено. После выхода номера в рабочих кварталах не раз приходилось на улицах и на конках встречать рабочих, читавших свежий номер журнала. Были, конечно, и шипы в виде административных репрессий. Помню арест, наложенный за мою статью о свободе коалиций (союзов и стачек). Бывали, конечно, и изнутри нападки на журнал со стороны инакомыслящих. Журнал обвиняли подчас в партийности и во фракционности. Но правление в целом одобряло ту линию, которую вела тогда редакция журнала.

Этим же летом пришлось мне впервые столкнуться с рабочей кооперацией. Отношение мое к ней было тогда очень сдержанное. Я полагал, что намечавшееся в связи с ростом дороговизны стихийное увлечение кооперацией может отвлечь внимание рабочих масс от неокрепших еще союзов и задержать их развитие, как это имело место в Бельгии: широкое и жизненное профессиональное движение должно быть предпосылкой кооперативного строительства. В таком духе я и послал из Берлина статейку в меньшевистские «Отклики», полемизируя в ней с панегиристом кооперации покойным Хейсиным-Мининым. Многие меньшевики в то время стояли на той же точке зрения, что и я. Первые соприкосновения с кооперацией не изменили моей точки зрения.

В Питере я был как-то на большом собрании членов «Трудового союза» в Соляном городке. Этот кооператив был организован в противовес социал-демократам и руководимым ими проф. союзам синдикалистом В. Поссе за Невской заставой в начале 1906 года и материально поддержан М. С. Ермолаевым (бывшим издателем полумарксистской «Жизни»). В конце 1906 года «Трудовой союз» неожиданно для самих учредителей вырос в крупную общегородскую организацию. Бич дороговизны погнал в эту сторону рабочих: экономическая конъюнктура и полицейские репрессии сильно затрудняли профессиональную борьбу; союзы мало давали непосредственных выгод; так, авось с кооперацией дело пойдет на лад. Но этот стихийный рост «Трудового союза» захлестнул его и повел к быстрой гибели; ошибки организаторов ускорили процесс разложения. То собрание, на котором я был, как раз в период этого внутреннего кризиса и обсуждало вопрос о дальнейшей судьбе «Трудового союза», вероятно, о разделении его на районные кооперативы. Я много бывал

тогда на больших рабочих собраниях, видал очень бурные из них. Помню, напр., одно собрание союза металлистов на Хлебной бирже, на котором страсти разгорелись по какому-то второстепенному вопросу из отчета правления. Председательствовал Чиркин и, надо отдать ему справедливость, обнаружил себя на этот раз блестящим председателем: подтянулся сам и крепко держал вожжи собрания. Но бурное собрание «Трудового союза» носило совсем иной характер, чем партийные и профессиональные собрания. Оно поразило своей сумбурностью и недисциплинированностью. Очевидно, в «Трудовой союз» массой хлынули такие слои столичного пролетариата, которые до сих пор стояли в стороне от всяких организаций.

Пришлось столкнуться с «Трудовым союзом» и в другой плоскости. На механической его пекарне, выстроенной на деньги М. С. Ермолаева за Невской заставой, возник острый конфликт между булочниками и правлением. Рабочие передали конфликт в свой профессиональный союз. Правление кооператива держалось вызывающе. Его поведение подлило масло в огонь и вызвало некоторую нервность и в другой стороне. Центральное Бюро нашло нужным выступить посредником между двумя рабочими организациями. Роль миротворца взял на себя Брагин-Бройдо, организовал смешанную комиссию и с большим трудом довел дело до желанного конца. Отчет об этом конфликте он напечатал в «Профессиональном Вестнике». Мне, секретарю Центрального Бюро, пришлось тогда же выступить посредником в другом конфликте между служащими и правлением кооперативной столовой «Приказчик». Два или три вечера просидела смешанная комиссия со мною в качестве председателя в помещении союза с'естников — помнится, на углу Садовой и Под'яческой. Дело возникло, кажется, из-за неправильного расчета одного служащего. Попутно возник целый ряд вопросов об условиях труда в кооперативе. Пункт за пунктом приходилось разбирать требования служащих и искать приемлемого для обеих сторон компромисса. Дело было нелегкое. Требования служащих были в большинстве случаев основательные, но выполнение их грозило гибелью слабому экономически кооперативу. Чтобы сохранить ему жизнь, надо было добиться от служащих согласия на некоторые уступки. Но в одном пункте я целиком поддержал требования служащих — в пункте, касавшемся гарантий против неправильного увольнения.

Был летом еще конфликт с торговыми служащими в потребительском обществе Обуховского завода. Это было зависимое общество, но уже в значительной степени перешедшее в руки рабочих. Из-за чего загорелся сыр-бор, не помню, — кажется, служащие требовали повышения жалованья и воскресного отдыха. Дело дошло до забастовки. В конфликт вмешался союз рабочих по металлу. Он оказал посильное давление на обуховцев-членов кооператива. Журнал союза посвятил конфликту статью, написанную Гарви-Бронштейном, и вынес его таким образом на общественное мнение всех металлистов Петербурга. Благодаря вмешательству

союза металлистов, служащие добились осуществления своих требований (может быть, и неполностью).

Так по плоскости конфликтов устанавливались в Питере первые взаимоотношения между профессиональным и потребительско-кооперативным движением рабочих.

Поздней осенью началась в Питере избирательная кампания в третью думу. Проходила она, сколько помнится, довольно оживленно и без особо грубых полицейских стеснений. По крайней мере, на выборных собраниях выступали наши ораторы, даже не внесенные в списки, но по чужим удостоверениям. Профессиональные союзы на этот раз принимали сравнительно слабое участие в выборах. Новый закон еще больше обособил рабочую курию и исключил от участия в ней фабрики и заводы в пределах городской черты. Как квартиронаниматели, только единичные рабочие могли попасть в списки избирателей. В лучшем положении находились торговые служащие; приказчичьи свидетельства давали им право голоса. Но их профессиональная организация, по вздорному капризу полиции, была раздроблена на цеховые союзы с'естников, мануфактуристов, посудников и была слаба. К тому же тогда в низах очень сильны были бойкотистские настроения, тянувшие соки из-под почвы политической апатии. Во всяком случае, профессиональная печать (политических рабочих газет тогда не было) призывала рабочих и служащих к энергичному участию в выборной кампании. В союзах полулегально устраивались собрания на эту тему. Помню одно такое собрание в союзе сапожников, где мне после доклада об общепрофессиональном с'езде пришлось принять участие в дискуссии с одним молодым отзовистом из петербургской партийной организации.

После выборов (от Петербургской губернии по рабочей курии прошел старый большевик Ник. Полетаев) еще до начала сессии были сделаны шаги к подготовке материалов для работ с.-д. фракции. В одном из отделов Технического общества—кажется, XII от.—председателем был Ил. Вас. Чернышев, марксист-литератор, принимавший в 90-х годах практическое участие в рабочем движении. В этом отделе, собиравшемся в Соляном городке, и был устроен ряд совещаний по вопросам рабочего законодательства. В этих совещаниях принимали участие и профессионалисты. На очередь первым стал законопроект о свободе коалиций — стачек и союзов. Помню очень жаркие возражения против отстаиваемой нами ничем не ограниченной свободы коалиций. Чуть ли не А. Е. Лосицкий (марксист-аграрник) особенно горячо возражал против признания права стачек за лицами, состоящими на государственной службе.

При том же XII отделе образована была статистическая комиссия по изучению условий труда и жизни рабочих. Состоялось несколько собраний комиссии с участием представителей от союзов. Был поставлен вопрос, какое обследование проводить в первую голову. Представители фабрично-заводских союзов выдвигали обследование условий труда; пред-

ставители ремесленных союзов — обследование условий жизни. Последнее предложение было принято. В начале 1908 года было проведено в Питере анкетное обследование рабочих бюджетов при ближайшем участии профессиональных организаций. Собранный материал был разработан и опубликован С. Н. Прокоповичем, принимавшим самое близкое участие в выработке бланка и в организации обследования. Сотрудником Прокоповича по разработке материала был покойный меньшевик Астров-Повес, тогда молодой студент, приехавший из Одессы и только еще втягивавшийся в петербургское рабочее движение.

Третьеиюньская реакция до крайности стеснила возможности для всяких открытых выступлений рабочих организаций. Приходилось шаг за шагом отвоевывать себе открытую арену и для этого использовать и те более льготные условия, которые предоставлялись другим, менее опасным для царизма, слоям населения. Так подошло рабочее движение к вопросу об участии в общественных с'ездах.

Поздней осенью в газетах появилось сообщение о разрешении трех с'ездов — народных университетов, фабричных врачей и кооперативного. В редакции «Профессионального Вестника» был поставлен на обсуждение и решен утвердительно вопрос о желательности участия профессиональных союзов в этих с'ездах. Мною была написана для ближайшего номера передовица на эту тему.

От слов перешли к делу. На святках должен был состояться первый с'езд — с'езд народных университетов. Кроме союзов решили принять участие в с'езде рабочие клубы и общества самообразования. Так создалась небольшая рабочая группа, на этот раз только от Питера. Яцыневич представил доклад — «Профессиональные союзы и народные университеты», делегат рабочих клубов М. Орлов, гравер из экспедиции государственных бумаг, социал-демократ-меньшевик, доклад — «Рабочие общества самообразования и народные университеты». Я участвовал на с'езде под фамилией Рейсмиллера, под которой тогда жил. Членами с'езда были Томский-Копп, Кольцов, Левицкий-Цедербаум. На с'езде к рабочей группе примкнули члены с'езда социал-демократы, в том числе и А. Коллонтай, тогда меньшевичка. Вообще принимались на с'езде в рабочую группу новые члены только путем голосования.

Рабочая группа внесла большое оживление в работы с'езда. Появление ее было неожиданным для большинства его участников. Когда накануне открытия группа собралась на фракционное заседание в помещении с'езда, в ее комнату набилось так много народу, что пришлось просить удалиться всех посторонних. Доклад Орлова, предлагавшего демократизировать народные университеты путем участия слушателей в управлении университетами, вызвал энергичные возражения, особенно со стороны председателя с'езда, либерального московского профессора Б. И. Сыромятникова. Это предложение, хотя и незначительным большинством, но было принято с'ездом. За то целую бурю возражений вызвало выте-

кавшее из доклада Яцыневича предложение о представительстве профессиональных союзов в советах университетов. Чего-чего только здесь не было наговорено! П. Шестаков из «Русских Ведомостей» отрицал за союзами вообще право на представительство, пока они не об'единят большинство рабочих. Известный педагог Чехов утверждал, что сейчас выживают только союзы, приспособляющиеся к столыпинской реакции, а потому с ними и не след считаться прогрессивным просветителям народа. Но самое главное возражение — и здесь была зарыта собака — состояла в ссылках на единство и аполитичность чистой науки в отличие от узкоклассовой доктрины марксизма. В переводе на политический язык это значило, что либеральные и буржуазно-демократические просветители не желают упускать из своих рук идейного руководства народными университетами. Проникновение туда марксистов было для них нежелательно, а представители союзов стали бы на этом настаивать в первую голову.

Предложение Яцыневича кое-как прошло в секции, но было отклонено на общем собрании. Это голосование послужило причиной к демонстративному уходу группы со с'езда.

В одной из секций делегатка-украинка С. Русова подняла вопрос о преподавании в школах на родном языке. Рабочая группа расширила это предложение и придала ему политический оттенок, связав с преследованиями инородцев царским правительством. Такая постановка вопроса пришлась не по вкусу полиции. Добровольным посредником между нею и с'ездом был покойный профессор-октябрист Д. И. Дриль, считавший себя телохранителем с'езда, а на самом деле своим угодничеством перед полицией лишь ухудшавший условия его работы. Дриль в частном порядке сообщил нам, что в случае внесения нашей резолюции с'езд будет закрыт. Он предлагал нам снять ее. Мы отказались. Тогда пущен был в дело другой маневр. Председатель с'езда, Сыромятников, заявил, что он не допустит огласить нашу резолюцию. Здесь возмутилась и демократическая часть с'езда: помню резкую энергичную речь Чарнолусского против председательского произвола. Мы нашли остроумный выход из положения. По нашей инициативе не входивший в нашу группу Прокопович попросил слова. Председатель не решился ему отказать. И Прокопович под видом поправки к резолюции президиума под гром аплодисментов огласил нашу запрещенную резолюцию. Сыромятников сначала растерялся, а потом изволил рассердиться, отказался от председательства и выбежал из залы. Хозяева с'езда погнались за ним, уговорили и вернули его на председательское место. Инцидент был исчерпан — далеко не к чести Дриля, Сыромятникова и их присных.

Так, с'ездом народных университетов открылась целая серия участия рабочих групп на общественных с'ездах, протянувшаяся через все силы реакции. С'ездовские рабочие группы были не только орудием борьбы и агитации за социально-экономические требования пролетариата, но

и средством общения между рабочими организациями различных городов. Нельзя сказать, чтобы первый блин вышел комом. Правда, не все выступления на с'езде народных университетов были одинаково удачны. Так, по моему, был сильно смазан ответ на противопоставление марксизма, как политической доктрины, единой и чистой внеклассовой науке. Вместо того, чтобы поднять брошенную перчатку, некоторые ораторы старались опровергнуть выдвигавшееся против марксизма обвинение. Они доказывали, что не имеют в виду вносить политику в науку. Но в общем и целом выступления группы были удачны, а докладчики, Орлов и особенно Яцыневич, произвели большое впечатление на незнакомых с деятелями открытого рабочего движения культурников.

Месяца через полтора после с'езда я по паспорту ученого лесничего Эмилия Рейсмиллера, который получил от печатников, взял заграничный паспорт и уехал в Вену, доживать срок ссылки и, главное, писать свою вторую книгу о российском профессиональном движении, посвященную программе требований и тактике профессиональных союзов [1]). Мое место в «Профессиональном Вестнике» занял Кольцов. После меня вышел только один номер журнала, посвященный двадцатипятилетию со дня смерти Маркса. Затем, за неимением средств, журнал приостановился до начала 1909 года.

---

[1]) Книга вышла в 1909 г. в издательстве С. А. Алексеева, под заглавием: «Профессиональное движение и союзы в России» без первой главы, конфискованной цензурой, куда она была представлена издателем в виде первого выпуска.

Сообщили К. и Р.

Центральные бюро в освещении царской охранки.

Печатаемые ниже четыре докладных записки жандармов-охранников могут служить любопытным дополнением к воспоминаниям активных работников центральных бюро 1905 — 1909 годов [1]). На вечерах воспоминаний говорилось о том, чем действительно б ы л и центральные бюро. Докладные записки говорят о том, чем п р е д с т а в л я л и с ь эти союзные органы охранной полиции, — вернее даже, чем х о т е л а п р е д с т а в и т ь их местная полиция стоявшей над нею центральной власти. В этом смысле особенно интересна записка о Петербургском Центральном Бюро.

Составлена была эта записка в начале 1910 года, возможно, что в связи с запросом, внесенным в третью думу социал-демократической фракцией по поводу ареста участников анти-алкогольного с'езда (6 (19) января 1910 года). Искать в ней новых фактов по истории СПБ Центрального Бюро было бы напрасно. Записка составлена целиком по первому изданию книги В. Святловского — «Прсф. движение в России» (СПБ, 1907 г.) [2]); ссылки на другие литературные источники (за исключением одной — из одесского «Освобождения Труда») сделаны только для пущей важности. Повторены и даже усилены неточности Святловского: в записке говорится о законе 12 октября о союзах, тогда как дело идет о временных правилах 13 октября 1905 года в дополнение действующих постановлений о собраниях [3]). Музыку записки делает не ее содержание, а тон, в котором она написана. Автор ее не только умышленно подбирает цитаты, чтобы сугубо подчеркнуть революционную и партийную окраску Ц. Б. (напр., при излжении принципов устава Ц. Б.). Он не останавливается и перед искажением своего литературного первоисточника, вставляя в него то, чего в нем не было (напр., об организации Ц. Б. по предложению петербургского комитета Р. С.-Д. Р. П.). Было бы скучно исправлять сознательные и бессознательные ошибки записки. Стоит отметить

---

[1]) См. «Материалы», сб. 4.

[2]) Фамилии участников Ц. Б. взяты из этой книги; отождествление Теплова с Кольцовым неверно; расшифровка Дмитриева связана с его арестом по анти-алкогольному с'езду.

[3]) Возможно, впрочем, что автор в данном случае просто следует за своим источником (Святловский, стр. 122).

только бросающуюся в глаза полную неосведомленность ее о внутренней жизни Ц. Б. Очевидно, охранка не имела осведомителей в его составе. Вот почему требуют проверки и некоторые сообщаемые запиской факты, относящиеся к мало еще освещенной деятельности Ц. Б. в 1909 г., напр., о вхождении в секретариат с ноября 1909 года двух эс-эров или о регулярности собраний Ц. Б. Судя по воспоминаниям некоторых участников этого периода, в 1909 году Ц. Б. и его секретариат фактически заменились не вполне оформленной группой наиболее активных профессионалистов, собиравшейся действительно очень регулярно и фактически руководившей профессиональным движением Петербурга. По-полицейски односторонне освещены и отношения с партийным комитетом в 1909 году. Дело было, конечно, не в нормах представительства, а в политических разногласиях между отзовистским комитетом [1]) и Ц. Б., которое состояло из меньшевиков и большевиков-профессионалистов. Заслуживает, наконец, внимания не совсем ясное сообщение о намерении союзов «реформировать петербургскую социал-демократическую организацию». Здесь имеются, повидимому, в виду два внефракционных собрания рабочих-профессионалистов, состоявшихся осенью 1909 года по инициативе, кажется, Р. Малиновского, который после своего ареста в ноябре 1909 года и мог сообщить о них охранке.

Московская записка, в выдержках уже использованная П. Колокольниковым и С. Рапопортом в их книге «1905 — 1907 г.г.» (стр. 155—7), составлена была в сентябре 1907 года в связи с арестом Московского Центрального Бюро 15 (28) июня того же года. Цель записки — испросить разрешение на передачу дела арестованных в суд — достигнута не была. В отличие от Петербурга, охранка в Москве была более осведомлена о Ц. Б.: самый арест собрания 15 июня последовал на основании сведений, полученных «негласным путем». Один из осведомителей был, несомненно, недавно приговоренный к расстрелу Леонид Бельский (Родин-Фишер). Поэтому только первая половина записки, носящая исторический характер, составлена по литературным источникам, главным сбразом, по «Бюллетеням» и «Материалам» Музея труда. А дальше привлекается к делу и материал полицейских дознаний, и сообщения осведомителей. Подбор и группировка материала направлены исключительно на доказательство того, что «работа Ц. Б. была всецело направлена к поддержке боевого направления деятельности профессиональных союзов».

Останавливаясь на частностях, необходимо, прежде всего, отметить, что записка нарочно путает все время Музей содействия труду с Ц. Б., которое только пользовалось услугами Музея, но никогда не отождествля-

---

[1]) Во время дополнительных выборов в Думу в Петербурге осенью 1909 года представитель Ц. К. партии Гольденберг-Мешковский опирался на союзы и профессионалистов в своей борьбе с отзовистским петербургским комитетом.

лось с ним. Было ли арестованное 10 июня 1906 года в Музее труда собрание профессиональным или партийным, — нам пока неизвестно; в 1905 — 1906 г. в помещении Музея под видом профессиональных созывались и партийные собрания. Письмо в Костроме было отобрано на обыске у Томашевского, одного из организаторов московского союза портных в дни свободы 1905 г. Сводка сведений об участии Ц. Б. в организации безработных дана в книге Тюрина—«Московское Центральное Бюро», М. 1913 г., стр. 72 след.; см. также «Рабочий союз», 1906 г. — О созыве областной конференции см. «Профессионал», № 5, 1907 г., и Тюрина, стр. 123. Среди задержанных в «Музее Труда» 15 июня лиц были видные московские профессионалисты и партийные работники: А. А. Евдокимов, А. Н. Смирнов, В. С. Кайрович, Ф. И. Озол, С. М. Бобровский, Р. С. Зеликсон и др. Казначей технического общества Н. Тулупов (к.-д.) никакого отношения к рабочему движению не имел. «Справочные сведения»—брошюра, составленная А. Евдокимовым и изданная «Музеем труда» (3 вып.). «Профессионал» — орган Ц. Б., № 5 содержит проекты резолюций к областной конференции; «Рабочий на постройке»—орган строительных рабочих; вышел № 1, Москва, 1907 г.

В отличие от московской и петербургской записок, представляющих проф. союзы не то филиалами Р. С.-Д. Р. П., не то слепым орудием в ее руках, рижская записка 1908 года, составленная, повидимому, к с'езду начальников охранных отделений, разграничивает работу союзов и партии: «специально партийной деятельности союзы не проявляют; ...чисто партийная работа не идет дальше агитации и комплектования своими членами личного состава союзов». Но это не мешает автору записки признавать союзы «определенной боевой классовой организацией», которая «в случае новой революционной вспышки» даст «готовые распропагандированные кадры повстанцев».

Каких-либо фактов в подтверждение своей характеристики записка не дает, приводя лишь цитату из латышской с.-д. «Борьбы» («Zinnas») о положении проф. движения в Прибалтийском крае. Но свою точку зрения она пытается обосновать ссылками на партийные резолюции и противопоставлением боевых союзов мирным цехам. В конце концов все сводится к сетованию на то, что закон 4 марта «не предупредил способов контроля над деятельностью проф. союзов», ограничившись только «общим надзором правительственной власти».

Записка саратовского охранника адресована его ближайшему соседу — самарскому жандарму и говорит о закрытии Лиги, под фирмой которой полулегально существовало местное Ц. Б. Такая же лига, кроме Саратова, была создана еще в Курске.

1.

Докладная записка Петербургской охранки.

Центральное Бюро профессиональных союзов фактически организовалось 6 ноября 1905 года. Организовано оно было по предложению Петербургского Комитета социал-демократическими представителями профессиональных союзов: рабочих по обработке дерева, садовников, басонщиков и галунщиков, башмачников и сапожников и рабочих печатного дела.

Вскоре к организованному Бюро примкнули все профессиональные союзы Петербурга, которых к тому времени насчитывалось более двадцати. Первыми членами, вошедшими в Центральное Бюро были: Сергей Иванов Сомов, В. П. Махновец, Николай Николаевич Лохов, В. Ф. Теплов — сотрудник «Современного Мира», Д. Кольцов — живет в Москве, К. Д. Дмитриев — в действительности Павел Николаев Колокольников — (передача в С.-Петербургское Губернское Жандармское Управление от 20 января за № 933), Петр Михайлов Могилянский — помощник присяжного поверенного и др., входившие в то время и в социал-демократическую партию. (См. «Проф. Вестп.», № 1. Книгу Святловского — «Проф. движение в России», стр. 102—9, и «Протоколы Лондонского с'езда партии с.-д.»).

Выработанный вскоре «Устав» предусматривает цели Бюро, его состав, редактирование издаваемого ими органа и денежные средства.

Вот общие принципы этого устава:

Состав Бюро: Союзы, насчитывающие менее 500 членов, могут посылать в Бюро по два представителя, от 500 до 1.000 — 3 представителей, свыше 1.000— по одному представителю на каждую следующую тысячу, причем число представителей от отдельного союза не должно превышать 7 человек. Кроме представителей профессиональных союзов, на заседаниях Центрального Бюро присутствуют с совещательным голосом: а) представители Петербургских организаций социалистических партий по два от партии и б) лица, приглашенные центральным бюро в комиссии — по два от каждой комиссии. Ц. Б. избирает исполнительный орган — секретариат из 9 человек на общем собрании Центрального Бюро, редакцию органа из 3 человек, казначея и ревизионную комиссию.

Средства Центрального Бюро составляются из процентных отчислений отдельных союзов — по 3% с доходов союза и специальных сборов и пожертвований.

Цель Центрального Бюро по Уставу — организация профессиональной и общественной борьбы пролетариата и представительство за профессиональные союзы в общественных и государственных учреждениях. (Полностью «Устав» приведен в книге Святловского — «Профессиональное движение в России»).

Сделав несколько попыток так или иначе легализироваться, Центральное Бюро об'явило себя организацией конспиративной в смысле известности членов, резолюции и решения свои, однако, решило широко опубликовать. После издания

закона 12 октября о союзах, Центральное Бюро выносит следующее решение: «Профессиональные союзы могут развиваться только при полной политической свободе; закон 12 октября представляет только жалкую пародию на действительную свободу собраний, поэтому Центральное Бюро рекомендует всем союзам до тех пор, пока профессиональные союзы не будут поставлены в нормальные условия, — собрания делегатов, советов бюро и правлений устраивать вполне конспиративно. (Указанная книга, стр. 102—79, и №№ «Проф. Вестн.» 1—6).

Само Центральное Бюро собиралось в помещениях профессиональных союзов под видом правлений этих союзов или примирительных камер. Причем, если являлось подозрение, что о собрании известно полиции, — собрание быстро расходилось.

Войдя затем в «Совет рабочих депутатов», Центральное Бюро вело линию политической борьбы, исключив из своей среды Гапоновские отделы и так называемые Ушаковский и Смесовский беспартийные союзы. На третьем заседании «Совета рабочих депутатов» присутствовало 5 делегатов от Центрального Бюро, а впоследствии число их возросло до 7, и число это сохранилось вплоть до ликвидации Совета рабочих депутатов.

К числу первых же постановлений Центрального Бюро относится и следующее: «Присоединяясь к предложению Исполнительного Комитета Совета Рабочих Депутатов, Центральное Бюро постановляет в особом листке-манифесте обратиться ко всем рабочим России, а в частности — к рабочим Петербурга, выясняющем значение 9 января и призвать ознаменовать этот день однодневной забастовкой». Вскоре было выпущено два резко революционных листка, которые по отчетам союза «имели среди рабочих крупный успех». (См. указанную книгу, стр. 102—79, книгу Дмитриева—«Организация профессиональных союзов», издание «Освобождение труда»).

Впоследствии Центральное Бюро принимало участие в каждом событии политической жизни. Так, перед выборами во 2 Государственную Думу был выпущен листок, текст которого был выработан Петербургским Комитетом социал-демократов. В листке этом между прочим говорится следующее: «Дума, как таковая, совершенно бессильна. Число социал-демократов в ней незначительно. Но если за ними будут стоять сильные и сплоченные организации, если они будут уверены в поддержке рабочего класса, если рядом с борьбой внутри Думы будет итти борьба вне ее, тогда ее можно будет превратить в новый этап революционного движения, в новое оружие организации революции». (Полностью листок этот в номере 1-м «Сборника Освобождения Труда», стр. 61).

Будучи официально организацией беспартийной, чтобы этим внешним флером беспартийности привлечь к себе и рабочих, чуждых партии и революции, чтобы дать своим решениям общую обязательность, Центральное Бюро по существу до самого последнего времени состояло исключительно из социал-демократов и социалистов-революционеров. Причем первых обычно бывало 75% (вторых — 25%). В секретариате же до самого последнего времени были исключительно социал-демократы и лишь в ноябре 1909 года было допущено два социалиста-революционера. Такой состав вел к тому, что Центральное Бюро всю деятельность свою построило на популяризации и проведении в жизнь директив партий. Это видно как из приведенных фактов, так и из ряда решений и постановлений, напечатанных в «Профессиональном Вестнике». (См. №№ с 1 по 19). Так как Петербургский Комитет социал-демократов об'явил забастовку в день суда над социал-демократической фракцией 2-й Государственной Думы, Центральное Бюро присоединилось к этому решению и содействовало проведения его; во время выборов в третью Думу — Центральное Бюро отстаивало кандидатов социал-демократов и т. д. Нужно заметить, что многие члены Центрального Бюро непосредственно входили в Петербургский Комитет как избранные в районах, так что вполне

понятно, что они отстаивали решения, принятые при их же участии в Петербургском Комитете.

За последнее время Центральное Бюро, ослабив свои связи с Петербургским Комитетом (допускался лишь один представитель) — вошло в непосредственные и тесные сношения с социал-демократической фракцией, входя как в общие заседания, так и в отдельные комиссии. Центральное Бюро выработало запрос о преследовании профессиональных союзов, о положении рабочих на Урале, законопроекты о стачках, о нормировке рабочего времени и др. Кроме того, Центральное Бюро издало известные «Тезисы о страховании рабочих», где разбирается правительственный законопрсект, советуется фракции голосовать против него и внести свой, основанный на указанных тезисах.

В своей собственной деятельности Центральное Бюро последнее время занято было подготовкой с'езда «профессиональных союзов и организаций». «Борьба профессиональных союзов за собственное существование»[1]), для чего считалось необходимым «реформировать Петербургскую социал-демократическую организацию», «тесно спаять ее с Центральным Бюро и фракцией» и, «привлекая в легальные организации широкие рабочие слои, воспитывать их в духе необходимости и неизбежности новой революции».

За последнее время Центральное Бюро собиралось 1—2, редко три раза в месяц. Секретариат же собирался через день и фактически вел свою деятельность. На некоторых заседаниях присутствовали члены Центрального Комитета соц.-дем. и члены Государственной Думы соц.-демократы. Представитель Петербургского Комитета присутствовал на всех заседаниях.

С арестом выдающихся членов Центрального Бюро, деятельность его пока почти прекратилась. Пока функционирует лишь новый секретариат из 4 лиц, подготовляющий материалы к запросу об аресте членов антиалкогольного с'езда.

(Дело Департамента Полиции, № 1030, ч. 14, т. 3 за 1905 г.).

2.

М. В. Д. *Совершенно секретно.*

НАЧАЛЬНИК
ОТДЕЛЕНИЯ
по охранению общественной безопасности
и порядка в г. Москве.

4 сентября 1907 г.
№ 13124.

Его Превосходительству
Директору Департамента Полиции.

15 марта 1901 года, согласно § 2 Устава Императорского Русского Технического Общества, Московским его отделением была утверждена «программа деятельности учреждаемого этим отделением «Технического Музея Труда».

Программа эта представляла из себя инструкцию для стоящей во главе Музея Комиссии и сводилась к «содействию улучшению условий труда и жизни трудящихся масс, проведению в жизнь наиболее полезных для них изобретений и открытий, распространению полезных знаний и сообщению справок и указаний для рабочих»; при этом инструкция определенно ограничивает деятельность Музея, как научно-справочного учреждения.

---

[1]) Эта фраза не связана с предыдущей. Повидимому здесь пропущено несколько слов.

До 1905 года Музей сделал весьма мало для проведения в жизнь своей программы и деятельность его ограничивалась почти одними лишь письменными сношениями с промышленными предприятиями по собиранию материала о быте рабочих, несколькими в год лекциями, созданием небольшой библиотеки, да учреждением справочного бюро с секциями Санитарной и Юридической.

15 марта 1905 года председателем правления Музея Труда был выбран присяжный поверенный Николай Константинович Муравьев, причем, по имеющимся в Московском Охранном Отделении сведениям, первые месяцы деятельности Музея в рамках Инструкции 15 марта 1901 года продолжала быть по прежнему инертной, однако, уже начинало проявляться стремление выйти из этих рамок с целью дать толчок развитию профессиональных организаций среди рабочих гор. Москвы. В сентябре месяце того же года Правление Музея, оставив окончательно в стороне научно-справочное назначение его, занялось исключительно развитием профессионального движения, пропагандируя организацию профессиональных союзов и принимая в то же время все меры к об'единению этих союзов.

С этой целью Правлением Музея были устроены 24 сентября, 1, 6 и 7 октября 1905 года совещания из Правления Музея при участии делегатов почти от всех существовавших в то время в Москве профессиональных организаций, а также представителей: Всероссийского железнодорожного союза, Всероссийского почтово-телеграфного союза и некоторых иногородних профессиональных организаций. На совещаниях этих, между прочим, было постановлено: «образовать Московское Районное Бюро уполномоченных профессиональных союзов», причем было признано желательным, чтобы в него входили и представители всех политических партий, участвовавших в рабочем движении. Совещания эти происходили под председательством присяжного поверенного Муравьева и секретаре Горностаеве.

Затем на совещании Центрального Бюро Профессиональных союзов 27 октября того же 1905 года было признано, что Центральное Бюро сорганизовалось, при чем образован был исполнительный орган его из 5 рабочих и по одному представителю от партий Р. С.-Д. Р. П. С. Р. и от Правления Музея Труда.

Таким образом, являясь органом об'единения всех профессиональных организаций Москвы и поставив себе целью об'единение всех отдельных союзов, Центральное Бюро совершенно изменило облик Музея Труда, превратив его в рабочую организацию.

С этого времени работа Центрального Бюро по организации профессиональных союзов тесно была связана с деятельностью социалистических партий, старавшихся дать политическую окраску этим союзам. Так, в своем воззвании в мае 1906 года Центральный Комитет Партии социалистов-революционеров говорит о необходимости принятия самого деятельного участия в организации и деятельности профессиональных рабочих союзов, для закрепления в них своего фактического влияния и для проведения в сознание рабочих масс идеи революционного социализма, а в числе лиц, арестованных 10 июня 1906 года в помещении «Бюро содействия труду при Музее Труда», на заседании Центрального Бюро Московских профессиональных союзов были арестованы Петр Борисов, Лев Денисов и другие члены партии социалистов-революционеров, при чем в число записей, отобранных при аресте Борисова, имелась следующая: «Я, Петров, в Музее Труда получил, как член Исполнительного Комитета Центрального Бюро, выговор от представителя Почтово-Т. Союза... я нахожу виновным необ'ясненное поведение профессиональной группы Партии С.-Р., о чем и довожу до сведения Комитета»...

С изданием «Временных правил 4 марта 1906 года об обществах и союзах», воспрещающих соединение двух или нескольких профессиональных обществ

в союз. Музею Труда, насчитывавшему в составе своего Правления несколько юристов, пришлось формально признать, что Центральное Бюро союзов более не существует; нелегально же это бюро продолжало существовать, что подтверждалось, как выпускаемыми этим бюро бюллетенями и воззваниями, так и показаниями представителей некоторых рабочих организаций; имеющиеся же в Охранном Отделении сведения совершенно определенно указывали, что Центральное Бюро до сентября 1907 года помещалось в Музее Труда; последнему обстоятельству имеется, кроме агентурных сведений, также и формальное подтверждение в письме от имени «Областного Бюро союзов рабочих по изготовлению одежды Московского Промышленного Района», отобранном в гор. Костроме при обыске одного из членов этого союза, где говорится: «полицией разгромлен Музей Труда, где помещалось Центральное Бюро...», причем по содержанию письма видно ясно, что в данном случае говорится о Центральном Бюро Московских Профессиональных Союзов.

Работа Центрального Бюро была всецело направлена к поддержке боевого направления деятельности профессиональных союзов, а начиная с апреля месяца сего года, и к организации безработных, при ближайшем участии местных представителей социалистических партий, при чем в основу этой организации был положен план, выработанный Московским Комитетом Р. С.-Д. Р. П.

В мае месяце 1907 года Центральное Бюро начало усиленно агитировать и подготовлять конференцию всех профессиональных союзов Московского промышленного района для «об'единения всех профессиональных союзов области» и для «создания могучей единой организации всех рабочих, начиная с более тесного об'единения всех уже существующих профессиональных союзов Московской промышленной области с целью, чтобы многомиллионное население нашей области не было запряжено в старое ярмо безграничной эксплоатации и не лишилось всех завоеваний, добытых цепою тяжелых страданий и кровавых жертв и если оно не желает покорно оставаться в рабстве капиталистов, а намерено вести непримиримую борьбу за свое полное освобождение».

В начале июня месяца 1907 года Центральное Бюро выпустило воззвание «Ко всему рабочему населению Москвы» по поводу начавшейся забастовки служащих на трамваях и конках, резко возбуждая недовольство рабочих против городской администрации и особенно против заведывавшего в то время Миусским парком инженера Кребса, предлагая рабочим потребовать «немедленное увольнение Кребса». В июне инженер Кребс был убит одним из рабочих Миусского парка в помещении мастерских парка.

В заседании Центрального Бюро 11 июня того же года, на каковом заседании присутствовали с решающим голосом представители 22 союзов и представитель Московского Комитета Р. С.-Д. Р. П., между прочим, принята резолюция «следовать по отношению к правительственным репрессиям тактике, рекомендованной в журнале «Профессионал», № 5», почему «необходимо тесное единение профессиональных союзов с политической партией пролетариата и дружная поддержка союзами всех ее шагов...», далее, «несмотря на все репрессии, профессиональные союзы и впредь должны развивать и расширять с в о ю б о е в у ю д е я т е л ь н о с т ь, не считаясь с правилами 4 марта и новейшими распоряжениями администрации...»

14 июня 1907 года Охранным Отделением негласным путем были получены сведения, что 15 июня в помещении «Музея содействия труду», в доме Хлудовой, на Рождественке, назначено заседание Центрального Бюро Московских профессиональных союзов. В виду того, что сказанное бюро существовало нелегально и деятельность его — об'единение всех профессиональных союзов — являлось нарушением временных правил 4 марта 1906 года об обществах и союзах, лица, явившиеся на это собрание, были задержаны и в помещении Музея был произве-

ден обыск. Задержаны были следующие лица: 1) крестьянин Петр Петров Петухов — курьер мясной биржи; 2) крестьянин Дмитрий Николаев Федоров — сотрудник газеты «Новости Дня»; 3) Иван Михайлов Ефимов — член правления кошелечников; 4) Александр Яковлев Шуйский — безработный типограф; 5) Яков Иосифов Фальк — доктор, об'яснивший, что состоит врачем при Музее Труда и явился в Правление Музея за получением вознаграждения; 6) Иосиф Лукашевич — безработный; 7) Евлампий Александров Дунаев — без определенных занятий; 8) Николай Александров Кубеев — слесарь; 9) Александр Николаев Смирнов — член союза техников; 10) Михаил Александров Михайлов — корреспондент журнала «Фабричный»; 11) Егор Христофоров Муратов — без занятий; 12) Иван Ефимов Егатов — безработный, бывший телеграфист; 13) Тимофей Иванов Квасов — безработный; 14) Никифор Иванов Махов, возвращённый из ссылки политический преступник, без определенных занятий; 15) Тимофей Иванов Иллюшин — председатель правления союза рабочих обойного дела; 16) Александр Кузьмин Терехин — обойщик; 17) Владимир Сигизмундович Кайрович — член союза рабочих графических искусств; 18) Василий Михайлов Смирнов — слесарь; 19) Федор Матвеев Баранов — слесарь, прибыл в Москву, нарушив распоряжение Московского генерал-губернатора о воспрещении ему, Смирнову, жительства в городе Москве и Московской губернии, за участие в забастовке; 20) Станислав Иосифов Бобровский — слесарь; 21) Фриц Иванов Озоль — член правления союза нортных; 22) Роза Самойлова Зеликсон — акушерка, уже привлеченная к дознанию о государственном преступлении при Московском губернском жандармском управлении; 23) Николай Васильев Тулупов — казначей Правления Музея Труда и 24) Андрей Андреев Евдокимов — делопроизводитель Правления Музея Труда. Обыском, произведенным в помещении Музея Труда, было обнаружено, что в библиотеке, принадлежащей Музею, имелось большое количество брошюр, подлежащих конфискации, при чем библиотекой пользуются рабочие для чтения; кроме того, в библиотеке оказались брошюры в весьма значительном количестве экземпляров каждого названия и, главным образом, издания книгоиздательства «Колокол»: 131 экз. — № 5-й журнала «Профессионал», подлежащий конфискации, и 227 экземпляров журнала «Рабочий на постройке»; затем брошюра «Справочные сведения по об'единению профессиональных союзов России», издания Музея Труда, — 220 экземпляров.

Брошюра эта была напечатана по заказу Музея Труда в мае месяце 1906 года в количестве 3.000 экземпляров и по содержанию своему представляет сборник сведений по об'единению профессиональных союзов, явно направленный к пропаганде этого об'единения.

†Из отобранной при обысках переписки видно, что резолюции Центрального Бюро не являлись мертвой буквой, но деятельно проводились в жизнь: так, в том же вышеупомянутом письме, отобранном в Костроме, говорится о «необходимости посылки докладов в Московское Центральное Бюро от всех союзов данного промышленного центра на предстоящую конференцию».†

Кроме того, существование и деятельность Центрального Бюро подтвердились и свидетельскими показаниями. Так один из задержанных 15 июня того же года в помещении Музея Труда, мещанин Николай Александров Кубеев, показал: «В заседании правления общества (металлургического и строительных рабочих, в котором разбирался отчет Центрального Бюро, я участвовал в качестве секретаря Правления. Имени и фамилии докладчика Центрального Бюро назвать не могу. Это заседание правления было в первой половине настоящего года». Другой, из числа там же задержанных, крестьянин Тимофей Иванов Иллюшин, показал: «Я—председатель бюро профессионального союза рабочих обойного дела...»; далее: «я знаю, что имеется Центральное Бюро для об'единения всех профессиональных

союзов, но где оно помещается — я не знаю...» Наконец, арестованный по делу нелегального союза рабочих печатного дела, крестьянин Никита Алексеев Рынденков, в показании своем говорит: «Я, как представитель Бутырского района нашего (печатного дела) союза, никакого отношения к Центральному Бюро профессиональных союзов не имел, так как представитель от нашего союза в Центральное Бюро назначался непосредственно правлением бюро нашего союза».

Правление Центрального Бюро Московских профессиональных союзов состояло из пяти лиц, выбираемых из числа представителей отдельных союзов, секретаря и казначея Бюро и по одному представителю от всех профессиональных организаций Москвы и Московского Промышленного района, а также делегатов от партий Социал-Демократической и Социалистов-Революционеров и представителей от Правления Музея Труда, при чем агентурные сведения, имеющиеся в Охранном Отделении, определенно указывают, что начало организации Центрального Бюро Московских профессиональных союзов было положено в июле месяце 1906 года занимающим должность делопроизводителя Музея Труда мещанином Андреем Андреевым Евдокимовым, который до последнего времени непрерывно работал в Центральном Бюро, деятельно участвуя во всех заседаниях Бюро, а в большинстве случаев и председательствуя на этих собраниях. Евдокимов же был и секретарем Центрального Бюро и вся организационная работа и сношения с союзами велась им же, что и получило подтверждение в показаниях вышеупомянутого Рынденкова, который, между прочим, говорит: «Личный состав Центрального Бюро Московских профессиональных союзов мне известен не был, и я лишь знал, что секретарем этого Бюро был Андрей Андреев Евдокимов...»

При допросе в Охранном Отделении присяжного поверенного Муравьева по обстоятельствам, изложенным в настоящем докладе, Муравьев заявил, что желал бы подать докладную записку для выяснения деятельности Музея Труда за все время его существования, а также об отношении Музея к Центральному Бюро Московских профессиональных союзов. 1 сентября 1907 года от Муравьева поступила докладная записка, при сем прилагаемая, в которой, впрочем, ничего не говорится по поводу Центрального Бюро и автор ее старается лишь доказать необходимость существования Музея Труда.

Докладывая о вышеизложенном на усмотрение Вашего Превосходительства, имею честь присовокупить, что я, с своей стороны, в виду того, что учрежденное при Музее Содействия Труду Центральное Бюро Московских профессиональных союзов продолжало нелегально функционировать и после издания Временных Правил 4 марта 1906 года, воспрещающих соединение двух или нескольких профессиональных обществ в союз, и что бюллетени и воззвания, а также агитационные статьи от имени Центрального Бюро содержат призыв рабочих к неповиновению и противодействию закону, полагал бы, что в вышеприведенных данных имеется достаточное основание для возбуждения дознания в порядке 1035 ст. Уст. Угол. Суд. по признакам преступлений, предусмотренных ст. ст. 124 п. 4 (по редакции закона 4 марта 1906 года) и 129 Угол. Улож.

О последующем распоряжении Вашего Превосходительства прошу почтить меня предписанием.

Приложение: Копия докладной записки Муравьева.

Подполковник (подпись).

(Ист.-рев. архив. Дело М. О. О. № 1607, 1907 г., лист 84).

НАЧАЛЬНИК
Рижского Охранного
Отделения

Секретно.

Ноября 21, 1908 г.
№ 2739.

Г. Рига.

После издания закона 4 марта 1906 года профессиональное движение в глазах рабочих получило особый смысл в виду выяснившегося удобства борьбы за свои классовые интересы под флагом легальных профессиональных союзов. Стремление образовать союзы лиц одного и того же ремесла или специальности для защиты своих интересов, а также в целях взаимопомощи, наблюдалось уже давно, и в этом отношении прообразом профессиональных обществ современного типа до некоторой степени можно считать цехи, с той лишь только разницей, что в этих последних участвовали также и хозяева и они представляли организацию мелкого ремесленного производства с мирными, чисто буржуазными целями.

Нынешние же профессиональные союзы, имея главною целью своей деятельности защиту рабочих от эксплоатации капиталистов, становятся на почву классовой борьбы и, таким образом, являются определенной, боевой, классовой организацией. Недаром, в Западной Европе, где упоминаемое движение приняло чисто стихийный характер, профессиональные союзы именуются les societés de resistance, т.-е. обществами сопротивления.

Вполне естественным поэтому следует считать то внимание, которое оказали профессиональному движению социал-демократические организации всех государств и, в частности, России.

Имея в основе программы своей благосостояние рабочих масс и, главным образом, пролетариата, социал-демократические организации направили все свои силы к сплочению этих масс, при чем более осторожная часть социал-демократии, понимая всю несостоятельность открытых выступлений и гласной партийной работы, решила использовать профессиональное движение и профессиональные общества.

Состоявшийся в 1906 году, непосредственно после издания закона 4 марта, в Стокгольме об'единенный с'езд Р. С.-Д. Р. П. по вопросу о профессиональных союзах, вынес резолюцию:

(Следует текст резолюции).

Здесь обращает на себя внимание решение с'езда использовать даже самый закон 4 марта, ставящий профессиональным союзам широкую цель «выяснения и согласования экономических интересов и улучшения условий труда своих членов», между тем, самое свойство учения социал-демократии настолько тесно связывает интересы пролетариата, экономические и политические, что разграничение и разделение их является положительно невозможным, а, следовательно, профессиональные общества, с момента воздействия на них с.-д. организации являются союзами политического характера. Имевший место в 1907 году в Лондоне такой же с'езд подтвердил резолюцию Стокгольмского с'езда и, кроме того, установил тот принцип, что одной из основных целей деятельности с.-д. в профессиональных союзах является признание этими союзами идейного руководства пролетарской партии и установление организационной связи между союзами и партией.

В августе месяце 1907 года состоялся международный социалистический конгресс в Штуттгардте, обсуждавший также вопрос о профессиональных союзах, однако, решения его, в силу чрезмерной общности вынесенных резолюций, особого значения для русской с.-д. не имеют.

Обращаясь к истории развития профессионального движения в Прибалтийском крае и к деятельности таковых союзов в нем, следует отметить, что исходной точкой для образования и работы этих союзов послужили упомянутые два постановления Стокгольмского и Лондонского с'ездов.

Немедленно после опубликования протоколов с'ездов, в местной социал-демократии состоялось несколько областных конференций, занявшихся вопросом о профессиональных союзах, а в партийной литературе появились статьи, обсуждавшие этот вопрос.

На означенных конференциях некоторые докладчики высказались не в пользу полного слияния и воздействия социал-демократии на профессиональные союзы, мотивируя это тем, что, во-первых, профессиональное движение находится в крае в зачаточном состоянии, и, во-вторых, в партии нет уверенности, что таковые союзы окажутся на высоте тех политических задач, кои будут на них возложены.

Однако, литература, ценимая массой значительно более сухих решений конференции, стала на сторону взглядов Стокгольмского и Лондонского с'ездов, и если припять во внимание то обстоятельство, что в Прибалтийском крае рабочие массы являются сравнительно весьма культурными, а равно то, что здесь еще далеко не угасло брожение, то станет понятным, что профессиональным движением заинтересовалась именно сознательная часть рабочих всех профессий, получившая возможность легально соргапизоваться и явить при случае силу противодействия [1]).

...Рабочие Прибалтийского края лихорадочно стали собираться в союзы. Так, в Лифляндии после 4 марта 1906 года, в том же году открылось 14 профессиональных обществ, в 1907 году разрешепо к регистрации 15 обществ и в 1908 году 10 обществ, а всего в Лифляндской губерпии действуют 39 профессиональных обществ, из коих 3 закрыто в порядке закона 4 марта; в Курляндии, вследствие близости ее к центру политической и общественной жизни Прибалтийского края—Риге, профессиональные общества не нашли достаточной поддержки, за малым количеством профессиональных рабочих. Движение это еще пропагандируется, и профессиональных обществ в Курляндии, разрешенных к регистрации, всего три; в Эстляндии наблюдается до двух десятков таких обществ, причем все общества помещались в одном здании, имея общий зал для собраний и т. п.

Следует сделать оговорку, что некоторые из всего числа названных обществ, при возникновении своем, заведомо не имели каких-либо скрытых политических целей; однако, в виду постоянного пополнения состава их новыми членами, можно предположить, на что указывает и агентура, что физиономия и цели таких обществ постепенно меняются, переходя в союзы с ярко-политическими тенденциями.

Закон 4 марта, давший возможность организации рабочим данной профессии, не предупредил способов контроля над деятельностью профессиональных союзов, вследствие чего получилось следующее:

В пункте 2-м отдела II-го временных правил об обществах и союзах перечислены цели, достижение коих могут ставить своей задачей профессиональные общества; среди них значатся: в) выдача пособий своим членам, г) устройство касс, д) устройство библиотек, профессиональных школ, курсов и чтений и т. п.

---

[1]) Далее следует не приводимая нами выдержка из с.-д. журнала «Борьба» («Zinnas»), 1907 г. № 18, ст. «Профессиональные союзы и рабочая партия».

Между тем, как указывает агентура, не только перечисленные, но и все, вообще, разрешенные законом 4 марта цели, преследуются упоминаемыми обществами лишь настолько, насколько этого требует правительственная власть в порядке общего надзора.

В остальном деятельность профессиональных союзов совершенно не согласуется с законом 4 марта. Так, общества деятельно устраивают вечера, лекции, денежные сборы в пользу библиотек, причем, все деньги в действительности поступают в местные ссудо-сберегательные товарищества с специальной целью выдачи пособий не нуждающимся безработным, а политически неблагонадежным членам, преследуемым законом или скрывающимся от такового преследования, а равно эмигрирующим из России.

В широкой степени распространено также снабжение нуждающихся фальшивыми паспортами, для чего опять-таки производятся сборы в рамках нелегальных подписных листов.

Общие собрания и лекции, а равно литературные и другие вечера носят обыкновенно характер митинговых собраний, причем лекторы, докладчики и исполнители, без особых к тому поводов, уклоняются от избираемых ими тем, переходя к обсуждению политических событий и действий правительства, каждый раз напоминая слушателям о необходимости всеми способами добиваться учредительного собрания, как конечной цели их союзной работы.

Зачастую для чтения подобных лекций приглашаются наспециализировавшиеся в этом направлении ораторы, известные своей агитационной, антиправительственной деятельностью. В довершение всего, многие общества, не имея своих постоянных помещений, устраивают собрания или в помещении других каких-либо промышленных или литературных обществ или в помещении профессиональных союзов других наименований. Таким образом, правительственный надзор лишает возможности проверить то или другое собрание, так как в них участвуют члены различных обществ и союзов.

Что касается чисто-партийной работы социал-демократических организаций в профессиональных союзах, то таковая не идет далее агитации и комплектования своими членами личного состава союзов.

Специально партийной деятельности социал-демократии союзы не проявляют, довольствуясь, вообще, программой пересоздания общественного и государственного строя на демократических началах.

В заключение должен доложить, что профессиональные союзы, в случае новой революционной вспышки, явятся готовыми, распропагандированными кадрами повстанцев, а находящиеся в их распоряжении средства обеспечат материальный успех восстания и в этом смысле к ним всецело применима записка моя от 30 марта сего года за № 1189 о ссудо-сберегательных товариществах и мелких кредитных учреждениях Прибалтийского края.

Подполковник *Балыбин.*

(Дело Деп. Полиции, 4 делопроизв., № 1000, ч. 14-я, т. 3-й, 1905 г. — Переписка о проф. союзах).

4.

НАЧАЛЬНИК
Саратовского Охранного
Отделения

Секретно.

Начальнику
самарского губернского жандармского управления.

4-го сентября 1907 г.
№ 2598
Г. Саратов.

...Имеющиеся во вверенном мне отделении сведения указывают, что профессиональное движение, создавшее в небольшой промежуток времени в городе

Саратове ряд профессиональных союзов, выросло на почве агитации, поддерживаемой в значительной степени местными деятелями с.-д. партии. Названная организация прочно обосновалась в местных профессиональных союзах и, захватив в свои руки правления этих союзов, распоряжалась ими согласно указаниям партии.

Особенно было это влияние в прошлом году с открытием разрешенной администрацией «Лиги содействия профессиональному движению», все члены правления которой были активными деятелями социал-демократической партии. Эта «Лига» является как бы главным штабом всех профессиональных союзов и штабом местной социал-демократии. Помещенная в одном здании с другими «союзами» — в помещении «союза борьбы с голодом и безработицей», она представила собой как бы разрешенное место для всяких собраний. Оно стало местом явок, свиданий и тайных сходок социал-демократической организации и, с этих пор, мною были направлены усилия к установлению нелегального собрания в этой «Лиге».

Арестованная по моему распоряжению в помещении этой «Лиги» «избирательная комиссия» от социал-демократической организации по выборам во 2-Государственную Думу в составе 12 человек и арест нелегальной библиотеки союза официантов, в том же помещении, послужили основанием для администрации к закрытию Лиги и размещению союзов по разным помещениям, что нанесло окончательный удар союзам.

Помещенная в местной газете «Саратовский Листок», от 1 сентября, заметка «Профессиональное движение», при сем представляемая в вырезке, довольно верно иллюстрирует положение профессиональных союзов в Саратове. Местные организации партии социал-революционеров не имели никакого влияния на дела профессиопальных союзов в Саратове.

В настоящее время активные деятели местной организации социал-демократической партии тоже усиленно работают на почве возникновения и организации новых профессиональных союзов: почтово-телеграфного и железнодорожного. (Донесение мое от 29 минувшего августа за № 2563).

Донося об изложенном, докладываю, что к выполнению требований, изложенных в уведомлении вашем за № 1681, будут приняты меры.

Ротмистр (подпись).

(Дело Саратовского Жандармского Отделения за 1907 г. № 4).

К. ПНИН.

Саратовский социал-демократический профессиональный союз типографов.

Союзное строительство в Саратове летом 1905 года представляет любопытную страницу в истории нашего профессионального движения. Оно берет начало из двух корней.

Во-первых, начавшаяся 1 мая семидневная забастовка печатников, кончившаяся победой в газетных типографиях и проигранная в других из-за недостаточной организованности рабочих, послужила толчком к их об'единению. «У них, — писал Наборщик в № 14 «Пролетария», — возникла мысль о союзах и организации стачечной кассы. Тут на помощь им пришла социал-демократия, оказавшая воздействие на них при посредстве сознательных товарищей-рабочих. Более успешному и быстрому об'единению немало помешал, к сожалению, раскол внутри партии, ибо очень многие были заняты разбором разногласий между большинством и меньшинством. Но, благодаря упорному желанию типографов, союз все-таки был организован под названием «социал-демократический профессиональный союз саратовских типографов».

Невольно напрашивается параллель с созданием в сентябре 1903 г. союза московских типографских рабочих. Оба союза возникли по горячим следам забастовочного движения; оба почти сразу стали социал-демократическими [1]) союзами. И если московский союз присоединение к партии признал преждевременным, то мотивы этого решения вполне совпадают с тем отношением к внутрипартийной борьбе фракций, которая выражена в письме Наборщика в «Пролетарии». В этом сходстве двух организаций, разделенных промежутком двух лет, сказалась одна характерная особенность рабочих печатного дела. Тяга к профессиональному об'единению у всех высококвалифицированных работников не фабрики, а мануфактуры, была настолько сильна, что покрывала и порой замещала и партийное об'единение. Профессиональный союз отождествлялся для них с партийной организацией. Там, где союза не было, печатники все

[1]) В декабре 1903 года московский союз об'явил себя союзом политическим и своей программой признал программу Р. С.-Д. Р. П. (Вестник Союза № 5).

равно выделялись в большинстве случаев в особые типографские районы или подрайоны, т.-е. своего рода партийные профессиональные союзы.

Другим корнем союзного строительства в Саратове было стремление местного партийного комитета к организационному сближению с рабочей периферией [1]). На этой почве и возникла мысль о создании профессиональных организаций. Вот что писалось по этому поводу в отчете Берегового района 15/VII, посланном 20/IX в «Пролетарий» и перехваченном охранкой: «Считая необходимым закрепить активных рабочих в реальные партийные организации, районный комитет признал желательным создание профессиональных соц.-демократич. союзов; тем самым создается ядро, способное об'единенно врезываться в массу и планомерно вести агитацию. Постановлено было начать с организации беринговцев и, создавши проф. союз на их предприятии, соединить их впоследствии с механическими рабочими других районов. В интересах предварительной агитации районом был составлен и в количестве 130 экземпляров распространен на заводе листок о проф. союзах» [2]). И здесь саратовский комитет не стоял особняком. Таким же путем и по тем же соображениям в Москве возникли весной союзы приказчиков и булочников. План создания партийного заводского (беринговского) союза почти целиком совпадает с Ларинским проектом организации такового же союза на Семянниковском заводе в Петербурге. Интересно отметить, что и «Пролетарий» в передовой № 8 говорит о заводских союзах, как исходной точке союзного строительства: «По мере развития капитализма цеховые союзы расширяются, превращаясь из заводских в городские, областные и, наконец, общенациональные». Саратовские товарищи пришли к той же схеме независимо от «Пролетария»: № 8 помечен 17 (4) июля, а перехваченный отчет составлен за время 23 июня — 15 июля.

Заводские союзы организованы в Саратове не были. Возникают союзы только среди ремесленных рабочих. «Наборщик» в «Пролетарии» называет союзы портных, модисток, заготовщиков, приказчиков и говорит об организации союзов столяров и пекарей. В печатаемом докладе начальника охранки говорится об образовании в Горном районе союзов типографов, калачников и булочников, приказчиков [3]), а в Береговом — грузчиков, судовых команд и рабочих мелких прибрежных мастерских.

---

[1]) В № 12 «Пролетария» отмечен выпуск комитетом листка для членов партии с постановлениями комитета. «Наша партия — массовая», писал по этому поводу «Пролетарий», «устное осведомление совершенно недостаточно; пожелаем, чтобы другие организации последовали примеру саратовского комитета». Организация в Саратове в 1905 году была общая для обеих фракций, но с преобладанием большевиков.

[2]) «На восьмой массовке, — сообщает тот же отчет, — было произнесено две речи: 1) о проф. и внепартийных союзах и 2) об организации и проведении вооруженного восстания».

[3]) В № 21 «Пролетария» сообщается о созванной комитетом Горного района 8 сентября массовке, на которой присутствовало около 120 человек, по преиму-

По всей вероятности, далеко не все из этих союзов летом успели оформиться. В печатаемых документах упоминаются, как сорганизовавшиеся, союзы портных и железнодорожный.

Саратовским комитетом был выработан для союзов нормальный устав, перепечатанный в статье В. Воровского: «Первые шаги проф. движения» («Пролетарий», № 11). Приветствуя почин саратовских товарищей, В. Воровский писал по поводу этого устава:

«В проекте Саратовского комитета есть один пункт, который вызывает серьезные сомнения. Проект называет проф. союзы социал-демократическими и партийными... Отождествление проф. союза с партийной организацией ограничивает тем самым состав союза только сознательными социал-демократами. Это на наш взгляд ошибка, которая на практике неизбежно приведет либо к худосочию проф. движения, либо к расплывчатости партийных организаций. И то, и другое нежелательно. Задача проф. движения не совпадает с задачей партии; они лишь дополняют одна другую. Поэтому отождествлять проф. организации с партийными значит лишать и те и другие их специфической особенности и силы».

«Более правильно было бы, на наш взгляд, считать проф. союзы не партийными, а примыкающими к партии организациями... Наша задача — воздействовать на экономические союзы, обеспечить себе руководство ими для того, чтобы пропитывать их идеями классового самосознания пролетариата. Наша задача — сделать эти союзы социал-демократическими в смысле признания руководства партии и положений ее программы. Но если тот или другой союз сознательно станет в ряды партии... сам станет партийной организацией, мы можем только радоваться этой нашей победе».

В ответ на эти критические замечания местный работник (И. П. Гольденберг-Мешковский), посылая устав железнодорожного союза, писал заграницу: «Из устава увидите, что разногласий с № 11 «Пролетария» больше нет, да их по существу и раньше не было, так как партийность понималась, как принятие идейного руководства, а не в смысле организационном». И далее, выражая свое несогласие с позицией Бебеля, выраженной в его незадолго перед тем появившейся брошюре о проф. движении [1]), и со взглядами «Что делать?», «которые сходны с бебелевскими», автор письма пишет: «На мой взгляд вся беда западных партий, а в том числе и германской, состоит в оторванности политической организации от профессиональной. Там это не две стороны одного целого, а две параллельных партии. Об'единить их в однообразную единую (не слитную, конечно,)

ществу членов проф. с.-д. союзов. Были произнесены речи о проф. союзах и государственной думе. Собрание «признало нужным переходить от тайных сходок к открытым народным собраниям».

[1]) Союзы — «чисто профессиональная организация, ведущая не партийную, а только рабочую политику».

организацию — такова должна быть наша цель». Переходя затем к России, автор считает очередной задачей «охватить массу и создать опору для открытого выступления». «В чисто профессиональных организациях этого достигнуть в полном виде нельзя, тем более, что по особым условиям момента немыслимо существование чисто проф. организации, ибо теперь политикой, понимаемой вкривь и вкось, проникнута вся атмосфера. И вот дать этому шатающемуся пониманию политики верное направление и должны проф. союзы, тяготеющие к партии». Автор заканчивает письмо указанием на то, что статья В. Воровского «толкуется в свою пользу сторонниками узкого профессионализма» (письмо напечатано в № 22 «Пролетария»). Эта дискуссия представляет интересный момент в выработке большевистской позиции в вопросе о взаимоотношениях союзов и партии.

Все печатаемые документы извлечены из дела Саратовского охранного отделения за 1905 год, по описи № 24, и сообщены нам, так же, как и печатаемая в этом же выпуске записка о саратовском Ц. Б., саратовским Истпрофом.

---

1. Резолюция об организации союза.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Мы, типографы города Саратова, заявляя о своей полной солидарности с Р. С.-Д. Р. П. и будучи убеждены вместе с ней в том, во-первых, что только социалистический строй, созданный на развалинах буржуазного мира, окончательно освободит рабочий класс от безработицы, нищеты и невежества и других социальных зол, тяжелым гнетом лежащих на плечах рабочего класса; во-вторых, что только демократическая республика обеспечит нам самую широкую политическую свободу, необходимую для борьбы за социализм; в-третьих, что первым и главным препятствием в борьбе за демократическую республику и социализм является современный полицейско-бюрократический строй, — решили организовать профессиональный союз для успешной борьбы за наши ближайшие цели, с одной стороны — для расширения политических прав (свободы стачек, союзов, собраний, слова, печати и неприкосновенности личности), с другой стороны — для повышения жизненного уровня (увеличения заработной платы, сокращения рабочего дня и проч.). Средством для борьбы за поставленные союзом цели будут служить: 1) касса для поддержки партии, для поддержки стачечников, для поддержки товарищей, пострадавших за стачку и за участие в союзе, и 2) подыскание должностей и работы.

2. Воззвание и устав.

САРАТОВСКИЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ТИПОГРАФСКИЙ СОЮЗ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Ко всем типографам.

Товарищи! На пороге великих событий стоит сейчас Россия. День ото дня, час от часу, все глубже и шире вростает в сознание народных масс мысль о необходимости и неизбежности самого крутого поворота от былого, постыдного рабства, лжи, продажности и унижения к свободному человеческому существованию. Из неизведанных глубин народных масс, на которые раньше смотрели, как на задавленное гнетом, забитое, измученное, безсловесное стадо, встала новая могучая сила — человек. Гордо глянул он вокруг просветленными очами после многовековой спячки и молчания и громко молвил: кончается ночь рабства и молчания, и насилия... Восходит солнце правды и свободы. Жестока и смертоносна будет борьба света и тьмы, но рассеется и бежит побежденная тьма... Прочь же с дороги гасители света, душители истины, прелюбодеи мысли и слова, развратители народного духа!..

Все неотразимее надвигается момент развязки. Все ближе час беспощадного суда народного над его мучителями и палачами. Все рельефнее на подавленном мрачными тучами горизонте вырисовывается призрак грозного судьи тиранов, призрак революции народной... По лицу всей страны широкими полосами разливается пламя всеобщего вооруженного восстания. Народ встает, народ пробуждается, народ на всех аванпостных стычках учится боевой науке, готовится к грозному великому бою. Великие времена. Великие события.

Но велика и та ответственность, которая ложится теперь на всех уразумевших смысл того, что творится вокруг. И вдвойне, втройне больнее и тяжелее падает эта ответственность на сознательные слои рабочего класса, ибо он, пролетариат, этот великий страдалец и мученик всех времен и стран, этот бесстрашный борец за счастье и благо всех угнетенных и униженных, бесправных и голодных, ибо он, верный своей природе передового борца освободителя, и у нас самоотверженно и неустрашимо стал во главе пробуждающихся народных масс, ибо все он, уже целый десяток лет, грудью своей отражает бешеный натиск залитых кровью народной врагов и палачей воли и блага народного... С упованием и надеждою на близкую победу Российского пролетариата глядит на него брат рабочий других стран, ожидавший от победы рускаго рабочего и своего освобождения, ибо рухнет царский трон и сгинет та подлая сила, которая первым пособником душителей свободы являлась всюду, куда только могла проникнуть. Победа русского рабочего над русским варварством будет победой всего мира над всемирным политическим рабством. И рабочий класс познал ту славу и великую роль, которая выпала на его долю. Он уже рвется в бой, ищет вождей, он испытывает средства, которые вернее приведут его к победе. И в первую голову выдвигается перед ним основная и главная задача: «организуйся, сплотись дружнее, и ясно поставь перед собою свои ближайшие цели, чтобы они огненными словами, начертанными на твоих гордо развевающихся красных знаменах, горели путеводным огнем перед тобой... Организуйся и выясни, за кем, против кого и с кем идешь ты бороться».

Но как и вокруг чего организоваться? Откуда получить эти указания? У всякого, сознательно относящегося к происходящему вокруг него, рабочего на этот вопрос может быть только один ответ. Единый и истинный вождь рабочих в их борьбе — р а б о ч а я п а р т и я. Интересы и жизнь рабочих — это ее интересы и ее жизнь, она создается из самих рабочих, она стоит на страже их блага, она одна не может изменить и предать рабочий класс, как предавали и предают у нас и в других странах всякие другие партии, безразлично, как бы они не назывались. Поэтому-то и необходимо организоваться вокруг этой партии, поэтому-то и нужно итти за ее указаниями, работать по программе, которая является программой с о ц и а л - д е м о к р а т и ч е с к о й р а б о ч е й п а р т и и.

И вот теперь мы и обращаемся ко всем вам, товарищи типографы, с братским призывом: Организуйтесь в социал-демократический профессиональный союз, примыкающий к социал-демократической рабочей партии, входите в него сами, привлекайте в члены товарищей и общими дружными усилиями мы создадим тот оплот для защиты наших интересов, перед которыми должны будут отступить все наши враги, кто бы они не были...

О р г а н и з у й т е с ь ж е, в р е м я н е ж д е т!

Д а з д р а в с т в у е т м о л о д о й т и п о г р а ф с к и й с о ю з!

Д а з д р а в с т в у е т в о ж д ь р а б о ч и х, Р о с с и й с к а я - С о ц и а л - Д е м о к р а т и ч е с к а я Р а б о ч а я П а р т и я!

Правление союза.

УСТАВ САРАТОВСКОГО СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СОЮЗА ТИПОГРАФОВ.

I. Основные цели.

Основные цели союза определяются полной солидарностью его со взглядами Российской Соц.-Дем. Рабочей Партии на задачи рабочего классового движения. Понимая эти взгляды так: 1) что только социалистический строй, созданный на развалинах буржуазного мира, окончательно освободит рабочий класс от эксплоатации, нищеты, безработицы, бесправия, невежества, проституции и прочих социальных бед, невыносимым гнетом лежащих на плечах пролетариата; 2) что только последовательно демократическая республика обеспечит пролетариату самую широкую политическую свободу, необходимую для борьбы за социализм; 3) что первым и главным препятствием в борьбе за демократическую республику и социализм является современный государственный самодержавный строй, хотя бы и украшенный побрякушками Булыгинской конституции, и 4) что достижение как ближайших, так и дальнейших целей, возможно только при самой высокой степени организованности и классового самосознания пролетарских масс, Союз и ставит своими основными целями:

1) Поднятие уровня классового самосознания своих членов путем устной и письменной социал-демократической агитации и пропаганды в их среде.

2) Руководство политической борьбой своих членов, совпадающей по своей сущности и характеру с общей борьбой рабочего класса в России, направленной на установление путем Учредительного Собрания, созванного на основе всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосов, республиканского государственного строя, гарантирующего полную свободу: слова, печати, собраний, союзов, стачек, религии и неприкосновенности личности и жилища. Одним из подготовительных средств к достижению этой цели Союз считает Всероссийскую политическую стачку, почему и оказывает ее подготовке самое энергичное содействие.

3) Руководство экономической борьбой, в виде стачек, бойкота и других принципиально допустимых средств, за улучшение положения своих членов. В этой области союз выдвигает на первый план:

1) Введение 8-часового рабочего дня для рабочих-типографов.

2) Повышение заработной платы.

3) Улучшение условий труда в отдельных предприятиях.

4) Поддержку пострадавшим в борьбе как политической, так и экономической.

5) Правильный ход работ Союза в вышеуказанном направлении обусловливается соблюдением следующих положений.

II. Прием, выбытие, исключение, права и обязанности членов.

1. Членом союза считается всякий работающий в типографии, принимающий устав Союза и делающий ежемесячные взносы в его кассу в размере не менее 1% с получаемого заработка.

2. Для вступления в союз требуется рекомендация двух членов и согласие ½ членов, работающих в одном предприятии с кандидатом.

3. Каждый член обязан принимать активное участие в деятельности союза, широко пропагандируя его задачи и цели.

4. Каждый член союза имеет право требовать, чтобы его заявление доводилось до сведения Правления.

5. Член союза, не внесший в срок взноса, считается выбывшим, кроме того случая, когда им представляются на это уважительные причины.

6. Взносы членов в случае выбытия из союза не возвращаются.

7. Исключение из союза производится за недостойные поступки по постановлению ½ членов, занятых в одном с исключаемым предприятии. В этом случае его взносы возвращаются полностью за вычетом полученных исключаемым за все время пребывания в союзе ссуд.

III. Отношение Союза к Саратовскому Комитету Р. С.-Д. Р. П.

8. Союз есть автономная организация, примыкающая к Р.С.-Д.Р.П. В своей деятельности он руководствуется указаниями Саратовского Комитета.

9. В интересах теснейшей связи с Партией, от Саратовского Комитета ее в правление Союза назначается по взаимному соглашению уполномоченный 1) для осведомления союза о партийных делах и 2) для идейного руководства деятельностью Союза.

10. Союз отчисляет в кассу Саратовского Комитета 20% всех своих поступлений на общепартийную работу.

11. Саратовский Комитет снабжает союз партийной литературой и оказывает ему всяческую иную поддержку.

IV. Средства союза.

12. Средства союза составляются из членских взносов, сборов доходных предприятий, пожертвований и др.

13. Средства союза распределяются следующим образом:

1) На общеорганизационную деятельность союза — 20%.
2) В фонд стачечный и для поддержки пострадавшим товарищам — 50%.
3) На библиотеку союза — 10%.
4) Отчисления в комитет — 20%.

V. Управление делами союза.

14. Во главе союза стоит общее собрание членов, созываемое Правлением не реже одного раза в месяц.

Примечание: Правление обязано созвать общее собрание по требованию $^1/_8$ членов Союза.

15. Общее собрание выбирает через своих уполномоченных исполнительный орган Союза — Правление, ведущее все дела и во всех своих действиях подотчетное общему собранию.

16. Правление состоит из 4 членов, выбираемых общим собранием, и одного уполномоченного от Саратовского Комитета. См. § 9.

17. По взаимному соглашению Правления с каждым из предприятий назначаются при этих предприятиях представители для содействия Правлению в его деятельности.

18. Правление выбирается каждые полгода.

19. Изменения в Уставе могут быть произведены только общим собранием при участии делегата от Саратовского Комитета.

20. Все дела решаются простым большинством голосов.

3. Отчет союза.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОТЧЕТ ТИПОГРАФСКОГО СОЮЗА.

За июнь месяц 1905 года.

По каждой типографии отдельное число членов и размер взноса денег в кассу определяются таким образом:

В типографии № 1 вступило членов 19, взнос 6 р. 43 к.
» » № 2 » » 9, » 3 » 15 »
» » № 3 » » 9, » 3 » 05 »

Эти три типографии сделали взнос в кассу два раза, т.-е. за месяц.

В типографии № 4 вступило членов 13, взнос 1 р. 30 к.
» » № 5 » » 21, » 2 » 34 »
» » № 6 » » 4, » 0 » 74 »
» » № 8 » » 4, » 0 » 80 »

Эти типографии сделали взносы только за полмесяца. Итого членов в союзе 79 человек, но со следующей получки количество членов союза значительно возрастет, так как многие из типографов не вступили в союз только за неимением денег. По приблизительному подсчету представителей таких типографов во всех типографиях насчитывается около 50 человек.

Всего внесено денег в кассу 17 р. 81 к. За вычетом из этой суммы 20% в Саратовский Комитет Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, т.-е. 3 р. 56 к., в кассе на июнь месяц остается 14 р. 85 к.

Со времени образования союза Правлением издано и распространено среди типографов: Устав союза в количестве 60 экз.; «Типографский Листок», № 1, в том же количестве, и приложения к нему — телеграммы из Лодзи — 50 экз.

Подобные отчеты будут выходить раз в месяц. Товарищи! Итак, союз организован. Долой нашу старую раз'единенность, долой взаимное недоверие между нами, которые так нужны капиталистам и правительству для преследования нас. Отныне мы дружно и постоянно вести будем борьбу с нашими заклятыми врагами, отстаивая свои интересы и защищая друг друга. Выше поднимай голову рабочий, смелей смотри в глаза капиталистам и правительству, за тебя каждую минуту вступится союз товарищей!

Правление Социал-Демократического Союза Саратовских типографов.

2. Доклад саратовской охранки о союзе.

НАЧАЛЬНИК
Саратовского охранного отделения

Совершенно секретно

9 июля 1905 года
№ 1662.
Гор. Саратов.

Его Превосходительству
Директору Департамента Полиции.

В конце прошлого мая месяца мною были получены агентурные сведения о том, что известный департаменту полиции член местного комитета Российской Социал-Демократической рабочей партии Михаил Борисов Самсонов вошел в самые близкие отношения с наборщиком газеты «Саратовский Дневник» Сергеем Феофановым Котиковым (донесение от 3 июня 1905 г., за № 1163) и переплетчиком печатни Яковлева неким Шуваловым и что перечисленные лица при помощи не установленного еще интеллигента—члена же Саратовского комитета Р. С.-Д. Р. П. с 1 июня месяца сорганизовали здесь «союз типографских рабочих» и решили через каждые две недели выпускать печатанный листок от имени «Социал-демократического союза Саратовских типографов», поставя в возможно непродолжительном времени свою подпольную типографию; по полученным дополнительно же агентурным сведениям названная типография будто бы уже поставлена и к 15 июня в ней должен быть воспроизведен № 3 «Типографского Листка». В воскресенье, 3 июля, в 10 час. утра, в квартире Сергея Котикова, по Хвалынской ул., в д. № 24, происходила сходка «Комиссии типографов». На собрании этом председательствовал Михаил Самсонов, причем участниками сходки были: 1) хозяин квартиры Сергей Котиков, 2) неизвестный интеллигент, 3) переплетчик Шувалов, 4) наборщик, фридрихштадтский мещанин Лейб Борухов Каплан, 5) наборщик типографии «Саратовского Дневника», крестьянин Сердобского

уезда Александр Захаров Наумов, 6) неустановлено еще «Семен Сергеевич» (представитель земской типографии) и еще 4 человека неизвестных рабочих и типографов.

Во время собрания Михаил Самсонов предложил членам комиссии приложить все старания к тому, чтобы в «союз» вошло как можно более членов-типографских рабочих. Затем Самсоновым же были отобраны у присутствующих сборы в кассу союза за первую половину июля месяца, а Котиковым были розданы членам комиссии по 30 экземпляров на каждую типографию гектографированных:

1) «Отчетов типографских союзов» за июль месяц.

2) «Типографских Листков», № 1, от 15 июня, и № 2, от 1 июля сего года и

3) Устав «Типографского союза».

Кроме того, Самсонов пояснил присутствующим, что в «Горный» район Саратовского комитета Р. С.-Д. Р. П. вошли союзы: типографов, калачников и булочников и приказчиков, а в «Береговой»: грузчики, судовые команды и рабочие мелких прибрежных мастерских.

Сходка закончилась в 2 часа дня и следующее собрание комиссии Самсонов назначил на 10 сего июня по Соборной улице между Горной и Соколовой, в доме № 74, Петровой, во флигеле во дворе.

Донося об изложенном и представляя при сем: по одному экземпляру гектографированных №№ 1 и 2 «Типографского Листка» и копии «Устава союза типографов» и «Отчета типографского союза» за июнь месяц, имею честь доложить Вашему превосходительству, что к выяснению места нахождения типографии и более тщательному и всестороннему ознакомлению с деятельностью «Союза типографов» и его членов мною приняты самые энергичные меры, причем результаты розыска будут донесены дополнительно.

Ротмистр (подпись).

5. „Листок союза типографов". не увидавший света.

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Проект воззвания союза типографов.

Государственная Дума.

6 августа, после долгих колебаний царское правительство опубликовало, наконец, манифест о «народном представительстве».

Могучее народное движение заставило-таки самодержавного удава разжать хоть немного свои кольца, но, полный хитрости и злобы, он пытается обмануть народ.

В течение 8 месяцев народ громко требовал всенародного представительства, требовал на заводах и фабриках, на собраниях и улице, в крестьянских избах и на площади, народ требовал и своей кровью поддерживал свои требования.

На эти требования царское правительство ответило Государственной Думой.

Оно создало учреждение, которое, как небо от земли, отличается от народного, настоящего представительства.

Народ требовал, чтобы ни один закон, ни один налог, ни одна копейка народных денег не могла расходоваться без согласия народных представителей. Народ требовал законодательного народного представительства. Ему дали совещательное: оно может советовать, оно может просить, но от доброй воли правительства зависит слушаться или смеяться над этими советами.

Народ требовал всеобщего и равного избирательного права — ему дали избирательное право неравное и ограниченное. Народ требовал всенародного представительства — ему дали представительство купцов, дворян и кулаков-мироедов.

Народ требовал прямых выборов. Ему дали непрямые — косвенные. Для городских избирателей установлены 2-х степенные выборы, а для крестьян даже 4-х степенные.

Народ требовал свободы предвыборной агитации, свободы слова, печати, собрания, стачек, союзов — ему дали пулю, штык, тюрьму, нагайку.

Все требования народа попраны и осмеяны, и народ должен отомстить своим обидчикам.

Мир не видал такой конституции, какую даровало своим верноподданным царское самодержавие. Ни одна страна никогда не была так обманута в своих ожиданиях, ни одно правительство никогда не решалось так нагло издеваться над своим народом.

6 августа царское самодержавие бросило открытый вызов народу.

Рабочий класс примет этот вызов.

ВОЗЗВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО БЮРО.

К работникам всех стран.

Список избиений, организованный правительством Николая II, только что обогатился новыми преступлениями.

После массовых расстрелов в Петербурге, Варшаве, Радоме, Сосновицах, Баку, Белостоке, Лодзи...

(Оригиналы остальных трех страниц Листка оказались еще не отпечатанными. На обороте этого воззвания помещены, между прочим, нижеследующие

САРАТОВСКИЕ ОТКЛИКИ.

Рыцари темной ночи.

В среду, 24 августа, на Астраханской ул., в доме Левковича, рыцарями темной ночи — сворой жандармов, шпионов и полиции сделан победоносный набег. Около 60 человек вооруженной царской сволочи ворвались с бешеным криком и храбростью непомерной на двор, выбили окна, перепачкали и переломали мебель в квартире и арестовали собрание в 16 человек. Отвага этой наглой шайки (по 4 человека на человека) так замечательна в борьбе с беззащитными гражданами — это ведь не японцы. Из арестованных 5 человек сидят в тюрьме: типограф Федорин, Капустянский, Самсонов, Лебедейский и рабочий гравер; остальные пока выпущены.

Привет новому союзу.

К 1 сентября заканчивается организация Саратовского социал-демократического железнодорожного союза, который с незначительными изменениями принимает устав, подобный нашему и будет охватывать в своей работе не только Саратов, но и железнодорожную линию от Уральска до Козлова. Союз, повидимому, сразу перерастет другие саратовские союзы, ибо уже теперь выразили желание вступить в него около 200 человек. Ему предстоит бороться в своей деятельности с уже существующим либеральным железнодорожным союзом, об'единяющим, главным образом, не-рабочих. Шлем братский привет новому союзу и желаем успеха в работе и скорой победы над либеральными пустозвонами.

Правление союза.

Примечания

1) Мотивировка резолюции вполне совпадает с § 1 устава.

2) В основу устава положен нормальный устав, выработанный саратовским комитетом Р. С.-Д. Р. П. и перепечатанный в № 11 «Пролетария». Не останавливаясь на чисто редакционных отступлениях, отметим только наиболее существенные особенности устава типографского союза.

В отделе I добавлен пункт 2, говорящий о руководстве со стороны союза политической борьбой своих членов и подтверждающий замечание о полном отождествлении печатниками партийной и профессиональной организации. — В отделе II — нормальный устав в случаях приема и исключения членов, предусматривая квалифицированное большинство — $^2/_3$; устав типографского союза — простое большинство. В отделе III, говорящем об отношении союза к Саратовскому комитету партии, § 8 отмечает, что союз есть автономная организация, примыкающая к Р. С.-Д. Р. П.; в нормальном уставе сказано: «партийная организация, подконтрольная в своей деятельности местному комитету». Редакция устава союза печатников напоминает те условия, на которых московский союз печатников вошел в августе 1905 года в состав меньшевистской организации. В отделе отсутствует § 10 нормального устава, гласящий о посылке союзом своего представителя в комитетскую организацию. — Отдел IV — о средствах союза нет в нормальном уставе. — В отделе V — в нормальном уставе в перепечатке «Пролетария» пропущен § 16. Пропуск может быть восстановлен по уставу союза: его § 17 говорит о назначении правлением своих представителей при предприятиях. — Устав издан был в 60 экземплярах.

3) Отчет в извлечении был перепечатан в № 12 «Пролетария». Там же имеются извлечения из № 3 «Типографского Листка», составленного по отзыву редакции «Пролетария» живо и интересно.

4) Доклад составлен, очевидно, со слов внутреннего осведомителя. В № 18 «Пролетария» сообщается об аресте собрания в 16 человек, из них задержано было пять — М. Б Семенов (очевидно упоминаемый в докладе Самсонов), Капустянский, Лебеденский (инт), Миша (гравер — Гальпер?), Федорин (типографщик). Повидимому, это было союзное собрание, возможно, что собрание представителей от типографий совместно с правлением союза.

5) 30 августа был произведен обыск в совместной квартире А. Я. Ветрова, Е. Н. Бражниковой, М. Шалыто, Д. Гуревич и неизвестного, оказавшегося Клешевым, в доме № 27, по Бахметьевской улице. При обыске, между прочем, были взяты 3 полулиста заготовленных прокламаций (оригиналы), 100 экземпляров «Листка союза типографов», один экземпляр «Железнодорожный Союз», две прокламации и отчет портновского союза за июль и только что изготовленная масса для гектографа в картонобумажном футляре.

«Листок союза типографов» не был закончен: «оригиналы трех страниц оказались недопечатанными».

Н. МАМОНТОВ.

Движение рабочих по обработке благородных металлов в Москве.

(По личным воспоминаниям).

Начиная писать свои воспоминания о профессиональном союзе рабочих по обработке благородных металлов, прежде всего считаю не лишним сказать несколько слов о тех условиях, в которых работала и вообще находилась эта группа рабочих в последнее десятилетие до 1905 года.

Золото-серебреническое, ювелирное и бронзовое производство в своей массе являлось кустарным, мелко-ремесленным и только частью фабричным. В период 1896—1905 гг.. в производстве было занято приблизительно около 12.000 человек рабочих, из которых на фабриках работало около четвертой части, приблизительно от 3.000 до 4.000 человек; вся же остальная масса рабочих была занята в мастерских кустарно-ремесленного типа или в мастерских, подчинявшихся надзору фабричной инспекции. Хотя условия работы и жизни в мастерских одного типа немногим отличались от других, но они все-таки имели свои особенности.

Мастерские кустарно-ремесленного типа с количеством рабочих от 2 до 16 человек, ютившиеся в тесных и грязных и частью в полуподвальных помещениях, не мешает подразделить на два разряда. К первому разряду нужно отнести мастерские с числом наемных рабочих от 2 до 8 человек, хозяева которых сами, будучи мастерами, работали за верстаком вместе с рабочими, так как им приходилось тратить мало времени на организацию дела. Что же касается помещений, то под мастерскую отводили одну или две комнаты в тех квартирах, в которых хозяева жили вместе со своей семьей, под кузницу же приспособляли кухню, в которой и производили работы, как-то: пайку металла, разогревание смолы, нужной для работы чеканщиков, флисовку эмали и прочее, используя для этой работы опечек русской печи, или же, в лучшем случае, в кухне же, около русской печки, приделывали верстачек с железным колпаком над ним для вытяжки копоти и дыма, обращая верстачек, таким образом, в маленькое горно, на котором и производили все указанные работы.

Ко второму разряду нужно отнести мастерские с количеством рабочих от 8 до 16 человек, так как мастерские с количеством рабочих более 16 человек подчинялись уже надзору фабричной инспекции; хозяева

этих мастерских уже не работали за верстаком вместе со своими рабочими и все время отдавали на организацию дела (по сбыту готовых изделий, подготовке сырья и надзору за работой).

Помещения таких мастерских служили не только для работы, но и спальней, столовой и кухней для рабочих. Семья же хозяина обычно помещалась уже не в помещении мастерской, а в другом месте, хотя в одном и том же доме, но совершенно отделенном; и члены семьи бывали уже в мастерской только для того, чтобы присматривать за рабочими и за порядком во время работы, большей частью во время отсутствия хозяина. Что же касается оборудования и приспособлений, требуемых для производства, то только в некоторых случаях были отдельные кузницы; в большинстве же случаев положение было такое же, как и в мастерских первого разряда, т.-е. помещение мастерской в то же время служило и кузницей.

Недалеко уходили от мастерских кустарно-ремесленного типа по своим условиям работы и жизни рабочих мастерские, подчиненные надзору фабричной инспекции. Разница этих мастерских от первых была только та, что помещения для кузницы были отделены от общей мастерской, да и помещения в своем об'еме в общем были больше, по з отношении кубатуры воздуха на отдельного рабочего — они были не больше, а в некоторых случаях были даже и меньше мелких мастерских. Что же касается жизненных условий для рабочих, то последние в этих мастерских находились также на иждивении «благодетелей»-хозяев, которые предоставляли помещения мастерских под столовую и спальню, вернее, под ночлег, и кухни — для готовки пищи рабочим. Конечно, от всего этого хозяева имели свои выгоды, так как при определении заработной платы они все это имели в виду и недоплачивали известную толику.

А в отношении санитарных и гигиенических условий помещений мастерских, пожалуй, можно сказать, что в мастерских первого разряда они были лучше, так как верстаки и полы мастерских мылись здесь чаще, приблизительно раз в две недели, да и стены с потолками держались поопрятней; из этого, конечно, не следует, что хозяева лучше относились к рабочим, это они делали потому, что сами жили в этих квартирах.

В мастерских же второго разряда и в мастерских, подчиненных надзору фабричной инспекции, только верстаки мылись, примерно, раз в два месяца, а полы мылись не чаще двух раз в год, примерно, к рождеству и к пасхе, несмотря на то, что за это время обычно на полу наталтывалось столько пыли и грязи, что их приходилось снимать железными скребками. Стены же и потолок очень редко видели на себе обметающую их щетку, а красились и белились и того реже, так что при неизбежных в этом производстве копоти и пыли они принимали такой вид, что нельзя было определить первоначальной их окраски.

К этим анти-гигиеническим и анти-санитарным условиям не лишне добавить, что в тех же самых общих рабочих помещениях производились и такого рода работы, при производстве которых требуются сильно-дей-

ствующие яды, например, цианистый калий, каустик и кислоты: соляная, азотная, серная и другие, ядовитыми и вредными испарениями которых насыщался воздух и без того тяжелый, благодаря скученности рабочих.

В этих-то самых помещениях рабочие проводили всю свою тяжелую трудовую жизнь. Спали на верстаках и на грязном полу (кроватей и других приспособлений не существовало), подстилая под себя нечто вроде тюфяков, грязные постели, которые на день убирались куда-либо в коридор или в чулан.

Определенного нормального рабочего времени не существовало ни в тех, ни в других мастерских. Хотя в мастерских кустарно-ремесленного типа официальный рабочий день был 12 часов, а в мастерских, подчинявшихся надзору фабричной инспекции, 11½ часов, но это официальное рабочее время почти не соблюдалось, и в большинстве случаев фактическая работа продолжалась 14, 16 и даже 18 часов в день. Рабочий день рабочего, начинавшийся в 6 часов утра, официально должен был кончаться в 8 часов вечера, но он после получасового перерыва на ужин снова продолжался до 10—12 часов ночи, а иногда и позже. Что же касается предпраздничных дней, то работа тогда продолжалась всю ночь напролет, примерно, до 8, 10 и 12 часов утра следующего дня. Так что в эти дни рабочий день иногда бывал непрерывным до 30 часов приблизительно.

Рабочие были вынуждены соглашаться на такую продолжительность рабочего дня благодаря низкой заработной плате, заставлявшей их с охотой браться за сверхурочные и сдельные работы, так как они являлись добавлением к скудному заработку. Хотя, нужно сказать, и сверхурочные, и сдельные работы оплачивались в ординарном размере.

Что же касается учеников, то те вообще работали бесплатно, получая от хозяина пищу и ночлег в той же мастерской. Для того, чтобы стать подмастерьем-специалистом и получить заработную плату, ученик должен был прожить бесплатно, так называемое, время ученья, продолжавшееся от 3 до 5 лет. После этого ему назначали жалованье, примерно, рублей 8 — 12 в среднем в месяц, в зависимости от его успешности и специальности в работе; затем уже в зависимости от специализации делалась прибавка. Старшие, более опытные рабочие получали в среднем от 60 копеек до 1 рубля 50 копеек в день при готовом хозяйском содержании, в зависимости от специальности и индивидуальной квалификации.

В несколько лучших условиях находились рабочие в более крупных чисто фабричных предприятиях (Хлебникова — на Швивой Горке, Фаберже — в Б. Кисельном переулке, Балина — на Царицынской улице, Овчинникова — в Гончарном переулке, в Таганке, Оловянишникова — на М. Дворянской улице, Немирова-Колодкина — на Ордынке, Збук, Желобова и других). В этих фабричных предприятиях рабочие помещения были обширней и в гигиеническом и санитарном отношении там было лучше, так как кузницы были совершенно отдельные, а для производства

работ, требующих употребления сильнодействующих ядов и кислот, были выделены и изолированы отдельные комнаты. В отношении чистоты верстаков, полов, стен и потолков помещения этих предприятий мало отличались от помещений мелких мастерских, подчиненных надзору фабричной инспекции. Разве только тем, что рабочие помещения не были использованы для столовой и для ночлега.

Что касается рабочего времени, то рабочий день официально в них продолжался 11 часов, но сверхурочные и сдельные работы и здесь также существовали, хотя они не носили систематического характера и не были постоянными, кроме, как в предпраздничное время рождества и пасхи; тогда рабочее время вместе со сверхурочными доходило также до 14, 16, 18 и даже более часов. А оплачивались сверхурочные и сдельные работы так же, как и в мастерских, в ординарном размере, за небольшими исключениями. Заработная плата на фабриках составляла приблизительно от 75 коп. до 2 руб. 50 коп. в день на всем своем содержании.

Обращение как хозяев, так и фабричной администрации с рабочими или с учениками во всех предприятиях без исключения было не из вежливых, одним словом — «отеческое»: учеников секли розгами, да и подмастерьям иногда влетало, а о грубости и говорить нечего.

Из изложенного видно, насколько условия жизни и труда рабочих золото-серебряного производства были тяжелы. Эти нищенские условия жизни золото-серебреников находились в резком противоречии с самым характером их труда — труда высококвалифицированного, требующего не только опыта и навыка, но и художественных способностей, умения тонкой и искусной отделки и обработки драгоценных вещей. Редким, бросающимся в глаза контрастом, было и то, что золото-серебреники своим искусным, полухудожественным трудом создавали драгоценные безделушки для людей, живущих в богатстве и довольстве, а сами жили в нищете, не будучи в состоянии даже поднять свое благосостояние до уровня других квалифицированных рабочих.

Среди рабочих живы были еще предания старых времен, когда ювелиры находились в почете и жили при дворцах царей и князей. Еще в конце 90-х годов живы были серебреники-гравера — О. С. Воронин и Петр Авдеевич (фамилия забыта), которые в пятидесятых годах были отданы в ученье в Кремлевские дворцовые ювелирные мастерские, закрытые только в шестидесятых годах. Все это наложило некоторые своеобразные черты на духовный облик московских золото-серебреников.

Среди квалифицированных рабочих ювелирного, золото-серебренического и бронзового производства неграмотных совершенно не было, так как мальчиков, не окончивших хотя бы сельскую школу, в ученье не принимали. Но, благодаря распыленности этого производства, по преимуществу мелко-кустарного, среди рабочих не было тесного единения и организационной связи между собой, существовавших уже в то время на фабриках и заводах других производств. От них нельзя было ожидать

какого-либо движения в сторону улучшения своего тяжелого положения. Правда, были единичные случаи протеста рабочих против ухудшения условий труда еще в 90-х годах. Такой случай был приблизительно в июне 1898 года в мастерской Егорова, за Тверской заставой, в доме Юрасова, когда хозяин этой мастерской увеличил рабочий день, кажется, на полчаса; рабочие в ответ на это заявили протест, за что им всем и был подписан двухнедельный расчет; хотя в конце концов хозяином рабочее время было оставлено прежнее, все-таки человек 18 рабочих ушло. Это был первый случай протеста со стороны золото-серебреников.

Второй случай был в ноябре 1898 года на Серпуховке, в Кологривском переулке, в мастерской В. М. Ашмарина. По требованию рабочих рабочий день был убавлен на ½ часа, согласно существовавшего тогда фабричного законодательства, а за лишнее проработанное время в течение 11—12 месяцев была потребована и получена компенсация. В октябре 1899 года такой же случай был в мастерской Н. В. Алексеева, в 3-м Монетчиковском переулке, когда по требованию рабочих рабочий день был сокращен на полчаса и уплачена компенсация за излишне проработанное время. В результате этого, однако, Алексеев подписал всем рабочим двухнедельный расчет; фактически было уволено, — вернее, сами перешли в другие мастерские, — 6 человек рабочих.

В этом начинающемся, но не оформленном движении рабочих золотосеребреников за улучшение своего экономического положения, главную роль играли филигранщики и частью посудчики, оказавшиеся более развитыми и более сплоченными между собой.

Приблизительно с 1900 года среди рабочих золото-серебреников началась кропотливая работа над развитием политического сознания, которой были захвачены только единицы [1]): не менее 90% из числа всех рабочих, занятых в золото-серебряной промышленности, было тесно связано с деревней и землей, куда они и уезжали на длительный период — примерно, по 3 недели два раза в год,— и дело организации политической работы подвигалось туго. Только к началу 1905 года была сбразована более или менее тесно связанная группа.

Мне лично, как участнику еще первых выступлений, в 1898 — 1899 г.г. пришлось играть роль инициатора и организатора этой группы. Видя, что рабочим, разрозненным по мелким мастерским, да при том забитым тяжелыми условиями жизни, добиться улучшения своего положения путем разрозненных выступлений по отдельным мастерским невозможно, мы решили попытаться об'единить всех рабочих золото-серебренической и бронзовой промышленности в одну организацию, или легально в виде кассы взаимопомощи, или нелегально — в боевую профессиональную рабочую организацию при непременном условии образования стачечного

[1]) С золотосеребрениками завязывали связь партийные организации, которые стали распространять среди них легальные и нелегальные книжки. Иногда проводились беседы по вопросам, затронутым в этой литературе.

боевого фонда. Для проведения в жизнь этого решения и было созвано 8 июля 1905 года первое совещание более сознательных и активных товарищей.

Было ясное солнечное утро, когда к небольшому серенькому домику, находящемуся близ Спасской заставы, во Втором Крутицком переулке, прилегающему своими надворными постройками и частью забора к мало известной москвичам речке Саре, подходили один за другим несколько человек рабочих, которые, осмотревшись кругом, осторожно входили во двор домика, в комнату, в которой я жил вместе с одним золото-серебреником, Петром Михайловичем Ворониным. У нас на квартире было назначено первое совещание по организации профессионального союза золото-серебреников.

К 10 — 11 часам собралось человек 7 — 8. Из них я помню: Трефилова, Никифора Григорьевича, Мазурова, Николая Андреевича, Ефима Петровича (фамилию забыл, он работал на фабрике Мешкова, на Татарской улице, а затем на фабрике Оловянникова), Рогова, Ивана Петровича (работал на фабрике Шелапутина, у Спасской заставы), Воронина, Петра Михайловича.

Поделившись в частных разговорах друг с другом сведениями о положении дел в мастерских, мы решили открыть совещание. Как организатор совещания, я сделал доклад о положении рабочих в предприятиях других профессий и о тех организациях, при посредстве которых они борятся за улучшение своего полсжения. У нас возник вопрос — стремиться ли к созданию легальной кассы взаимопомощи или боевого профессионального союза? Мы пришли к заключению, что при существующих условиях при помощи одних профессиональных рабочих касс взаимопомощи успешно бороться за улучшение своего положения рабочие не смогут. Потому единогласно было решено организовать боевую профессиональную рабочую организацию в том или ином виде, но при непременном условии образования при ней боевого стачечного фонда, который должен находиться в ведении и распоряжении особо избранных лиц (особого стачечного комитета). На том же совещании было решено, что каждый из участников совещания должен раз'яснять рабочим на местах (в мастерских, где он работает, и в других, находящихся поблизости) необходимость образования такой профессиональной организации. Мы решили время от времени собираться для взаимной информации и следующее совещание назначили на 15 августа.

15 августа состоялось второе наше совещание. Кроме участников первого совещания, было еще несколько новых, из которых я помню Сурикова, Сергея Васильевича, Титова, Павла. Но это наше совещание было непродолжительным, в виду того, что на улице были замечены подозрительные лица и мы боялись провала. Каждый из нас только делал сообщения о настроении рабочих в его и других мастерских и о том, как была встречена массой пущенная нами идея образования боевого профес-

сионального союза. Из сообщений товарищей выяснилось, что мысль о создании боевой профессиональной организации встречает сильное сочувствие среди рабочих золото-серебреников. Выяснилось также, что, в связи с тяжелыми условиями рабочих и выдвинутым нами лозунгом улучшения положения рабочих при посредстве стачки, растет и стачечное настроение. По заслушании докладов с мест было решено продолжать агитацию по мастерским; кроме того, мне было поручено озаботиться подготовкой устава для проектируемого союза и только после подготовки материала для устава мне было поручено созвать совещание. На этом второе совещание и было закрыто.

Поручение, данное мне совещанием, выполнить так и не пришлось, так как числа 5 или 7 сентября на летучем совещании мы решили принять участие в организации стачки, назревавшей благодаря сильному недовольству рабочих золото-серебреников своим тяжелым положением и условиями работы.

Всеобщая стачка рабочих золото-серебреников Москвы, насколько мне не изменяет память, началась 9 сентября 1905 года одновременно в нескольких районах: на Зацепе, где руководителем был т. Царев, в Замоскворечье — у Агафонова, В. С., в Таганско-Крутицком районе — у Жарова, в Большом Покровском переулке, где был руководителем Коробов-Птушкин, Александр Иванович, и у Рюккерта, на Воронцовской ул., где руководил Спиров, Петр Савельевич; в Марьиной Роще забастовало всего несколько мастерских, руководителем был там Мазуров, Михаил Андреевич.

Бросившие работу рабочие разделились на мелкие группы и шли в другие предприятия для снятия с работы; там, где была своя публика — только подходили под окна, а там, где не было своих — входили в рабочие помещения по несколько человек и заявляли, чтобы сейчас же кончали работу и выходили из мастерской и шли бы небольшими группами в чайную общества трезвости, близ Спасской заставы — угол Воронцовской и Сорокосвятской улицы и занимали бы столики в большом зале.

Такая система снятия с работы давала полную возможность ускользать от полиции, которая все время металась из стороны в сторону, разыскивая толпы рабочих, снимающих с работы, так как хозяева мастерских и фабрик, очевидно, все время продолжали звонить по телефону и сообщать о том, что стачечники сняли с работы их рабочих. Были случаи, когда полиция спрашивала у самих же снимающих с работы, куда направилась толпа рабочих, и ее направляли в совершенно противоположную сторону.

После того, когда собралось в зале довольно много рабочих — человек 300 — 400, выяснилось, что присутствуют по несколько человек от многих мастерских Замоскворечья, Крутиц, Таганки и от некоторых мастерских Марьиной Рощи и др. районов. Собрание было открыто, как помнится, тов. Царевым, который в своем вступительном слове сказал, что

стачка вызвана тяжелыми условиями жизни рабочих и что свое положение рабочие могут улучшить только организованной борьбой. После выступления некоторых товарищей, развивавших мысль тов. Царева, было постановлено произвести по мастерским выборы делегатов по одному или два человека от мастерской, которые должны будут выработать общие требования и выделить из своей среды руководящий стачечный коллектив. Кроме того, всем участникам собрания было предложено известить о решениях собрания рабочих других мастерских в их районе, представителей от которых не было на этом собрании. Делегатское собрание было назначено членами инициативной группы на другой день (10 сентября) в 10 час. утра в трактире Ульева, там же, на Воронцовской улице.

Было около 10 часов утра 10 сентября, когда мы с тов. Роговым пришли в трактир Ульева, большой зал которого был битком набит рабочими-серебрениками — делегатами от разных мастерских и фабрик по 1 — 2 и 3 человека от предприятия... Собравшиеся вели между собою оживленный разговор, обсуждая порядки в той или иной мастерской.

Вскоре после прихода я открыл собрание. В президиум были избраны я и Спиров, П. С. После избрания президиума, слово было предоставлено мне. Во вступительной речи я указал на великое значение организованности рабочих масс в деле борьбы за улучшение своего положения вообще и на то, что организованность есть залог победы и в настоящей стачке.

После краткого обмена мнениями, в котором участвовало несколько товарищей, в том числе Суриков, С. В. и Коробов-Птушкин, А. И., развивавших и поддерживавших мою мысль, — было постановлено создать свою рабочую профессиональную организацию и продолжать работу инициативной группы. Затем, по предложению, кажется, Рогова, И. П., — было постановлено прежде, чем вырабатывать общие требования, заслушать доклады делегатов о том положении, в котором находятся рабочие их мастерских в данное время. И вот что нам поведали эти мастера искусства и художества, вырабатывающие из золота и серебра художественные и ценные вещицы и вещи:

1) Рабочее время во всех мастерских было разное и продолжалось от 11½ часов до 16 часов в день. Рабочий день начинался обычно в 6 час. утра и кончался в 8, 9, 10 и даже 11 и 12 час. вечера, с перерывами на обед 1 час и на завтрак-чай — два раза в день по 30 мин.

2) Помещения мастерских с санитарной точки зрения были совершенно непригодны; большинство из них находилось в полуподвальных этажах, все они были настолько грязны и темны, что скорее походили на конюшни, а не на места, где работают и даже живут люди.

3) Большинство рабочих жило в тех же самых мастерских и только небольшая часть, главным образом, с фабрик, жили на вольных квартирах.

4) Спали: старшие — на верстаках, на которых работали днем, а младшие — на полу. Что же касается постельных принадлежностей,

то это были лохмотья, которые на день убирались куда-либо в грязный чулан.

5) Столовая обычно находилась в той же самой мастерской, для чего среди мастерской ставился стол, на который подавалась пища и обедали «в расходку», т.-е. каждый обедающий должен был взять в ложку пищу—суп или кашу и отойти в сторону, дабы дать возможность сделать то же самое другому.

6) Пища готовилась в кухнях, помещающихся при мастерских и не менее грязных. Пища за небольшим исключением была очень плоха и вообще недоброкачественна. Чай пили тут же на верстаках, каждый наливая себе чай из общего чайника и самовара.

По заслушании докладов с мест была выбрана небольшая комиссия, которая во время перерыва выработала следующие общие требования [1]):

1) 10-часовой рабочий день.

2) Упразднение хозяйских квартир и стола и перевод всех на свои квартиры и харчи.

3) Прибавка жалованья, в том числе на квартиру и стол (харчи), от 35 до 50 коп. в день, с установлением среднего дневного заработка:

Токарям	1 р. 50 к.	— 2 р.
Чеканщикам	1 » 35 »	— 1 » 50 к.
Посудникам и монтировщикам	1 » —	— 1 » 25 »
Граверам	1 » —	— 1 » 25 »
Галантерейщикам	1 » —	— 1 » 20 »
Ложечникам	— 75 »	— 1 » 10 »
Мелояникам	1 » —	— 1 » 25 »
Эмальерам	1 » 25 »	— 1 » 50 »
Филигранщикам	1 » 25 »	— 1 » 50 »
Живописцам по эмали	2 » 50 »	— 3 » 50 »

4) Вежливое обращение

и целый ряд других требований в зависимости от местных условий в мастерской.

Эти требования были после короткого обмена мнениями утверждены делегатским собранием. Затем был выбран руководящий стачечный коллектив из 5 человек. В коллектив вошли: Спиров, П. С., Коробов-Птушкин, А. И., Царев, я и еще один товарищ, фамилии которого не помню.

На этом делегатское собрание было закрыто около 10 часов вечера. Штаб-квартирой был намечен тот же Ульевский трактир, куда и должны поступать все сведения о ходе стачки. На собрании присутствовало около 100 — 125 человек.

Оказывается, что во все время делегатского собрания на дворе дежурила полиция — это выяснилось позже, когда расходились. По со-

[1]) Требования привожу по памяти.

бранным стачечным комитетом данным, стачка была выиграна и было установлено, что в стачке принимали участие около 1.500 — 2.000 человек рабочих золото-серебреников, работавших в кустарно-ремесленных мастерских и мастерских, подчиненных надзору фабричной инспекции.

21 сентября 1905 года в помещении трактира Соколова, на Пустой улице, состоялось первое общее собрание рабочих золото-серебреников, которое было созвано и организовано членами инициативной группы для заслушания доклада по вопросу об организации союза. К 11 часам утра зал был заполнен. Присутствовало около 300 человек рабочих. Заранее было намечено, что рабочие должны занимать отдельные столики, как бывшие свободными, так и освобождавшиеся. В 11 часов собрание было открыто. Председателем был избран И. П. Рогов, которым и было предоставлено мне слово для доклада. В своем докладе я коротко развил тему о целях и задачах профессиональных организаций рабочих. Мне до сего времени ясно помнится, как дрогнуло собрание и как изменились в лице присутствующие и многие стали собираться уходить, когда в конце моего доклада в дверях зала появились полицейские — околоточный и несколько городовых. Видя это, я быстро закончил доклад. Благодаря присутствию полиции мы отказались от обсуждения доклада и почти в суматохе приступили к избранию двух учредителей, в числе которых избрали меня (второго не помню), после чего собрание и было закрыто.

После первого общего собрания, бывшего 21 сентября, среди рабочих золото-серебреников Крутицко-Таганского (Рогожского), Замоскворецкого, Лефортовского и Марьино-Рощинского (Бутырского) районов заметно стало увеличиваться число сторонников образования своей профессиональной рабочей организации с задачами чисто экономического характера. Многие рабочие стали относиться с большим интересом и к политическим вопросам. Было ясно, что рабочие стали сознавать и разбираться в том, что без политической борьбы они не могут улучшить свое положение и закрепить свои завоевания.

В один из первых дней после начала всеобщей октябрьской стачки состоялось собрание рабочих золото-серебреников в упомянутом уже выше трактире Ульева. Это собрание в значительной мере было летучим. Для этого собрания были использованы рабочие из ближайших мастерских, которые постоянно ходили в этот трактир пить чай; были и специально приглашенные рабочие из других мастерских. Всего собралось человек 75 — 100. Помимо общих профессионально-экономических вопросов, на этом собрании обсуждался также вопрос о начавшейся всеобщей стачке. Этот вопрос обсуждался первым. Я выступил с докладом, в котором кратко сообщил о начавшейся всеобщей стачке и указывал на ее политический, а не экономический характер, так как, наряду с экономическими требованиями, был выставлен ряд требований чисто политического характера. «В случае полного их удовлетворения, — говорил я, — рабочие смогут свободно, не боясь полиции и жандармов, собираться и свободно

обсуждать все вопросы, а также свободно бороться за улучшение своего положения, что даст гарантии закрепления завоеваний рабочих. После краткого обсуждения этого вопроса решено было повести агитацию за прекращение работы и присоединение ко всеобщей стачке.

Вторым обсуждался вопрос о профессиональной организации рабочих и тесно связанный с ним вопрос о экономической борьбе. После моего краткого сообщения и выступлений некоторых других товарищей, в которых раз'яснялись цели и задачи профессиональных организаций и их значение в борьбе за улучшение положения рабочих, было решено усиленно повести агитацию среди рабочих за ускорение создания своей профессиональной организации, пока в виде кассы взаимопомощи.

Во время обсуждения второго вопроса, очевидно, по вызову хозяина трактира, появился околодочный надзиратель, но его появление на этот раз никого уже не смутило и все остались спокойными, совершенно не обращая на него внимания. Околодочный же, постояв немного в дверях зала, ушел, и, уходя, как передавали рабочие, заметил, что вопросы чисто экономического, но не политического характера рабочие могут обсуждать. Как мне помнится, в большинстве мастерских рабочие 15 октября бросили работу и присоединились ко всеобщей стачке.

В первые дни свободы, после 17 октября, никто не задумывался об экономической борьбе и на время забыли о профессиональной организации. Все занялись, главным образом, политическими вопросами и стремились посещать собрания, где бы они ни происходили, не считаясь с расстоянием: рабочих золото-серебреников из Замоскворечья, Таганки и других районов можно было встретить и в Техническом училище—на Коровьем броду, в Лефортове, и в Инженерном—на Бахметьевской улице, и в Университете, и в Межевом Институте, и в других местах. Золотосеребреники шли в ногу с рабочими других профессий, увлекаясь сами, увлекая других и накопляя познания и опыт в борьбе.

Какое было празднично-торжественное настроение у нас, стоявших 6 ноября в день общего собрания рабочих золото-серебреников у дверей Опытного (вернее, Оптинского) училища близ Калитниковского кладбища за Покровской заставой и наблюдавших, как рассуждавшие на ходу рабочие группами торопливо входили в двери красного здания училища, приютившего это собрание. Несмотря на раннее время и большое расстояние,— тут были рабочие и из Марьиной рощи, и от Ново-Девичьего монастыря, и из Замоскворечья, и из Дорогомилова, и из Лефортова и других районов, не говоря о близком районе Крутиц и Таганки: к началу собрания собралось около 600 — 700 человек.

Собрание было открыто около 10 часов утра; в президиум были выбраны: Быков, Михаил Павлович, Ходырев, Иван Александрович и я. В порядке дня стоял вопрос о целях и задачах профессиональных союзов рабочих. Слово для доклада было предоставлено «Борису Петровичу» (партийная кличка, социал-демократ), который в своем докладе подробно

развил мысль о значении профессиональных союзов как в области экономической, так и политической борьбы. После этого доклада было постановлено организовать профессиональный союз рабочих золото-серебреников и приступить к выбору временного правления.

Правление было избрано в числе 9 или 11 человек (точно не помню), в числе которых были (как мне помнится): Быков, М. П., Ходырев, И. А., Спиров, П. С., Воронин, П. М., Трефилов, Н. Г., Суриков, С. В., Коробов-Птушкин, А. И. и я; фамилий остальных не помню. На обязанности членов правления было возложено: повести запись в члены союза, подготовить устав союза и в ближайшее время снова созвать общее собрание.

После выборов правления упомянутый Борис Петрович выступил с речью о наших политических задачах и наших требованиях. В своей речи он развивал программные требования Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, а также осветил задачи, стоящие перед ней. Вначале ему не давали говорить, но после моего выступления и выступления т. Быкова его охотно слушали и он сделал подробный доклад. Обсуждался также ряд организационных вопросов. Так, было решено членские взносы взимать: вступительные — 30 коп. и ежемесячные — 30 коп. Решено было до отпечатания членских карточек выдавать членам временные талоны с печатью союза.

Насколько мне помнится, постоянного членского билета мы так и не отпечатали, главным образом, благодаря поражению рабочих в декабрьском вооруженном восстании, после чего рабочие организации ушли в подполье.

Собрание было закрыто около 3 часов дня. Настроение у рабочих было приподнятое и рабочие не торопились расходиться по домам, а старались поскорей записаться в члены союза у выделенных для производства записей членов правления — Спирова и Ходырева, которые во все время первого распорядительного заседания временного правления и производили запись.

На первом распорядительном заседании правления, бывшего вслед за общим собранием в помещении того же училища, были распределены должности. Председателем временного правления избрали меня, секретарем — Быкова, казначеями — Спирова и Ходырева.

Кроме распределения должностей между членами правления, на том же заседании была следующим образом намечена и распределена организационно-пропагандистская работа по районам: Крутицко-Таганский — Спиров, Воронин и докладчиком — я; Замоскворецкий — Ходырев, Быков и докладчиком также я; Лефортовский — Суриков, Трефилов и докладчиком я. Запись членов союза и получение членских взносов было решено производить по районам, возложив эти обязанности на членов правления, прикрепленных к районам.

Довольно большое количество рабочих, примерно человек 80 — 100, осталось и дождалось окончания заседания правления для того, чтобы

узнать, когда будет назначено районное собрание в том или другом районе и кто там будет из членов правления. Многие из них предлагали свои услуги членам правления по организации этих собраний, беря на себя техническую часть — оповещение рабочих по отдельным мастерским своего, а некоторые и других районов. Такое же приподнятое настроение было и у нас— организаторов этого собрания. Довольные лица рабочих, вошедших в наши ряды и стремящихся на перебой один перед другим помочь делу организации рабочего класса в лице своего профессионального союза, заставляли забыть усталость от всей дневной работы.

8 ноября, в том же трактире Ульева, на Воронцовской улице, состоялось районное собрание рабочих золото-серебреников Кругицко-Таганского района, на котором было не менее 300 рабочих, а 12 ноября — районное собрание в Лефортовском районе, на котором было около 200 — 250 человек. Как в том, так и в другом районе порядок дня был следующий: 1) о современном политическом положении и об отношении к партиям, 2) о целях и задачах профессиональных союзов и 3) текущие дела.

Как в том, так и в другом районе, выступив с докладами по первому вопросу, я указывал на создавшееся положение в связи с ростом и развитием рабочего движения, которое не может уложиться в рамки, предоставленные ему «свободами» 17 октября, и попутно развивал программные требования Р. С.-Д. Р. П. Я указал, что рабочий класс должен стремиться в данный момент к осуществлению требований программы-минимум Р. С.-Д. Р. П., которая действительно соответствует интересам рабочего класса. Для того, чтобы закрепить улучшения своего экономического положения, намеченные в этих требованиях, рабочие должны стремиться к завоеванию политической власти. А так как самодержавная власть и буржуазия свободно уступить рабочим не захотят, то рабочим нужно усиленно готовиться к тяжелой борьбе за осуществление своих требований. В обоих районах к докладу отнеслись сочувственно и после выступления некоторых товарищей он был принят к сведению.

По вопросу о целях и задачах союзов я развил ту мысль, что профессиональные союзы являются прямыми защитниками интересов рабочих и прямыми руководителями их в борьбе за улучшение как экономических, так и политических прав рабочих. По этому вопросу выступил ряд товарищей рабочих, которые поддерживали и развивали положения моего доклада. В заключение было принято предложение о том, чтобы присутствующие вступили в члены союза, а также повели усиленно агитацию по мастерским и фабрикам за вступление всех рабочих в члены союза и избрание делегатов для проведения записи в члены союза и связи с правлением.

В общем, собрания прошли очень оживленно и с подъемом; расходившиеся рабочие были довольны тем, что налаживается дело организации.

Не так гладко прошло районное собрание рабочих золото-серебреников в Марьино-Рощинском районе, которое состоялось 13 ноября утром в трактире близ фабрики Галкина. В начале моего доклада о современном политическом моменте и об отношении к партии группа рабочих, очевидно руководимая черной сотней и натравливавшая рабочих против интеллигентов, окружила меня и хотела избить; только вмешательство другой части рабочих во главе с членами правления Коробовым-Птушкиным и Мазуровым, которых хорошо знали все рабочие Марьиной рощи, как организаторов этого района, и которые об'яснили рабочим, что я не интеллигент, а тем более и не студент, заставило окруживших меня вплотную рабочих присмиреть и виновато отступить в задние ряды. После этого инцидента пришлось отказаться от продолжения доклада по первому вопросу и перейти прямо к вопросу о целях и задачах профессиональных союзов. Здесь я развивал те же положения, что и на первых собраниях, и рабочие с большим интересом слушали, а по окончании доклада многие выступали в прениях, поддерживая меня. По окончании прений здесь также было принято предложение о том, чтобы присутствующие записались в члены союза и затем повели агитацию на местах (в мастерских) за вступление всех рабочих в члены союза и выборы делегатов для связи с правлением. После окончания собрания все охотно записывались в члены профсоюза. На этом собрании было около 250—300 человек.

По окончании собрания мы узнали, что во дворе, рядом с трактиром, была засада жандармов, человек в 40, которые очевидно были приготовлены на всякий случай. Уже в 1906 году один из рабочих фабрики Галкина, бывший участник той группы, которая должна была совершить избиение, рассказывал о своем «нехорошем поступке», как он называл его. По его словам, черносотенцы, узнавшие ранее о предполагаемом собрании, повели агитацию среди несознательных рабочих — большей частью стариков, за то, чтоб избить революционеров, которые будут выступать на собрании; для ограждения и защиты черной сотни вызвали жандармов, которых на всякий случай разместили на дворе рядом с трактиром.

Примерно, 9 ноября на собрании правления секретарем Быковым было доложено, что параллельно с организацией союза золото-серебреников и бронзовщиков начали создавать отдельную организацию и ювелиры, организатором и руководителем у которых был Крашенинников (анархист), а членами временного правления были от рабочих — Никулин, Иван Андреевич, Федотов, работавший на фабрике Фаберже, Петров, Живейнов, Иван Феофанович и кто-то пятый, фамилии которого не помню. В связи с этим сообщением было принято постановление немедленно войти в переговоры с ювелирами на предмет создания единой организации и при том чисто рабочей. Об'единяться с ювелирами было решено лишь в том случае, если удастся добиться исключения из членов их союза хозяев.

Ведение предварительных переговоров было возложено на меня и Быкова. Мы договорились с ювелирами устроить совместное собрание правлений золото-серебреников и ювелиров.

10 ноября, вечером, в Большом Кисельном переулке против фабрики Фаберже, в трактире «Тишина», состоялось первое такое заседание. В силу того, что на заседании присутствовали вместе с рабочими и хозяева, оно было очень бурным; в начале долго не могли договориться о кандидатуре председателя, и вопрос был разрешен так: председателем был избран Крашенинников, заместителем председателя — я, и секретарем — Быков. По избрании президиума золото-серебрениками был выдвинут вопрос о недопустимости участия хозяев в качестве членов профессионального союза рабочих. Со стороны ювелиров упорно поддерживали точку зрения допустимости приема хозяев в члены союза, так как хозяева, состоя в союзе, будут хорошо знать запросы и требования рабочих членов союза, и с ними тогда легко будет договориться, не доводя дела до стачек, которые-де невыгодны для рабочих. Эта точка зрения высказывалась ювелирами-предпринимателями, Тарасовым и Федоровым, но была поддержана и рабочими-ювелирами. В ответ на это они получили от золото-серебреников серьезную отповедь, в которой мы указывали на разность интересов в производстве, где хозяин является покупателем рабочей силы, а рабочий — ее продавцом. Что же касается профессиональных организаций,— говорили мы, — то хозяева рассчитывают урегулировать через них все невыгодные для хозяев явления в рабочем движении — например, стачки и т. д.; рабочие же должны рассматривать союзы, как своих идейных руководителей в борьбе за улучшение положения рабочих. В заключение мы выдвинули лозунг: «Освобождение рабочих — есть дело рук самих рабочих».

Пробившись с этим основным вопросом, мешавшим об'единению до позднего вечера (12 час. ночи), золото-серебреники поставили вопрос ребром, что с той организацией, в которой участвуют хозяева, им не по пути, и с ней об'единяться они не будут, но, что они глубоко уверены, что рабочие ювелиры будут солидарны с нами и будут входить в союз золото-серебреников. В виду невозможности притти пока ни к каким результатам, было решено собрание закрыть и перенести дальнейшее обсуждение вопроса на следующее собрание, которое было назначено на другой день 11 ноября вечером в том же трактире, так как своего помещения у союза не было. На втором собрании ювелиры уже не были упорны в отстаивании права хозяев быть членами союза рабочих, и после кратких дебатов было решено, что профессиональный союз должен быть чисто рабочим, в котором не место хозяевам, как эксплоататорам рабочих.

После принятия указанного постановления присутствующим хозяевам предложено было покинуть совещание, что ими и было исполнено. По удалении хозяев было постановлено: считать обе организации слитыми и оба правления считать одним. Были перераспределены обязанности чле-

нов правления, и председателем правления был избран Крашенинников, а товарищем (заместителем) председателя — я, секретарем — Быков, кассирами — Никулин и Ходырев. Тогда же было постановлено снять квартиру в центре города.

Квартира для правления была снята на Екатерининской улице, близ Екатерининского парка, и в ней 15 ноября сотоялось первое очередное собрание об'единенного правления.

На этом собрании, наряду с организационными вопросами, был поставлен вопрос и об уставе союза: постановлено было поручить в срочном порядке предварительную подготовку и разработку материалов комиссии, в которую вошли Быков, Мамонтов, Петров и Федотов. Комиссия, не считаясь с перегруженностью работой, срочно подготовила проект устава, который и был принят правлением союза в заседании 24 и 25 ноября, а затем утвержден общим собранием членов союза 27 ноября. В виду того, что, кажется, не сохранилось ни одного экземпляра означенного устава, не лишне сказать, что наряду с вопросами защиты чисто профессиональных интересов, в него был включен ряд требований программы-минимум Р. С.-Д. Р. П., что указывает на преобладающее тяготение и сочувствие среди членов союза к Р. С.-Д. Р. П.

Несмотря на то, что почти все члены правления из ювелиров заявили о своей принадлежности к Р. С.-Д. Р. П., при обсуждении устава, главным образом, пунктов, касающихся политических требований, пришлось с ними много бороться за их включение. Ювелиры были против включения этих партийных требований в союзный устав потому, что не понимали самих требований; приходилось долго раз'яснять им как сами требования, так и то, почему мы их включаем, хотя считаем союз не партийной организацией. Это было главным тормозом при выработке устава.

Числа 20 и 21 ноября происходила демонстрация всех рабочих города Москвы, в которой демонстрирующие рабочие участвовали по профессиям, группируясь в подрайонные, а затем в районные колонны. Руководство этой демонстрацией по союзу золото-серебреников в каждом районе было поручено одному из членов правления. Демонстрация прошла великолепно, порядок был образцовый с сохранением полной дисциплины — шли колоннами по 8 или 10 человек в ряд, шли по мостовой, стараясь не мешать движению. И многие, не только из участников этой демонстрации, но просто видевшие ее, долго вспоминали о ней.

27 ноября было созвано общее собрание членов союза рабочих ювелиров, золото-серебреников и бронзовщиков (рабочих по обработке благородных металлов, — как его потом называли) в помещении театра сада «Аквариум», на Садовой, на котором присутствовало около 3.000 — 4.000 человек.

На этом собрании мною был сделан отчетный доклад временного правления. Затем секретарем Быковым был зачитан устав, который при

повторном чтении по отдельным параграфам без изменения и поправок был утвержден собранием в том виде, как он был предложен правлением.

После этого было избрано постоянное правление в числе 15 человек, в которое (насколько помнится) вошли: Крашенинников, Быков, Мамонтов, Воронин, Федотов, Никулин, Трефилов, Живейнов, Ходырев, Петров, Коробов-Птушкин, Воробьев, Мазуров, Суриков и, кажется, Бронников.

После избрания правления и заслушания доклада Зельгейма о кооперации был заслушан доклад тов. Седого (с.-д.) и после кратких дебатов, в которых выступали представители других политических партий и рабочие, была принята резолюция, предложенная тов. Седым от имени Р. С.-Д. Р. П. По принятии резолюции собрание было закрыто около 8 — 9 часов вечера при пении марсельезы.

28 ноября в организационном заседании правления Союза были распределены должности и председателем правления был избран Крашенинников, товарищем председателя Мамонтов, секретарем Быков, казначеем Никулин и вторым казначеем Ходырев или Воробьев, на остальных же членов правления была возложена работа по организации районов. На том же заседании правления были вновь избраны делегатами в Московское Бюро уполномоченных профессиональных союзов и, кажется, в Исполнительную Комиссию Московского Ц. Б. или в Московский Совет Рабочих Депутатов [1]) — Быков и Мамонтов. Благодаря перегруженности работой, нами было разделено между собой участие в заседаниях, и Быков участвовал в Ц. Б. или в Совете Рабочих Депутатов, а Мамонтов в Московском Бюро Уполномоченных Профессиональных Союзов при Бюро Музея Содействия Труду.

В виду быстрого развития политических событий 4 декабря в том же помещении сада «Аквариум» было созвано общее собрание союза с агитационной целью. Присутствовало на нем около 5.000—6.000 человек. По заслушании отчета о работе правления был обсужден вопрос: быть ли союзу партийным или вне партий? Собрание приняло следующее постановление: «В виду того, что среди рабочих имеются члены разных политических партий, в том числе Р. С.-Д. Р. П., с.-р., анархисты и беспартийные, несмотря на численное превосходство среди партийных рабочих членов Р. С.-Д. Р. П., считать союз беспартийным, дабы не произвести раскола среди рабочих союза» [2]).

---

[1]) Автор в своем изложении, несомненно, смешивает Центр. Бюро и Сов. Раб. Деп. В то время моск. Ц. Б. носило название: «Бюро Уполномоченных проф. союзов», которое выбирало свою Исполнительную Комиссию. Автор же проводит грань между бюро уполномоченных (или, как он в других местах называет, «профессиональным советом») и Ц. Б., соединяя последнее почти воедино с Сов. Раб. Депутатов. *Ред.*

[2]) Это сообщение автора нуждается в проверке, так как в печати есть ряд указаний, что союз золото-серебреников стоял на точке зрения партийности союзов.

На запрос Истпрофа МГСПС по этому поводу автор сделал указания, кото-

По принятии данного постановления был заслушан ряд дискуссионных речей представителей Р. С.-Д. Р. П., С.-Р. и анархистов.

В прениях выступали не только ответственные представители партий, но и рабочие золото-серебреники, ювелиры и бронзовщики. В порядке дискуссий обсуждались программные вопросы, и в заключение дискуссии была принята резолюция: считать Р. С.-Д. Р. П. выразительницей интересов рабочих, а посему рекомендовать всем участникам собрания быть членами ее.

В период боевого под'ема и подготовки декабрьского восстания среди рабочих золото-серебреников настроение было твердое и боевое, и почти не было дня, когда в том или ином районе не происходило бы районного или подрайонного собрания, на которых велась агитация не только по профессиональным, но и по политическим вопросам. Среди рабочих золото-серебреников, ювелиров и бронзовщиков значительная часть готовила самодельное оружие в виде кинжалов, финских ножей и проч. Что же касается огнестрельного оружия, то такового было мало — приблизительно штук 20 — 25 револьверов, которые находились у боевиков; желающих иметь оружие было много, но достать его было негде, так как оружия в распоряжении революционных сил вообще было мало. Согласно докладов Быкова — работа Центрального Бюро велась по линии политического и идейного руководства профессиональных союзов.

Что касается работы профессионального совета, то таковая велась по линии организационно-технического содействия в деле строительства профессиональных союзов. Согласно постановлению Профессионального Совета, в целях достижения большого единения в работе профес. союзов, было снято одно задание на Мясницкой улице во дворе дома № 20, в том доме, в котором помещалась контора и редакция газеты «Русский Листок». В этом помещении решено было разместить все профессиональные союзы города Москвы. Для осмотра здания и размещения профессиональных союзов Советом была образована комиссия из 3 лиц — Муравьева, Н. К., Бобринской и Мамонтова. Помещение было быстро заполнено профессиональными союзами. Союз золото-серебреников также перебрался туда. Но так как снятого помещения оказалось недостаточно для размещения всех профессиональных союзов, то предположено было снять и другое помещение в том же доме. Но этого осуществить не пришлось.

рые мы и приводим: «Что касается вопроса о партийности или беспартийности союза, то надо сказать, что о нашем союзе мало кто знал, так как вся работа его велась исключительно силами только самих рабочих. Я же твердо помню, что наш союз был беспартийный, хотя первый состав правления, избранный в Оптинском училище в ноябре, состоял из с.-д. Поэтому, может быть, у некоторых товарищей сложилось мнение, что союз партийный. Может быть, и потому, что резолюции всегда выносились социал-демократические. На самом же деле союз был беспартийный. Ведь во втором правлении, избранном на общем собрании 27 ноября, были анархисты и с.-р. (правда, всего 3 — 4 человека)». *Ред.*

6 декабря в конце заседания Профессионального Совета, насколько помнится, было об'явлено о состоявшемся постановлении Ц. Б. Профессиональных союзов и партийных организаций о всеобщей забастовке в знак протеста по поводу насилия над Петербургским Советом Рабочих Депутатов и, согласно предложения Львова (партийная кличка), было постановлено присоединиться к вынесенному постановлению Ц. Б. о всеобщей забастовке и принять активное участие в проведении ее.

После установления дня и времени следующего заседания, собрание было закрыто, после чего многие из присутствующих отправились на митинги в сад «Аквариум», который в 1905 г. служил постоянным местом собраний и митингов.

7 декабря вечером, примерно, около 8 часов, в заседании Профессионального Совета, во время докладов с мест о развитии начавшейся всеобщей стачки, вбежало двое товарищей, из которых один был Львов, а второго не помню, и во внеочередном заявлении сообщили об осаде «Аквариума» полицией и войсками.

Помнится, что после этого заявления, было принято постановление: закрыть заседание и направиться всем на места, чтобы готовиться к решительным мерам. Бюро же поручено в случае надобности созвать Совет.

После закрытия заседания Профессионального Совета я направился в помещение союза на Мясницкую, где должно было состояться информационное совещание, но в виду того, что оно кончилось, я застал очень немногих, в том числе Сурикова, Мазурова и Сергея, фамилию забыл, с которым и направился на Тверскую к Триумфальным воротам. Немного не доходя до Садовой встретили отряд рабочих-боевиков, которые усиленно сооружали баррикады из ящиков, досок, кадок и пр., одним словом, что попадало под руки; улицы же переплетались поперек телефонной проволокой; приняв участие в работе по сооружению баррикад на Тверской и по Триумфальной Садовой, мы вынуждены были уйти, так как неимевшим оружие боевики не разрешили оставаться дальше, во избежание излишних жертв.

Вскоре по прибытии к себе домой мы услышали орудийную стрельбу; впоследствии выяснилось, что обстреливали Фидлеровское училище в Лобковском переулке, в котором было собрание.

8 декабря около часу дня группа рабочих золото-серебреников, собравшаяся в помещении союза на Мясницкой, обсуждала вопрос о налете на оружейный магазин в Варсонофьевском переулке с тем, чтобы полученное оттуда оружие употребить в дело на борьбу на баррикадах с царским самодержавием. Я и Быков указывали на несуразность такой затеи, так как оружейный магазин в Варсонофьевском переулке имеет исключительно почти охотничьи ружья, которые в борьбе на баррикадах не годятся. Но у товарищей было настолько сильно желание иметь оружие, что, несмотря на раз'езжающие патрули, они все-таки пошли и забрали там 8 штук револьверов разной системы и, кажется, две вин-

товки и значительное количество патронов, которые, когда их стали примерять, оказались совершенно не подходящими ни к винтовкам, ни к револьверам.

Все добытое оружие было роздано боевикам, среди которых были Сударикoв младший и кажется Сунгуров, других не помню.

Все попытки мои и Быкова пробраться 9 декабря на место явки Ц. Б. в Грузины не удались и, пробившись почти весь день, мы вынуждены были вернуться обратно к себе в Рогожский район. На этом, пожалуй, и можно закончить 1905 год, так как история московского вооруженного восстания всем известна.

Сообщил М. Р.

Отчеты Московского Центрального Бюро Профессиональных Союзов.

Московское Центральное Бюро зародилось в октябре 1905 года и первое время существовало под названием «Бюро Уполномоченных». Отчеты о шести заседаниях от октября по декабрь 1905 г. были напечатаны в «Бюллетенях Музея Содействия Труду». В декабре со дня об'явления всеобщей забастовки до конца месяца Бюро бездействовало.

Лишь 1 января 1906 года произошло заседание Бюро, на котором, кроме членов Исполнительной Комиссии, присутствовали 4 представителя от профессиональных союзов. Второе заседание происходило 8 числа в присутствии 8 представителей союзов. Третье заседание происходило 15 января. На этом заседании присутствовали уже 12 представителей союзов.

Оживленная работа Центрального Бюро продолжалась до разгона первой государственной думы. В профессиональной прессе того времени сохранились сведения о 7 заседаниях Центрального Бюро, происходивших 29/I, 5/II, 12/II, 8/III, 28/V и 4/VI.

После разгона первой Государственной Думы собрания Центрального Бюро привлекали все меньшее и меньшее число делегатов. Причина этого коренилась, по словам Тюрина [1]), в общем упадке настроения и в разгроме многих крупных союзов. Бюро редело с каждым очередным заседанием.

Под влиянием наступившей реакции Центральное Бюро начало расползаться, а затем и совсем прекратило свою деятельность.

Спустя немного времени союзы снова стали готовиться к восстановлению Центрального Бюро и на одном собрании представителей 11 союзов был выработан устав Центрального Бюро, положенный в основу возродившегося Бюро. Уставом Тюрин назвал резолюцию о целях и составе Бюро, содержащуюся в одном из публикуемых нами отчетов.

Краткие отчеты о заседаниях Московского Центрального Бюро в свое время печатались в профессиональной печати того времени: в питерских «Профессиональном Союзе» (1906 г.), «Профессиональном Вестнике»

[1]) «Моск. Центр. Бюро проф. союзов», изд. в 1913 г.

(1907 г.) и московских «Рабочем Союзе» (1906 г.) и «Профессионале» (1907 г.), а также в выходивших в Москве органах отдельных союзов (печатников, приказчиков и др.). Но если за период до средины 1906 г. в легальную печать могли попасть, благодаря общей революционной обстановке, более или менее полные сообщения о деятельности Центрального Бюро, то со 2-й половины 1906 г., благодаря все усиливавшейся реакции, приходилось в отчетах, помещаемых в печати упускать много важных моментов из деятельности Центрального Бюро, могущих в случае их опубликования повлечь за собою полицейские преследования против профессиональных союзов и органов рабочей печати.

Это, повидимому, и побудило Центральное Бюро выпускать специальные отчеты о своих заседаниях, которые печатались нелегально на отдельных листовках и распространялись по союзам. К сожалению, полного комплекта отчетов найти не удалось, лишь некоторые из них сохранились в делах московского охранного отделения. Ниже мы и помещаем четыре таких отчета.

Печатаемый здесь первым отчет (по нумерации Центрального Бюро—4-ый), относится, повидимому, к сентябрю или же к последним числам августа месяца. Ссылка в нем на «первое заседание» должна быть отнесена к тому учредительному собранию представителей 11 союзов, о котором говорит Тюрин.

Второй отчет (по нумерации Центрального Бюро — 5-ый) затрагивает вопрос о средствах первого Московского Совета Рабочих Депутатов и о передаче их Центральному Бюро. Тюрин упоминает о том, что Центральное Бюро получило средства одной из бывших рабочих организаций и только из печатаемого отчета ясно, что речь идет о средствах, оставшихся после Московского Совета Рабочих Депутатов.

Судя по тому, что в этом отчете говорится о предстоящем выходе «Рабочего Союза», первый номер которого вышел 3 октября, этот отчет относится, повидимому, к первой половине сентября.

Последние 2 отчета о заседаниях от 13 и 27 мая относятся к 1907 году.

---

1. Отчет о заседании Московского Центрального Бюро.

Очередное заседание.

Выслушав заявление об оказании помощи бастующим «часовщикам» и их желании примкнуть к одному из существующих союзов родственной профессии — ЦБ предложило товарищам-«часовщикам» войти в сношение как с союзом рабочих по обработке благородных металлов, так и с союзом рабочих по металлу и примкнуть к одному из них. Что же касается помощи бастующим, Ц. Б. решило обратиться ко всем союзам с указанием необходимости поддержать товарищей в их борьбе за улучшение условий труда и оказать им материальную поддержку.

После этого был рассмотрен и утвержден вопрос о приглашении с правом совещательного голоса членов Организационной Комиссии по созыву Всероссийского С'езда профессиональных союзов и представителя от Юридической комиссии. Вопрос же о предоставлении такового права Всероссийскому Железнодорожному Союзу решено было отложить до следующего заседания, на которое должен быть приглашен для совместного выяснения вопроса представитель от железнодорожного союза. Относительно так называемой «оппозиции» соц.-революционеров принята резолюция Исполнительной Комиссии, согласно которой представитель «оппозиции» с.-р. не приглашается на заседания Бюро впредь до запроса с ее стороны о желательности представительства.

В виду полного состава собрания (присутствовали представители от двадцати наиболее крупных союзов) — было решено рассмотреть резолюции первого заседания Ц. Бюро, каковые и были утверждены. Содержание резолюций следующее:

[1) Ц. Б. Профессиональных союзов ставит своей главной целью содействие профессиональному движению в г. Москве и об'единению деятельности отдельных профессиональных союзов; с этой целью оно собирает статистические сведения и отчет о деятельности союзов, публикует и распространяет их, разрабатывает различного рода общие вопросы профессионального движения и выпускает соответствующую литературу (необходимый орган), организует библиотеки, клубы, лекции и т. п., берет на себя инициативу созыва различных конференций и с'ездов.

2) Ц. Б. является для профессиональных союзов органом совещательным.

3) Ц. Б. является организацией беспартийной и связывается для согласованности действий с различными пролетарскими партиями и организациями, приглашая к себе представителей партийных организаций и посылая представителей в беспартийные пролетарские организации (напр., в комиссию безработных).

Ц. Б. оставляет за собой право в известных случаях делать от своего имени заявления различного рода организациям и учреждениям, делегируя туда на этот случай своих представителей.

Состав Центрального Бюро.

1) Правом посылать своих представителей в Ц. Б. пользуются те союзы, которые имеют какой-либо коллектив, будь то Правление союза или Делегатское собрание, независимо от того, утвержден ли Устав градоначальником или нет.

2) Союзы посылают в Ц. Б. своих представителей, избранных из среды действительных членов или Правлением Союза, или Делегатским Собранием, или же общим собранием всех членов данного союза (последний способ избрания наиболее желателен).

3) Каждый союз имеет право независимо от количества членов посылать в Ц. Б. представителей с правом решающего голоса (рекомендуется каждому союзу выбирать кандидатов, которые бы во всякое время могли заменить представителя в случае его выбытия из Ц. Б.).

4) Правом представительства в Ц. Б. могут пользоваться те партийные учреждения и организации, которые ведут работу среди пролетариата и содействуют росту профессионального движения, при чем в каждом отдельном случае вопрос о предоставлении права представительства подлежит обсуждению Ц. Б.

5) Ц. Б. выбирает из своей среды Исполнительную комиссию для проведения в жизнь постановлений Ц. Б., ей предоставляется право кооптировать в свой состав с совещательным голосом лиц нужных и полезных для Ц. Б.] [1]).

Утвердив вышеуказанные резолюции, собрание приступило к выборам Исполнительной Комиссии, которая и была избрана в количестве девяти человек. Рассмотрение остальных вопросов за недостатком времени решено было отложить до следующего заседания.

2. Отчет о заседании Московского Центрального Бюро Профессиональных союзов.

Очередное заседание.

Согласно постановления предыдущего заседания, обсуждался вопрос о праве представительства Всероссийского Железнодорожного союза в Ц. Б., при чем было решено предоставить ему таковое с совещательным голосом. Выслушав далее доклад о заседаниях Исполнительной Комиссии, собрание перешло к обсуждению резолюций Исполнительной Комиссии относительно помощи бастующим товарищам, гласившей, что: «В целях большей осведомленности и наиболее правильного распределения средств среди бастующих товарищей — Исполнительная Комиссия предлагает союзам доставлять ей сведения о всех стачках (их начале, размерах, выставленных требованиях и их конце) и заявлять в Исполнительную Комиссию о желании получить помощь, при чем, если вопрос [не] касается займа, то, рассмотрен вопрос, Исполнительная Комиссия оповещает все союзы о необходимости оказать поддержку и является, таким образом, посредником между бастующими и союзами; если же вопрос идет о помощи бастующих и пострадавшим за данную забастовку взаимообразно, то, в случае наличности средств, Ц. Б. может отчислить из них ту или другую сумму. В случае же невозможности [отчисления] их, открывает подписку для сборов в пользу бастующих или от своего имени, или же представляет каждому союзу делать сборы от своего имени самостоятельно». — Приняв резолюцию, собрание высказало пожелание Исполнительной Комиссии разработать вопрос об отношениях между Ц. Б. и отдельными союзами в проведении стачек.

---

[1]) Часть, заключенная в прямые скобки, была напечатана в № 1 «Рабочего Союза» от 3 октября 1906 года. Там этот отчет по номерации Ц. Б. является четвертым.

Вслед за этим обсуждался вопрос об оставшихся средствах Совета Рабочих Депутатов. После доклада о них и долгих дебатов было принято большинством 16 голосов против 2-х при одном воздержавшемся следующее:

Во-первых, поручить Исполнительной Комиссии войти в соглашение как с партиями и организациями, входившими в состав Совета Рабочих Депутатов, так и с лицами, у которых хранятся деньги по вопросу о передаче средств Совета Рабочих Депутатов в распоряжение Ц. Б., как организации беспартийной и могущей более, чем какая-либо другая организация, быть преемником средств Совета Рабочих Депутатов;

Во-вторых, в случае перехода вышеуказанных сумм в распоряжение Ц. Б., расходование их должно производиться каждый раз по особому постановлению Ц. Бюро.

В-третьих, в случае возникновения нового Совета Рабочих Депутатов оставшиеся суммы должны быть переданы в его распоряжение.

В виду усилившихся гонений на профессиональные союзы со стороны местных властей, Исполн. Ком. было поручено выпустить листок соответствующего содержания.

Последним обсуждался вопрос о более правильной постановке ведения книг в союзах. Собрание поручило Исполнительной Комиссии войти в сношение с союзом конторщиков и бухгалтеров по данному вопросу и организовать ряд лекций по бухгалтерии для казначеев, секретарей союзов и вообще лиц, ведущих в профессиональных организациях денежную отчетность.

За недостатком времени вопрос об Областной конференции профессиональных союзов, доклад о конференции портных и рабочем с'езде были отложены до следующих заседаний.

КАССОВЫЙ ОТЧЕТ Ц. Б.

Приход:

Поступило по подписным листам:

№ 1.	15 р.	
№ 2.	10 »	
№ 3.	1 »	16 к.
№ 4.	10 »	
№ 7.	5 »	
№ 13.	5 »	
Итого.	44 р.	16 к.

Расход:

Штемпель и бланки.	2 р.	
Печатание отчетов: 450 экз.	2 »	50 к.
Почтовые расходы.	— »	20 »
Итого.	4 р.	70 к.
В наличности у казначея.	39 р.	46 к.
Итого.	44 р.	16 к.

Из доклада Исполнительной Комиссии.

В двух последних заседаниях Исполнительной Комиссии обсуждался вопрос о более тесной связи Ц. Б. с музеем Содействия Труду и избрана для постоянных сношений с музеем комиссия, состоящая из трех лиц.

По вопросу о врачебной помощи поручено представителю Исп. Ком. войти в переговоры с врачами и предложить им возобновить деятельность комиссии врачей, обслуживавшую ранее союзы врачебной помощью. В виду скорой возможности появления в Москве печатного органа «Рабочий Союз», посвященного профессиональному движению, Исполнительная Комиссия решила озаботиться своевременной доставкой материалов о деятельности профессиональных союзов в редакцию журнала.

3. Отчет Центрального Бюро.

На заседании от 13 мая были представлены с решающими голосами следующие союзы: 1) техников — 2, 2) деревообделочников — 2, 3) кондитеров — 1, 4) фармацевтов — 1, 5) высших городских служащих и рабочих — ..., 6) фотографов — 1, 7) кошелечников — 1, 8) кожевников — 2, 9) проф. жел.-дор. — 1, 10) водопроводчиков — 1, 11) сапожников — 0, 12) мясников — 1, 13) аппретурно-красильщ. — 1. Кроме того, с совещательным голосом от Областного бюро ткачей — 1, Областного бюро портных — 1, представитель Московского Комитета Р. С.-Д. Р. П., секретарь Ц. Б.

Порядок дня: 1) Отчет ревизионной комиссии по 1 апреля. 2) Об организации совета безработных. 3) О всероссийском с'езде. 4) Отношение и тактика союзов к последним репрессиям.

Отчет ревизионной комиссии был утвержден всеми членами Собрания при трех воздержавшихся.

По вопросу об организации Совета безработных из представленных союзов высказались: слесарно-строительный, фотографов, ткачей, аппретурно-красильщ., фармацевтов, водопроводчиков, кондитеров и профессиональный железнодорожный. Все, за исключением жел.-дорожного, высказались за план Ц. Б. (см. «Профессионал», № 2, и разосланный Исполн. Комитетом при Ц. Б. проект). Из прений выяснилось, что безработица после пасхи сильно увеличилась, много безработных среди ткачей, строительный сезон еще не наступил, масса безработных среди табачников. После долгих прений, за проект Ц. Б. высказалось 5 человек, за проект тов. Мак.[1]) (об организации Совета безработных не при союзах, а по районам) — 5 человек. Воздержалось 4. Принимая во внимание, что союзы тех профессий, где больше всего безработных, сегодня не были представлены и что голоса разделились, собрание постановило отложить окончательное решение до следующего собрания, обязав всех представителей доставить мнения своих союзов.

В связи с докладом представителя Обл. Бюро портных о репрессиях, выдвинут был вопрос о тактике и об отношении к репрессиям градоначальника. Так как не было точного и полного материала, собрание поручило Исполнительн. Комиссии сделать к следующему собранию доклад о репрессиях против Московских союзов, а членам Ц. Б. представить заявления о всех репрессиях и обстоятельствах, при которых они происходили (аресты, обыски, неразрешенные собрания, угроза закрыть союз, отказ в регистрации и т. д.).

Собрание одобрило проект И. К. об организации из представителей Ц. Б. и пяти существующих в Москве Областных Бюро Комиссии, способствующей созыву Всероссийского с'езда профессиональных союзов. Собрание предлагает всем делать добровольные отчисления в Организ. Комиссию по созыву Всероссийского с'езда. Вопрос о взносе 200 руб. Центр. Бюро в организационную Комиссию собрание отложило до следующего заседания. К следующему собранию должно быть представлено мнение союзов об организации юридической помощи и Совета безработных.

---

[1]) Тов. Макар (Ногин), который мог быть в качестве представителя М. К. *Редакция.*

4. Отчет Центрального Бюро Московских профессиональных союзов.

На заседании от 27 мая были представлены с решающими голосами следующие союзы: 1) металлистов — 1, 2) сапожников — 2, 3) архитект.-строит. — 1, 4) водопроводчиков — 1, 5) парфюмеров — 1, 6) портных — 1, 7) кондитеров — 1, 8) ткачей — 2, 9) кожевников — 10) техников — 2, 11) деревообделочников — 2, 12) официантов—1, 13) дрогистов—2, 14) городских служащих—2, 15) электротехников—2, 16) обойного производства—2, 17) фотографов—1, 18) кошелечников—2, 19) домашней прислуги—1, 20) почтово-телеграфных—1, 21) чаеразвесочников—1. С совещательным голосом присутствовали представители от областн. бюро портных; областн. бюро рабочих по металлу; представитель Московск. Комит. РСДРП и секретарь ЦБ. Выслушав доклад Исполн. комиссии, собрание ЦБ заимообразно ассигновало сто рублей союзу обойного призводства для поддержки бастующих рабочих на фабрике Ронталлера. Следующим рассматривался вопрос об организации безработных.

Предварительно был произведен опрос союзов. Высказались за план Моск. К-та РСДРП союзы металлистов, сапожников, кожевников, кошелечников, кондитеров, дрогистов, обойщиков, железнодорожный, всего восемь союзов; за план ЦБ—водопроводчиков, архитектурно-строительный, официантов, электротехников, деревообделочников, табачников — всего шесть союзов. Остальные еще не обсуждали.

Затем решено было поставить на голосование оба плана, при чем за резолюцию и план Моск. К-та Р. С.-Д. Р. П. высказалось 17 делегатов, за план ЦБ 10 делегатов. Остальные воздержались. Принят следующий план организации безработных:

1) Безработные организуются самостоятельно.

2) Общая организация безработных производится по районам без различия профессий.

3) Основной ячейкой является общее собрание безработных в районах, выбирающее из своей среды в качестве исполнительного органа районный совет безработных. — В районный совет безработных входят с решающим голосом представители профессиональных союзов и заводов данного района.

4) Общее районное собрание безработных рассматривает и решает все вопросы, касающиеся положения безработных, заслушивает отчеты и контролирует деятельность своих представительных органов: районных и обще-городского советов.

5) Каждое районное собрание безработных выбирает из своей среды пропорционально числу своих членов по особо выработанной норме представителей в обще-городской совет безработных.

6) Обще-городской совет руководит общим движением безработных, заведует распределением помощи, работы и производит сборы в пользу безработных.

7) Районные и обще-городской советы безработных выбираются на срок в три месяца и обязаны еженедельно сдавать отчеты.

8) Как совет, так и вся организация безработных находятся под контролем Центрального Бюро профессиональных союзов и социалистических партий.

9) Регистрация безработных производится как районными советами, так и профессиональными союзами по рекомендации двух членов профессиональных союзов.

10) Безработным, входящим в организацию, вменяется в нравственную обязанность по нахождении работы вступить в соответствующий профессиональный союз.

Поправка к п. 1-му: «в обще-городской совет безработных входят представители фабрик и заводов» отклонена. Затем была выбрана комиссия из пяти лиц,

которая должна снестись с М. К. Р. С.-Д. Р. П. и немедленно приступить к проведению в жизнь принятого плана.

После обсуждения проекта юридической комиссии при ЦБ, собрание приняло следующий проект.

1) Деятельность юриста не может ограничиваться лишь юридической помощью в тесном смысле слова, а должна преследовать цель участия во всей вообще жизни союза. В особенности же для юрисконсультов союза обязательно возможно точное знакомство с техническими и бытовыми условиями жизни союза и условиями производства.

2) Ведение дел на суде обязательно лишь в отношении дел, возникающих из классовой борьбы, т.-е. из договора найма между хозяевами и рабочими, включая сюда и увечные дела.

3) Деятельность юристов оплачивается профессиональными союзами.

I. Каждый профессиональный союз должен дать адреса всех юристов юридической комиссии — с точным указанием дней и часов приема юристами членов союза по юридическим делам. При этом в качестве легитимации не требуется никакой рекомендации Правления — лишь представляется книжка. Адреса юристов должны быть известны не только в правлении союзов, но на всех фабриках и заводах, входящих в союз.

II. Все союзы распределяются между юристами — юридическими секретарями. В зависимости от размера союза и от потребности для него юридической работы, некоторые союзы имеют несколько юристов. Наоборот, мелкие союзы имеют сообща одного юриста. Распределение юристов по союзам совершается юридической комиссией.

IIIа) Юристы — юридические секретари обязаны в установленные дни и часы по соглашению с правлением союза давать советы по всем делам союза.

IIIб) Кроме дежурств на дому, согласно вышеуказанного, обязательность дежурств в правлении устанавливается лишь в союзах, имеющих отдельных юрисконсультов и при том по соглашению юрисконсультов союза с правлением его.

IIIв) Присутствие рабочих от правления в консультации, где только это возможно, необходимо.

IV. Союзы, получающие доход до 500 рублей включительно в месяц, оплачивают труд юриста отчислением 3% с ежемесячного дохода, а получающие свыше 500 рублей — 25 рублей в месяц. Гонорар этот юристы получают за дачу советов, составление прошений.

V. Для юриста обязательно ведение на суде только тех дел, которые вытекают из классовой борьбы, т.-е. из договора найма между хозяевами и рабочими, включая сюда увечные дела, если при этом дела не представляются явно безнадежными с юридической стороны. Вопрос о безнадежности решается юридическим секретарем и в случае сомнений юридический секретарь обязан обсудить вопрос о безнадежности совместно с товарищами юристами в составе не менее трех лиц.

VI. Издержки на ведение обязательных дел, как-то: судебные пошлины, гербовый сбор, листовой сбор, канцелярские расходы и проч. выдаются клиентами или правлением союза. За ведение дела юридический секретарь получает 5% с взысканной суммы. В случае окончания дела миром вне суда уплачивается 2%. По получении ответа на анкеты (на-днях будет рассылаться), которые выяснят степень нужды союзов в юридической помощи, юристы распределяют между собою союзы. Согласно мнению юридической комиссии мера эта является временной.

Исполнительная комиссия докладывает, что уже образовалась областная организационная комиссия по созыву всероссийского с'езда профессиональных союзов (в состав ее входят представители пяти существующих областных бюро,

союза печатного дела и Исполн. Ком. при Ц. Б.). Комиссия эта: 1) обратилась в Орг. Ком. с просьбой выпустить специальный листок по поводу с'езда для распространения в Москве и области. 2) Предлагает всем союзам на правлениях, делегатских и общих собраниях (где это возможно) обсуждать порядок дня с'езда. Там, где нет товарищей, знакомых с этим вопросом, комиссия постарается послать своих докладчиков. 3) Предлагает ассигновать Центральному Бюро 200 рублей в организационную комиссию для созыва всероссийского с'езда, для подготовки и агитации к с'езду. Собрание ассигновало единогласно 200 рублей. (100 рублей ассигнованы были в апреле месяце).

По вопросу о созыве областной конференции Исполн. Ком. докладывает, что материалы до 1 июня будут разосланы по союзам для обсуждения резолюций и порядка дня и об'являет, что, если московские союзы не представят Исполн. Ком. до 15 июня писанных докладов, то конференция не сможет состояться в конце июня, а тогда ее придется отложить на неопределенное время.

ИЗ МАТЕРИАЛОВ УКРАИНСКОГО ИСТПРОФА.

Г. НОВОПОЛИН.

Забастовки подростков в Екатеринославе.

(Воспоминания).

I.

Эксплоатация детского труда в Екатеринославе была ничуть не слабее, чем в других промышленных районах России. В период промышленного оживления Екатеринослава, в 90 г. г. прошлого столетия, город был наводнен выброшенными из деревень выходцами, приезжавшими сюда вместе с семьями. В урочные и неурочные часы у контрольных ворот толпилось множество подростков со своими родителями, в ожидании мастера и начальника цеха. Фабриканты, с своей стороны, широко раскрывали ворота для дешевого детского труда. Эксплоатация приняла такие размеры и формы, в сравнении с которыми даже каторжный труд взрослых казался раем. Видимость законодательной охраны труда кое-как давала себя знать лишь в крупных фабрично-заводских предприятиях, куда внимание фабричной инспекции привлекали большие массы рабочих. Зато в средних и малых предприятиях произвол хозяев оставался безграничным даже при законах по охране детского труда. Возрастом «учеников» совершенно не стеснялись. Даже на такой крупной фабрике, с вредным производством, как табачная фабрика бр. Джигит, где постоянно дежурил представитель администрации, дети-рабочие в возрасте 9-ти и 10-ти лет был обычным явлением. Фабричных инспекторов просто дурачили, пред'являя им чужие паспорта, соответствующие «законным» требованиям. Да и сами родители, вынужденные голодом отдавать своих детей на фабрику, пред'являли часто метрические выписи старших детей, формально соответствующие требованиям закона. Известны были случаи, когда детей прятали в чулан, чтобы скрыть их от фабричных инспекторов, когда те пытались проверять их возраст.

Тяжелы были условия детского труда в производственных предприятиях, где была хотя-бы видимость охраны труда. Но еще тяжелее были условия детского труда в торгово-промышленных учреждениях, где условия труда никем и ничем не регламентировались. Тут, особенно в черно-бакалейных и гастрономических магазинах, 16-ти и 18-ти часо-

вый рабочий день считался нормальным. Сюда инспекция не заглядывала. Мальчики-приказчики обыкновенно не получали заработной платы лет до 16-ти, когда им назначалась плата в 10—15 р. в месяц. Что касается огромной в Екатеринославе категории железо-скобяных магазинов (Толстикова, Пронина, Алексеева и др.), то они вербовали своих служащих из деревенских детей, которые смотрели на хозяина, как на благодетеля. Эти мальчики были на полном иждивении (квартира, стол и одежда) своих хозяев, в полном рабстве у них и у членов их семей, исполняя одновременно с должностью приказчика также обязанности дворника, посыльного и т. п., получая ничтожное вознаграждение и жадно выжидая наградных к рождеству и к пасхе...

Никакой организации, которая обратила бы внимание на эксплоатацию детского труда, до поры до времени, не было. Правда, еще с 1888 года в Екатеринославе существовало «Общество вспомоществования приказчиков», но оно с самого начала было захвачено хозяевами и управляющими. Не только дети-подростки, которые по уставу не имели права вступать в члены, но и взрослые рабочие не находили защиты в этой организации. Состояние беззащитности толкало подростков и детей на путь самопомощи, самодеятельности и самоорганизации. И в 1905 г., когда рабочее движение широкой волной разлилось по городу, начали организовываться и выступать также юные труженики.

Как-то стихийно выделилась группа наиболее закаленных и активных, которые и выступали в качестве представителей. 5-го июля (ст. ст.) мальчики обратились в правление Общества приказчиков с просьбой предоставить им помещение для собрания. Часа в 4 дня заседание открылось. По общей обстановке и составу аудитории собрание имело совсем необычайный характер. Большой зал общества приказчиков весь был переполнен детьми в возрасте от 10 ти до 12-ти лет. Председателю было лет 11. При всем том заседание велось им необычайно строго и по всем правилам парламентского искусства, а юная аудитория вела себя не хуже взрослых.

Речь юного председателя, приблизительно, сводилась к следующему. Мальчики магазинов — наиболее обиженные представители пролетариата. Первые годы «службы» мальчиков уходят на домашние услуги, хозяева позволяют себе пускать в ход кулаки. Этим не брезгуют даже и старшие приказчики. Что касается рабочего дня, то он часто начинается в 6 час. утра, когда приходится ходить с хозяйкой на базар. Затем нужно спешить в магазин, чтобы открыть ставни и кончать уборку ко времени прихода приказчиков, а потом приняться за общую работу: по торговле, упаковке и распаковке товаров. Мальчики, таким образом, исполняли обязанности и рабочих. Для обеда определенного времени нет, часто дети остаются совсем без обеда. Вечером же приходится уходить позже всех, ибо на обязанности мальчиков лежит уборка товаров и спускание штор. Особенно ужасна жизнь детей на толкучке и в малень-

ких магазинах. Хозяева их тащат с собой по ярмаркам в селах, часто по слякоти, грязи и пыли и в жару, заставляя спать на голой земле и работать от зари до зари.

Участники собрания яркими примерами из своей жизни подтвердили положения председателя. Получилась удручающая картина, взволновавшая и без того возбужденную аудиторию. Мальчики разошлись, выработав целый ряд требований: о неприкосновенности личности, о вежливом обращении, о 8-ми час. рабочем дне, который бы дал возможность учиться, об оплате годов ученичества и т. п. Заседание закончилось поздно ночью.

Забастовка мальчиков-приказчиков была сигналом. Вслед за ними, началась волна «детских» забастовок, одна похожая на другую. Вскоре забастовали мальчики, работавшие у обувных заготовщиков, пред'явившие следующие требования: 1) 8-ми часовый рабочий день, 2) мальчики должны приниматься в «ученики» не более, чем на 2 года, 3) мальчики должны получать первый год по 3 р., а второй год по 6 р. в месяц, 4) мальчикам, прослужившим более 2-х лет, должны дать прибавку по определению выборной комиссии, 5) в «ученики» не должны приниматься мальчики моложе 13-ти лет, 6) от мальчиков не должны требовать исполнения домашних работ, они также не должны быть на посылках, 7) мальчику перед праздниками должны выдавать авансы в размере получаемой им месячной платы, 8) за забастовку никто из мальчиков не должен пострадать, 9) за все дни забастовки хозяева должны уплатить полностью по поденной раскладке месячного жалования.

7-го июля забастовали мальчики типографий. Тогда же они собрались в летнем театре Общественного собрания для выработки своих требований. Присутствовали мальчики типографий бр. Яковлевых, Копылова, Цеткина, Сатановского, Бурового, Брайловского, Гершеновича, Беренштейна, Рубинштейна, Штарбера, Барановского, Торгмана, «Труда», «Прогресса», Земской типографии и типографии Губернского правления. На заседании присутствовал в качестве представителя от «Общества тружеников газетного и печатного дела» и автор этих строк. После оживленного обмена мыслей собранием были приняты следующие требования: 1) 6-ти час. рабочий день. (Желательно распределить его таким образом: летом—от 7-ми до 11 час. утра и от 3-х до 5-ти час. дня, зимой—от 8-ми до 11 час. утра и от 3-х до 6-ти час. вечера). 2) Работающий в типографии считается мальчиком от 14-ти до 16-ти лет (во всяком случае работающий не более 2-х лет в типографиях). Имеющий свыше 16-ти лет и работающий более 2-х лет, считается подмастерьем, при чем подмастерьем он должен быть не более 3-х лет. 3) Работа подмастерьев должна продолжаться 8 часов и распределяться: летом от 7-ми до 1 ч. и от 3-х до 5-ти, а зимой от 8-ми до 1 час. и от 3-х до 6 час. вечера. 4) Поступающий впервые мальчик первый месяц жалования не получает, если он оставлен хозяином на дальнейшую службу. Если же он

будет уволен в течение первого месяца, то при уходе должен получить за проработанное время, по расчету из 5-ти руб. в месяц. Со второго месяца мальчик должен получать по 5 р. в месяц. По истечении года прибавка в 3 р. Находящимся сейчас на службе мальчикам и подмастерьям требуется прибавка 33%. 5) Обязательное, в пределах 2-х классных училищ, обучение за счет хозяев. 6) Ежегодные ежемесячные отпуски с сохранением содержания. 7) На мальчиков и подростков не должны быть возлагаемы работы чернорабочих, как подметание и мойка полов в мастерских, выдувание из касс, выбор шрифта и магериала из сора, смывание машин, плит, форм, переноска тяжестей и т. п. 8) Мальчики не должны быть отрываемы от работы никакими посторонними поручениями, не должны быть употребляемы на домашние услуги ни хозяев, ни старших рабочих, хозяин не вправе требовать от мальчиков, чтобы они являлись в типографию или на квартиру хозяев в свободные от работы часы. 9) Безусловно вежливое обращение со всеми мальчиками как со стороны хозяев, так и рабочих. 10) За забастовку никто не должен быть уволен, уволенные во время забастовки должны быть приняты обратно, всякий рассчитанный до истечения 3-х месяцев, будет считаться рассчитанным за забастовку и ему должны будут уплатить за 3 месяца. За все дни забастовки должно быть уплачено полностью. 11) Бесплатная медицинская помощь и отпуск лекарств за счет хозяев. 12) Во время болезни за две недели мальчик получает плату сполна и до окончания болезни половину содержания. 13) Мастерам должно быть вменено в обязанность разнообразить работу по специальностям. 14) По уходе из типографии, контора обязана дать мальчику справку о времени, проведенном им на службе в типографии, не касаясь его характеристики. 15) Мальчикам должны быть выдаваемы рабочие книжки на общих основаниях, со включением в них всех условий работы. 16) Накануне праздников работа должна оканчиваться на 1 час раньше обыкновенного. Все эти требования касаются всех мальчиков и подростков, служащих по всем отраслям типографии (в том числе брошюровочной, переплетной, линевальной и т. д.). 17) Во всех типографиях должны быть умывальники, полотенце и мыло. 18) Часы должны висеть в мастерской.

Я оставался на собрании до конца и должен засвидетельствовать редкое самообладание и дисциплинированность собравшихся и полную их самостоятельность. Правда, они поручили вести переговоры с хозяевами правлению Общества печатников, но выбрали ему в помощь делегацию из мальчиков в составе: Лишняка, Брыскина, Годенко, Мейровича, Духана, Волченко, Левита, Гуревича и Островского, которые оказались дельными помощниками.

Дружный напор юных забастовщиков дал положительные результаты. Почти все требования были удовлетворены. Но дело было не в непосредственном результате дружной забастовки. Она была первым боевым крещением молодежи, первой ставкой на организованность. Моло-

дежь получила возможность наглядно оценить силу дружных усилий и солидарности. Это был ее первый организованный шаг в борьбе с классовым врагом, придавший ей энергию и бодрость в дальнейших выступлениях. В позднейших выступлениях подростки настаивали на совместных забастовках со взрослыми. Забастовки, последовавшие за летними, не носили уже сепаратного характера одного детского выступления: дети бастовали вместе со взрослыми, и общие требования заключали в себе пункты, относившиеся к положению детей и подростков.

С. МЕКСИНА.

Первые стачки екатеринославских металлистов в 1905 г.

Классовая активность екатеринославских металлистов в 1905 г. была подготовлена всем прошлым рабочего движения в этом районе. Сосредоточенные в небольшом количестве крупных предприятий (заводы: Брянский, Гантке, Эзау и др.) екатеринославские металлисты представляли концентрированную массу, весьма восприимчивую к классовой агитации.

К 1905 г. они имели уже в своем активе ряд ярких массовых выступлений вроде известного «брянского бунта» 1898 г., всеобщей политической стачки 1903 г. и других, менее крупных по внешнему эффекту, но не менее важных по внутреннему содержанию и упорству, стачек. Движение имело уже свои традиции и своих рабочих вождей (Г. И. Петровский и другие), выдвинутых самой массой. Положение усугубилось промышленным кризисом, который принял в екатеринославской металлической промышленности особенно острые формы. Безработица возрастала, заработная плата понизилась. Неудивительно поэтому, что екатеринославские металлисты первые откликнулись на январские события в Питере — первые и по времени, и по организованности и яркости их выступлений.

В других центрах Украины первый в 1905 г. под'ем стачечной волны стал обнаруживаться в конце января и в средине февраля, а кое-где и позже. У екатеринославских металлистов стачка началась 18 января. В описании полицейского рапорта начало забастовки представлялось в таком виде (из донесений пристава 6-й Брянской части на имя екатеринославского окружного суда):

«18 утром на вверенных мне заводах сделалось известным, что за Амуром [1]) заводы прекратили работы, и 18 января около 10 часов на заводе Общества русской железной промышленности Гантке был дан в неурочное время гудок, по которому рабочие прекратили работу. Рабочие при забастовке и выходе из завода вели себя спокойно. Забастовка на заводе Гантке отразилась на соседних заводах Общества трубопрокатных заводов. 19 января, после утреннего гудка в 6 час., через 7 минут последовал другой гудок в неурочное время.

Это же гудок дурно отозвался и на Брянском заводе. В 7 часов утра на Брянском прекратили работу и разошлись по домам. 20 января

[1]) Заводской район в Екатеринославе.

по утреннему гудку рабочие собрались, но к работе не приступили. 21 января опять собрались, но, в виду неполучения ответа на пред'явленные требования, разошлись. Забастовка носит мирный характер».

Забастовка эта, как и вся стачка первых двух-трех месяцев 1905 г. на Украине, имела преимущественно экономический характер. Но важно то, что тут, на екатеринославских металлургических и металлообрабатывающих предприятиях, почти повсюду были пред'явлены одинаковые требования. Из этого можно заключить, что организационная связь между металлистами была в то время уже достаточно высока.

Общие для всех металлистов требования таковы: 1) ввести 8-ми часовый рабочий день, 2) увеличить заработную плату, 3) установить вежливое обращение с рабочими и устранить обращение на «ты», 4) уволить грубо обращающихся с рабочими мастеров, 5) устроить школы для детей рабочих, библиотеки, бани, 6) оканчивать работы в предприятиях в предпразничные дни на 2 часа раньше, 7) оплачивать рабочему за время болезни, 8) назначить сменную комиссию из рабочих и заводоуправления для разрешения недоразумений между администрацией и рабочими, 9) оплачивать брак по вине завода, 10) оплачивать за дни забастовки, 11) оплачивать за прогулы по вине завода, 12) улучшить гигиеническое состояние столовой и мастерских, 13) не налагать кары на забастовщиков, 14) назначить выборных от каждого цеха. На некоторых заводах пред'являлись еще требования по охране труда, которые составлялись в зависимости от местной (на данном предприятии) обеспеченности.

Заводчики начали сговариваться и образовали довольно прочный фронт против об'единенного требования рабочих. От уменьшения рабочего дня отказались все предприниматели. Удовлетворены были лишь следующие требования: 1) оканчивать работу в предпраздничные дни на 2 часа раньше, 2) вежливо обращаться с рабочими, 3) оплачивать брак по вине завода, 4) улучшить гигиеническое положение в столовых и мастерских, 5) устроить школы и бани, 6) назначать выборных от каждого цеха, 7) удалить опороченных мастеров. Эти требования были приняты всеми заводами.

Особняком остались три вопроса, которые вызвали много споров и различно разрешались. Это вопросы: 1) о заработной плате, 2) медицинской помощи рабочим, 3) о каре за забастовки.

Повысить заработную плату почти повсеместно отказались, при этом ссылались, большей частью, на промышленный кризис. На некоторых заводах рабочие все же кое-чего добились. На сталелитейном — Эзау — заводоуправление обещало повысить заработную плату на 5 коп. и расценки на работы в паровозных и вагонных мастерских на 10%. На эстампажном заводе обещали через месяц вступить в переговоры о расценках. От оплаты времени болезни рабочих отказались все заводоуправления, указав, что сейчас не стоит об этом говорить, так как готовится

к изданию закон о государственном страховании и о больничных кассах. Точно также отказались заводоуправления от оплаты забастовочного времени. Правда, некоторые согласились не рассчитывать забастовщиков, но большинство и на это не пошло.

С точки зрения экономического эффекта январская стачка окончилась незначительной победой рабочих. Несравненно большее значение имела эта стачка в смысле углубления организационной спайки среди екатеринославских металлистов. С этого времени начинают все рельефнее обнаруживаться первичные формы профессиональной организации в виде собрания цеховых делегатов. Делегаты постоянно выступают в качестве представителей рабочих и заставляют с собой считаться, как с выборными органами, за спиной которых стоит рабочая масса.

Тов. Меренков, бывший брянец (впоследствии член правления первого в Екатеринославе союза металлистов) описывает в своих воспоминаниях работу первого делегатского собрания на брянском заводе. «После окончания забастовки, — рассказывает он, — мы приступили к выбору цеховых делегатов и созвали общезаводское собрание делегатов. Состав собрания в своем большинстве был беспартийным, партийцев было только два: я и Фоменко. Самым влиятельным из беспартийных был Молотвин. Делегатским собранием, для ведения переговоров была выделена группа в 8 человек».

Далее тов. Меренков описывает первые достижения делегатского собрания: «В начале марта молодежь литейного цеха вывезла на тачке мастера. Администрация потребовала увольнения 23 человек. После длительных переговоров с дирекцией, делегатскому собранию удалось добиться отмены постановления об их увольнении». Формально задача делегатского собрания заключалась в том, чтобы следить за выполнением требований, выдвинутых в январской забастовке и принятых заводоуправлением. Но собрание все более расширяло свои функции и организационный состав, вовлекая все новые цеха. Вскоре на брянском заводе появился Г. И. Петровский, который поступил на работу в механический цех. Тов. Петровский был избран от механического цеха в делегатское собрание завода и очень оживил работу цеха. Руководящий центр брянского завода помещался в подвальной части кочегарки. Сюда приходили представители цехов и здесь обсуждались общезаводские вопросы.

Руководителями движения на заводах были: на брянском — т. т. Петровский, Меренков, Булыгин, на трубном—Востров, на заводе Гантке—Захарченко, Скульский, Таран и др.

Январская забастовка и рост организованности рабочих стимулировали собой стремление к усилению организованности также и на противоположной стороне — у промышленников. Заводчики-металлисты имели уже свое об'единение. Но это казалось недостаточным. Так как и среди горняков забастовочное движение все разрасталось, то решено

было об'единить действия горнопромышленников и металлозаводчиков. Такое об'единенное совещание состоялось в Екатеринославе 17 февраля. На совещании обсуждались требования, пред'явленные рабочими в последнее время.

Протокол совещания велся в форме вопросов, определяющих требования рабочих и ответов, определяющих решения совещания по поводу этих требований.

Вот решения этого совещания:

«*Вопрос 1-й:* 8-часовой рабочий день.

Ответ: Подобное сокращение рабочего дня невозможно, так как оно бы привело заводы к разорению и закрытию. Что касается 9-часового рабочего дня, введенного в казенных железнодорожных мастерских, он был бы также разорителен для частной промышленности, обязанной давать какой-нибудь, хотя и весьма скромный доход на затраченный капитал.

Далее собрание признало, что уменьшение числа рабочих часов в прерываемых производствах ниже 10-часовой нормы в день в настоящее тяжелое в экономическом отношении время невозможно. Уменьшение 12-часовой работы при непрерывном производстве признано невозможным, при чем указывается, что рабочие при подобном производстве фактически имеют свободные промежутки для завтрака, обеда и отдыха в общей сложности не менее 2 — 3 часов.

Вопрос 2: Государственное страхование рабочих.

Ответ: Разрабатывается в настоящее время правительством и [вопрос] может быть решен законодательным порядком.

Вопрос 3: Отмена сверхурочных работ.

Ответ: Полная отмена сверхурочных работ невозможна.

Вопрос 4: Свободные собрания рабочих для обсуждения своих нужд.

Ответ: Не только возможно, но и желательно, но исключительно для обсуждения своих нужд и при условии ненарушения нормального течения заводской жизни.

Вопрос 5: Учреждение выборных от рабочих.

Ответ: Желательно и своевременно.

Вопрос 6. Организовать кассу для рабочих.

Ответ: Может быть проведено государственным порядком.

Вопрос 7: Отмена всяких штрафов.

Вопрос 8: Плата рабочим, изувеченным на заводе, — полностью, и заболевшим по независящим от завода причинам — половина подённой платы.

Ответ: Признано невозможным.

Ответ: Принцип страхования зиждется на том, что последствием несчастного случая не должна быть выгода для потерявшего, а потому признается, что норма, определенная зак. 2 июня — достаточна. Что же касается другого пункта требования, то устройство больничных касс желательно при участии в расходах не только рабочих, но и владельцев предприятий.

Ответ: Отказ.

Вопрос 9: Без согласия рабочих не рассчитывать кого-либо из них, а лишь совместно с выборными от рабочих.

Вопрос 10: Участие рабочих в определении расценки и в организации комиссии из рабочих для сношения с администрацией завода.

Ответ: Расценка должна производиться исключительно заводоуправлением. При недоразумениях желательно учреждение особого третейского суда, при равном участии представителей от предпринимателей и рабочих, в присутствии городского судьи или уездного члена суда.

Вопрос 11: За время стачки платить полностью.

Ответ: Признано невозможным и крайне нежелательным.

Что касается других вопросов, более специального характера, то собрание считает целесообразным, чтобы каждый завод решал их в каждом отдельном случае, сообразуясь с местными условиями.

В заключение, собрание, принимая во внимание значительность уступок, сделанных рабочим заводами, [признало], что дальнейшие уступки невозможны и с сожалением констатировало, что продолжение настоящей забастовки приведет лишь к разорению промышленности и необходимости закрытия заводов».

Заводчики организовались. Многотысячной армии пролетариата был противопоставлен малочисленный, но крепко спаянный экономически сильный, опирающийся на силу царских штыков и казацких нагаек, отряд промышленников и капиталистов.

Стачки и волнения рабочих не прекращались. Партийные организации Екатеринослава напряженно готовились к политической демонстрации. Большинство требований, принятых администрацией в январе, не были выполнены. Настроение рабочих на заводах сгущалось. Весть о событиях на «Потемкине» застала екатеринославскую организацию социал-демократов за подготовкой к забастовке. Решили начать забастовку 20 июня. Накануне, на Чечелевке, в 11 час. ночи собралось партийное совещание, на котором присутствовало до 600 человек — для окончательного обсуждения плана забастовки и демонстрации.

Власти были, разумеется, в курсе подготовляемых выступлений и принимали свои меры. В донесении на имя департамента полиции начальник екатеринославского охранного отделения писал: «16 июня мною были получены сведения о готовящейся забастовке. По моему распоряжению был вызван из лагеря и размещен в казармы батальон пехотного полка».

События начались на брянском заводе 20 июня. В 9 час. утра на завод прибыли руководители забастовки, призывавшие рабочих бросить работу. Завод был остановлен. Вслед за брянским бросил работу и трубный завод. Забастовало 11 заводов металлопромышленности, находившихся в Екатеринославе, на Амуре и в Нижнеднепровске. Тревожные гудки одного завода сигнализировали другому. Екатеринославская газета «Приднепровский Край» писала: «Весь заводской район, растянувшийся на десятки верст, прекратил свою деятельность в течение часа». По словам той же газеты, «директора заводов просили рабочих избрать делегатов для переговоров. Но рабочие ответили, что предварительно сами обсудят свои требования».

Прекратив работу, толпы рабочих со знаменами и песнями направились к железнодорожным мастерским. Были остановлены машины; это сопровождалось некоторым разгромом мастерских; выбили стекла, уничтожили мелкие части машин. Время от времени из рабочих рядов раздавались револьверные выстрелы в казаков, желавших разогнать рабочих. Вызванные полицией пехотные части поздно прибыли. Пока же разросталась демонстрация, впитав многотысячную толпу рабочих.

Событиям первого дня помешала начавшаяся к семи часам вечера гроза. Пришлось разойтись.

Настало утро 21 июня. Брянская площадь опять была местом сбора рабочих. Собравшаяся толпа рабочей молодежи была встречена нарядом полиции и казаков. Несколько револьверных выстрелов — вот вся защита молодежи. К 12 часам толпы рабочих превратились в демонстрацию. Часть направилась на железнодорожную станцию, выпустила пар из паровозов и окончательно остановила железнодорожное сообщение. На Успенской площади раздались выстрелы и появились раненые.

Открытый бой с полицией не на шутку перепугал екатеринославские власти. Государственный банк, казначейство, почтовые учреждения охранялись воинскими частями. Водокачка и электростанция работали под охраной войск. В городе были закрыты магазины, витрины плотно забивались досками. Были убраны рундуки на Озерном базаре, разбежался толкучий рынок. Замерла жизнь. Город превратился в вооруженный лагерь, по которому сновали казацкие патрули. События в городе и забастовка хлебопеков повысила цены на хлеб, черный хлеб стоил 8 коп. фунт.

22-го утром — опять толпы рабочих на Брянской площади.

23-го июня рабочие трубопрокатного завода и железнодорожного депо «Нижнеднепровских мастерских» под охраной воинских частей приступили к работам. Но после обеда рабочие трубного завода опять работу бросили. Целый день 23 июня не стихали волнения. А к вечеру— писала газета «Приднепровский Край» — «город окончательно замер, по бульварам только раздавался топот конных копыт казацких раз'ездов». Рабочие упорно продолжали забастовку, добиваясь выполнения пред'явленных требований.

Только 27 июня начальник охранки сумел телеграфировать директору департамента полиции: «Забастовка прекращается. Крупнейший брянский завод приступил к работе». Но некоторые заводы: трубопрокатный и гвоздильный Гантке продолжали забастовку. Первый был недоволен ответом администрации, второй совсем не получил ответа на свои требования.

Требования рабочих, пред'явленные заводам металлопромышленности, и на этот раз почти всюду были одинаковы. Приводим, как образец, требования брянцев:

1) 8-ми часовый рабочий день, 2) государственное страхование за счет хозяев, 3) организация кассы взаимопомощи для рабочих, 4) оплата за прогульный день по причине увечья в размере полного дневного заработка, а по болезни (не по причине ушиба) полдневного заработка, 5) уничтожение всяких штрафов, 6) не расчитывать без согласия комиссии из рабочих, 7) свободное собрание делегатов и неприкосновенность их личности, 8) участие комиссии от рабочих при выработке расценков, 9) увеличить заработную плату всем рабочим на 20%, вследствие увеличения косвенных налогов, 10) увеличить плату чернорабочим до 1 рубля в день, женщинам—на 25 копеек, мальчику, служащему при конторе, до 50 коп., а мальчикам, работающим в цехах до 80 коп., 11) за дни забастовки платить полный дневной заработок, 12) при увольнении рабочего администрации завода вознаграждать рабочего единовременно трехмесячным средним заработком, а также за каждый проработанный год платить средний месячный заработок, 13) пользоваться ежегодно месячным отпуском с сохранением среднего месячного заработка, 14) выдавать рабочим раз в год награду или привлечь их к участию в чистой прибыли предприятия, 15) построить бесплатно квартиры для рабочих или же выдавать квартирные от 3-х до 8 руб. в месяц, 16) отпускать уголь для рабочих по 6 коп. за пуд, 17) устроить отдельный приемный покой и палаты для женщин и детей рабочих, 18) устроить бесплатную библиотеку и читальню, 19) устроить вторую проходную в сторону фабричного поселка (в течение семи дней), 20) за эту забастовку никто не должен пострадать, 21) вывесить на видном месте по цехам расценки на сдельные работы, 22) вежливое обращение с рабочими со стороны администрации, 23) отмена вычетов на красный крест, все жертвуемые деньги должны поступить в пользу семейств воинов, ушедших на Дальний Восток, 24) за прогул не по вине рабочего оплачивать поденным заработком, 25) делегатам за прогульные дни вследствие собраний с ведома дирекции платить средний дневной заработок, 26) поставить здание для рельсоотделочного отдела, 27) увольнять по заявлению комиссии от рабочих тех лиц, которыми рабочие будут недовольны. Поставить плиты на всех складах угля, 29) устроить для детей рабочих ремесленные училища, 30) за сверхурочные работы платить полуторный заработок, а за праздничные дни в двойном размере, как поденным рабочим, так и сдельщикам, 31) платить больничные за праздничные, 32) в предпраздничные дни и в субботу кончать работу во всех цехах в 2 часа дня, а ночной смене в 10 час. вечера, 33) переустройство существующей или устройство новой труболитейной, более гигиенической, чем существующая, 34) организовать работу в яме труболитейной в 4 смены, 35) при определении вознаграждения рабочему за увечье допустить участие комиссии от рабочих, 36) отменить подрядные работы на всем заводе, 37) устранить со всех форток и проходных ворот завода полицейскую

стражу, которая возмущает совесть и нравственность рабочих при входе и выходе с завода».

Эти подробные требования свидетельствуют об их длительной проработке и о знании всех нужд рабочих.

На требования рабочих брянского завода администрация последних дала следующий ответ: 1) делегатам будут даны гарантии неприкосновенности личности, 2) вскоре будет открыто благотворительное общество при заводе, которое будет оказывать рабочим и их семьям помощь в случае несчастий, 3) будет устроено отдельное помещение в больнице на 25 коек и предположено построить амбулатории и аптеки, а освобождающиеся здания глазной больницы будут приспособлены для женского и детского приемного покоя, 4) будут устроены библиотека и читальня, 5) за забастовку никто из рабочих не пострадает, 6) требование о вежливом обращении принимается, 7) вычеты на красный крест будут прекращены, 8) за прогул не по вине рабочих будет уплачено, за исключением тех случаев, когда будут непредолимые препятствия, 9) делегатам, признанным заводоуправлением, будет оплачено время, проведенное ими на совещании по среднему поденному заработку, если собрание происходило с разрешения дирекции завода, 10) будут устроены ремесленные классы для детей рабочих, 11) плата за сверхурочные работы будет производиться в полуторном размере, как за поденные, так и сдельные работы, 12) подрядные работы будут отменены только в железопрокатном цеху».

Одновременно с этим правление брянского общества прислало следующую телеграмму директору завода: «все требования рабочих касательно увеличения зарплаты, сокращение рабочих часов и изменения порядка увольнения правление отвергает и предлагает вам при продолжении забастовки закрыть завод в субботу 25 июня». Так как телеграмма была поздно получена, то директор завода продлил срок до понедельника 27 июня. 27 июня, под угрозой закрытия завода, брянцам пришлось стать на работу.

Таким же, примерно, компромиссом закончилась июльская стачка и на других металлических предприятиях. Требования оплаты забастовочных дней и признание выборных были удовлетворены повсюду. Последнее обстоятельство имеет особо важное значение, так как создало условия для расширения и углубления элементов профессиональной организованности, которые раньше имели едва уловимые формы.

Июньская, как и январская забастовки, дали сравнительно слабые результаты в смысле реального улучшения условий труда. Это следует об'яснить отнюдь не недостатком классовой солидарности екатеринославских металлистов. Главная причина заключается в исключительной остроте кризиса, который сделал реальной угрозу закрытия предприятий, в некоторых случаях выгодного для предпринимателя.

Огромное значение имело, конечно, и отсутствие сколько-нибудь оформленных профессиональных организаций. И если эти забастовки следует все же признать успешными, то, главным образом, потому, что рабочие массы на опыте убедились в жизненной необходимости самостоятельной классовой организации и борьбы за право организации.

Это было залогом того, что дальнейшая борьба будет развиваться в более организованных формах и, при более благоприятной экономической обстановке, даст и лучшие результаты. Октябрьские события и последующий 1906 г. подтвердили это в полной мере.

Сообщил Ю. КРЕЙЗЕЛЬ.

Заводчики юга России и требования рабочих в 1905 г.

Печатаемый ниже документ извлечен нами из архива Харьковского паровозостроительного завода. Автором его является правление Русского паровозостроительного и механического общества, так наз. «Паровозосоюза», об'единявшего, между прочим, и Харьковский паровозостроительный завод.

«Паровозосоюз» все время держал директора Харьк. Паров. завода в курсе рабочей политики, проводимой на крупных механических заводах, информируя его об этом письмами, присылая соответствующий материал. Делалось это с целью не допустить установления на Харьк. паров. заводе лучших условий труда, чем на других однородных заводах.

Настоящая сводка также имела целью содействовать установлению единообразной рабочей политики. Но в то же время она отображает фактическую политику предпринимателей в отношении основных требований рабочего класса в 1905 году.

В этом несомненный, на наш взгляд, исторический интерес этого материала.

9 января 1906 года.

Свод сведений о требованиях, пред'явленных рабочими заводов Гартмана, Харьковского паровозного, Днепровского и Александровского Южно-Российского (Брянского о-ва) и ответы заводоуправлений.

а) 8-часовой рабочий день.
б) Отмена работ в сверхурочное время.
в) Окончание работ в предпраздничные дни и праздники.

а) Заводы Александровский, Южно-Российский и Днепровский требование это категорически отвергли, в виду того, что вопрос этот разрабатывается в законодательном порядке. В Харьковском паровозном введен 9½-часовой рабочий день. Заводы Гартмана ввели у себя 9-часовой рабочий день для рабочих третьей категории (рабочие металлического отдела с причислением к ним крановщиков, стропильщиков и моторщиков Паровозн. Отдела и котельной кузницы, все ремонтные слесаря, токаря, кузнецы трубопрокатного, прокатного, мартеновского, чугунно-литейного и кирпичного отделов, за исключением кузнецов при пробе сплавов).

б) Заводы Гартмана. — «Сверхурочные необязательные работы не принудительны, и установление за них какой-либо определенной платы было бы противозаконно, но в каждом отдельном случае должно быть добровольное соглашение. Обязательные же сверхурочные работы оплачиваются полуторной платой».

Харьковский паровозный. — Необязательные работы должны быть сокращены до крайнего предела. Плата за эти работы назначается полуторная.

Днепровский. — С марта месяца плата за праздничные и воскресные дни будет отмечаться всем рабочим полтора дня за день.

в) Рабочие требовали:

Александровский Южно-Русский — в предпраздничные дни оканчивать работы в 2 часа без вычета платы.

Днепровский. — «раньше обыкновенного времени».

Заводоуправления ответили:

Александровский Южно-Российский. — Сокращено рабочее время на 2 часа в цехах, где это возможно. В цехах, где работа производится с обеденным перерывом, — окончание работ в 2 часа дня.

Днепровский. — Так как работа производится в две смены, то требование признано неисполнимым.

Гартман. — Окончание работы с 1 час. дня в субботы и перед праздниками не решено до установления продолжительности рабочего дня.

Харьковский паровозный. — По субботам и накануне двунадесятых праздников рабочий день будет равен 8 часам.

Выборное начало. Свободная организация цеховых союзов. Составление расценок при участии выборных. Постоянные комитеты, как посредники между рабочими и работодателями. Неприкосновенность депутатов.

Гартман. — Вопрос об организации цеховых союзов и вообще представителей рабочих вне компетенции заводоуправления. О своих нуждах рабочие могут заявлять начальн. Отдел. и Директору завода. Вопрос об участии выборных при установлении расценок на сдельные работы, как вытекающий из первого, — отклонить.

Харьковский паровозный. — Приняты требования: 1) бригады или артели, работающие сдельно, выбирают без вмешательства мастеров, старшего (бригадира) с тем, чтобы он был хорошо знаком с техникой своего дела; порядок этот принят в виде опыта на один год; 2) о выборе комиссии от цехов для разбора нужд и недоразумений рабочих, причин увольнения мастеровых и рабочих, если от них поступят жалобы. Комиссия имеет дело с начальником цеха, а при несогласии с директором завода. Комиссия наблюдает за правильностью поступления штрафного капитала и выдает из него пособия в пределах, разрешенных фабричным уставом. Она же рассматривает вопросы об изменении выработанных заводоуправлением расценок задельных работ совместно с начальниками цехов под председательством директора завода. Комиссия эта свободно избирается всеми мастеровыми и рабочими. Вопрос о неприкосновенности выборных принят.

Днепровский. — На требование рабочих о выборной комиссии рабочих для обсуждения недоразумений между ними и администрацией и о том, что всякий рабочий может быть уволен лишь с согласия комиссии, Заводоуправление ответило, что ставить себя в зависимость в вопросах об увольнении рабочих оно не может, как равно не может согласиться и на разрешение недоразумений между ею [ним?] и рабочими в зависимости от взглядов последних, ибо «решающая власть должна принадлежать или представителям владельцев, или постороннему беспристрастному учреждению». Заводоуправление предлагает рабочим избрать из своей среды, по своему усмотрению, в каждом отделении по 4 человека выборных и обещает, что по всякому заявлению выборных, сделанному начальнику Отделения, последний будет лично производить тщательное дознание путем опроса рабочих отделения. Если заявление выборных основательно и справедливо, то на виновного налагается наказание,

а потерпевший удовлетворяется. Выборный может быть рассчитан лишь с письменного разрешения директора завода.

Александровский, Южно-Российский. — На требования рабочих: 1) без согласия комиссии от рабочих никого не рассчитывать, 2) делегатские собрания и неприкосновенность личности рабочих делегатов, 3) участие комиссии при выработке расценок на задельные работы и 4) увольнение по заявлению комиссии лиц, которыми рабочие будут не довольны, — заводоуправление ответило, что определение отношений между фабрично-промышленниками и рабочими должно быть производимо не иначе, как в законодательном порядке, вследствие чего никакие организации сих отношений, не предусмотренные в законе, не должны быть допускаемы. Что же касается собраний делегатов рабочих и неприкосновенности личности таковых, то заводоуправление признает за рабочими право заявлять через делегатов о своих нуждах, гарантирует неприкосновенность личности депутатов и собраниям последних не препятствует; по желанию рабочих собрания могут происходить в определенный день месяца и место для них выбирается по соглашению с заводоуправлением. Требование об увольнении, по заявлении комиссии от рабочих, тех лиц, которыми рабочие окажутся недовольны, признано неисполнимым, потому что право это принадлежит исключительно Заводоуправлению.

Плата мастеровым, рабочим, чернорабочим и ученикам.

Гартман. Рабочие требовали: 1) плата чернорабочим не менее 1 рубля в день, 2) ученикам 50 коп. с прибавкой по усмотрению не более, как через 6 месяцев, 3) поденно работающие мастеровые должны пользоваться процентами не менее 50 коп. на один рубль, 4) отмена ограничения процентного заработка на сдельные работы и 5) повышение платы по расценкам на 30%.

Администрация завода ответила: на п. 1) получающие менее 90 коп. и прослужившие год и более, получают прибавку по 10 коп., 2) ученики вознаграждаются по способности, 3) плата устанавливается по трудоспособности, 4) ограничение процентного заработка на сдельные работы не существует и 5) общего повышения заработной платы сделано быть не может, но будут приняты меры к урегулированию таковой.

Харьковский паровозный. — Рабочие требовали: 1) плату чернорабочим добавить до 1 руб., поступающим вновь не менее 80 коп., 2) мастеровым, по испытании, назначить плату от 1 руб., если же будет поставлен на ремонтные работы, то платить от 2 руб. и дороже, 3) причислить к ремонтным проводников паровозов, 4) учеников принимать на 4 года с жалованьем — первый год по 30 коп. в день, с ежегодными прибавками по 10 коп., после 4-х лет зачислять в мастеровые с жалованьем 1 рубль.

Администрация завода ответила: на п. 1) работающим без аккорда 80 коп., работающим без аккорда в чугуннолитейной и медно-литейной— от 90 коп., п. 2) принять. Слесарям на ремонтных работах, если все производимые ими работы будут производиться без аккорда, назначается 1 руб. 75 коп., п. 3) если слесарь в командировке и ему, как проводнику паровоза, получающему 2 рубля, по возвращении приходится ожидать новой командировки, то он получает не менее 1 руб. 75 коп., п. 4) принят полностью.

Вместе с сим пред'явлено требование рабочих электрической станции причислить их как общих рабочих по ремонту, на что заводоуправление ответило: плата рабочим и мастеровым электрической станции назначается следующая: установщикам-рабочим—1 руб. в день, установщикам-электротехникам — 1 руб. 75 коп. Сверхурочная работа за особую плату. Рабочий день 9½ часов. Чернорабочим-чистильщикам котлов, маслокачателям и проч. по 80 коп. в день. Сверхурочных работ не полагается. Рабочий день 9½ часов. Углевозам — 1 руб., за ночное дежурство (от 6 час. вечера до 6½ утра) тоже 1 рубль, в праздничные дни дежурства тоже.

Кочегарам ученикам —	1 р. при условиях, как для углевозов.
Кочегарам	1 р. 50 к.
Смазчикам	1 » 20 »

Слесарям—1 руб. 75 коп. Рабочий день 9½ час. Сверхурочные работы оплачиваются особо и допускаются лишь в крайнем случае. Рабочим при водопроводах плата 1 руб. Смены 12-ти часовые.

Днепровский. Рабочие требовали: 1) плату чернорабочим назначить не ниже одного рубля, 2) малолетним—не ниже 75 к., 3) всем рабочим увеличить поденную плату на 20%, 4) увеличить цены на поштучную и штучную работу, 5) не вписывать фиктивное жалованье в расчетную книжку.

Заводоуправление ответило — на п. 1) плата рабочим при приеме— 80 к. в день, с увеличением через 6 месяцев до 90 к., 2) плата малолетним, как ученикам, по прежнему будет назначаться Начальн. Отд., 3) увеличение поденной платы —на 20%, как разорительное для Общества, отвергнуто, 4) в виду кризиса, переживаемого всей русской промышленностью, отвергнуто, 5) не принято.

Александровский Южно-Россиийский.—На требование рабочих об увеличении заработной платы на 20%—«вследствие увеличения косвенных налогов» плата чернорабочим до 1 руб., женщинам до 75 коп., мальчикам при конторе до 50 коп. и мальчикам, работающим в цехах, — до 80 коп.; о выдаче один раз в год наградных или участии в прибылях предприятия и о бесплатных квартирах или выдаче квартирных денег в размере от 3 руб. до 8 руб. в месяц, — заводоуправление ответило, что, несмотря на крайне тяжелое положение завода и вообще

Брянского Общества, правление всегда шло навстречу по пути к удовлетворению мастеровых и рабочих с целью улучшения их быта: расценки в случаях весьма многочисленных повышены, работа в дни и ночи в предпраздничные и праздничные оплачивается теперь значительно выше, чем прежде, что при нормальной работе должно заметно поднять общий заработок мастеровых и рабочих. Далее — школьное дело расширяется, строится обширное здание школы; дело помощи больным также расширяется — введена помощь на дому, строится два новых здания больницы и пр. Расширяется здание аудитории, где между прочим будет помещена читальня, строится столовая, ожидальня для жен рабочих и бани с душами. Сделать что-либо большее в такое трудное время для Общества правление не имеет возможности.

Выдача заработной платы.

Харьковский. — Плата будет выдаваться 15 и 30 числа. В день платежа работа прекращается на 1 час ранее обыкновенного.

Гартман. Рабочие требовали плату производить 1-го и 15-го, если числа эти придутся в праздники, то выдавать накануне и в рабочее время. — Заводоуправление ответило, что уплата будет производиться по составленной табели, в промежутки более двух недель будет дополнительная выдача в счет заработка. Платеж будет производиться в рабочее время.

Штрафы и вычеты.

Днепровский. — Рабочие требовали отмены вычетов за брак, не зависящий от рабочих, и полного уничтожения всех штрафов и прогулов. — Заводоуправление требование об отмене вычета за брак приняло. Отмена штрафов, вычетов за прогульные дни и разные неисправности не признана возможной, в видах поддержания порядка и дисциплины, иначе неисправных рабочих пришлось бы рассчитывать. От вычетов за прогулы будут освобождаться лишь те, у которых отмечено не менее 26 рабочих дней в месяц.

Харьковский. — Рабочие требовали: 1) отмены вычетов за брак, происходивший не по вине рабочих, уплаты за него полностью, а также уплаты за работы, переделывающиеся по неправильности чертежей, 2) отмены штрафа и взысканий за сломанные при работе инструменты, а также вычета стоимости лампочек, 3) отмены штрафов за прогулы до 3 дней; взамен сего, за действительно прогуленные без нужды дни, рабочий отправляется на 2 дня в отпуск.

Заводоуправление 1 и 2-е требования приняло, а требование 3-е передается в комиссию из мастеровых и рабочих для обсуждения совместно с администрацией завода.

Александровский Южно-Россиийский. — Рабочие требовали отмены всех штрафов (ответ см. 2... «определение отношений»...).

Государственное страхование. Вознаграждение увечных, плата больным. Пособия.

Гартман. — Рабочие требовали: 1) выдачи полного заработка при поранении на заводе, при обычном заболевании — половины, 2) на случай смерти одному из членов семьи выдавать пособие, 3) с рабочих, получающих окладное жалованье (месячных) не высчитывают за время болезни.

Заводоуправление ответило: 1) указывается на закон 3 июня 1903 года, пособия выдаются из штрафного капитала, иногда дополняются из средств завода, 2) ответ тот же (см. п. 1), 3) принято.

Харьковский. — Рабочие требовали «рабочему, проболевшему более 3-х дней, за все время, болезни получать полжалованья».

Заводоуправление ответило, что в принципе оно согласно на выдачу пособия за время болезни, но окончательно решит этот вопрос по выяснении расхода на эти пособия.

Днепровский. — Рабочие требовали: 1) выдачи полного заработка за ушибы на заводе по рассчету последних 3-х месяцев, половинной платы заболевшим за все время лечения, при желании больного лечиться на стороне в течение 2—3 месяцев—давать разрешение с уплатой вышеуказанного, 2) выдачи пособий при родах и похоранах семьям рабочих. Уничтожение платы за крещение, похороны, бракосочетания и проч.

Заводоуправление ответило: на п. 1, указывается на закон 3 июня 1903 г. Предложено рабочим по своему почину и под управлением выборных основать больничную кассу. Общество охотно помогло бы в этом деле выдачей кассе пособия в размере 1% действительного заработка всех рабочих, которые обязательно вносили бы в кассу 2—3 процента от своих действительных заработков; тогда и вопросы о выездных больных рабочих на сторону для лечения и о выдаче им из кассы пособий решались бы самими рабочими, 2) в случае смерти рабочего, жены рабочего или родного их ребенка будут выдаваться пособия от 10 до 30 руб., в зависимости от заработка рабочего и его семейного положения, и лишь тем, кто зарабатывает менее 50 руб. в месяц.

Александровский Южно-Россиийский. — Рабочие требовали: 1) государственное страхование, 2) за прогульный день по причине увечья платить полный дневной заработок, а по болезни не от увечья—полдневный, 3) при определении вознаграждения за увечье допустить участие комиссии от рабочих, 4) организация кассы взаимопомощи.

Заводоуправление ответило (см. вопр. 2 «определение отношений»). Кроме того, заводоуправление полагает полезным и своевременным устроить благотворительное общество для оказания помощи рабочим и их семьям на случай несчастья, при чем Общество это может существовать независимо от тех учреждений для обеспечения рабочих, которые могут быть введены впоследствии путем законодательным, как форма общая.

Будет сделано все возможное, чтобы Общество начало свои действия в текущем году.

Медицинская помощь.

Требования рабочих сводятся, главным образом, к следующему: 1. Врачи должны являться к больным лично, не посылая за себя фельдшеров. 2. Увеличение медицинского персонала. 3. Обращение к врачам специалистам за счет завода. 4. Бесплатный отпуск лекарств по рецептам частных врачей. 5. Удаление некоторых лиц медицинского персонала. 6. Вежливое обращение с больными со стороны медицинского персонала.

Ответы заводоуправлений сводятся в общем к следующему:

Будет обращено внимание на отношение врачей и медицинского персонала к своим обязанностям. Качество лекарств будет улучшено. По рецептам частных врачей лекарства из заводских аптек будут отпускаться рабочим и их семействам при удостоверении болезни лиц, коим лекарство требуется.

Амбулаторный прием будет упорядочен. — Заявление рабочих одного завода об отношении медицинского персонала к больным «нельзя признать правильным» — доподлинно известно, говорит заводоуправление, что все от врача до аптекаря «работают на пользу больных, не покладая рук, добросовестно и любовно» и что «они обращаются с больными вежливо и заботливо». Требование рабочих другого завода об увольнении врача и фельдшера, как ни на чем не обоснованное, отклонено. На одном заводе пред'явлено требование «улучшения пищи и обращения в больнице». — Заводоуправление отвечает, что будет обращено внимание.

Санитарное дело.

Харьковский. — Рабочие требовали: 1) улучшение гигиенических условий в цехах: кузнечном, медницком, медно-литейном, котельном, бандажном, в депо малярной и чугунно-литейном, 2) улучшить санитарное отношение помещений для квартир заводской колонии, понижение квартирной платы на 2 рубля.

Заводоуправление требование 1-е приняло, а по 2-му ответило, что меры к улучшению санитарных условий в квартирах будут обсуждаться совместно с представителями от рабочих и приведены в исполнение.

Днепровский. — Рабочие требования: 1) устройства бесплатных удобных бань для рабочих и их семейств и устройства баков для чая на круглый год, 2) улучшения рабочих помещений, парового отопления, вентиляции, удобных помещений для завтраков и обедов, 3) улучшения санитарного надзора.

Заводоуправление ответило: на п. 1. Принят. Директор-распорядитель полагает, что сумма на постройку бань (около 50.000 руб.) акцио-

нерами будет ассигнована. Плата за пользование банями — по таксе, утвержденной Окружн. Инженером. 2. За неуказанием помещений, подлежащих улучшению, ответа не дано; помещения для завтраков и обедов будут устроены там, где таковые необходимы и где для них есть свободные места. 3. За неуказанием причин, вызывающих требование об улучшении санитарного надзора и где он должен быть улучшен, — определенного ответа не дано.

Александровский Южно-Россиийский. — На требование о переустройстве существующей или устройство новой труболитейной, более гигиенической, чем существующая, — заводоуправление ответило, что необходимые и возможные улучшения производятся. Проект нового здания труболитейной разрабатывается.

Школьное дело.

Гартман. — На требование рабочих об устройстве бесплатного низшего технического училища и библиотеки. — Заводоуправление ответило, что школа при заводе будет расширена и при ней будут устроены ремесленные классы. Библиотека будет устроена.

Днепровский. — Рабочие требовали — расширить здание и программу училища с введением польского языка и обучением техническому ремеслу, удаления частных учеников и заведующего училищем за нерадение. — Заводоуправление ответило, что вопрос о расширении здания училища будет внесен на рассмотрение общего собрания акционеров; введение польского языка зависит не от Общества. — В преобразовании училища в ремесленное нет надобности, ибо дети рабочих, окончившие училище, могут обучаться ремеслам, работая на заводе рядом со своими отцами. Удаление детей частных лиц директор завода считает бесчеловечным. Анонимное обвинение заведующего училищем в нерадении признано голословным, и Общество не может лишать себя в угоду рабочим административной свободы, почему в требовании этом и отказывает.

Харьковский. — На требование об учреждении при заводе ремесленной школы, чтобы приготовить специальных мастеров, отвечено отказом, в виду несвоевременности.

Квартирный вопрос. О топливе.

Днепровский. — На требование рабочих: 1) о выдаче бесплатных квартир или квартирных денег всем рабочим, как и служащим и 2) установлении платы за уголь не выше 9 коп., кокс—6 коп. за пуд с отпуском такового за счет заработка. — Заводоуправление ответило: 1. Устройство жилых домиков для квартир обойдется в 12.000.000 рублей, а выдача квартирных денег, считая по 7 руб. в месяц каждому, вызовет расход в 504.000 рублей. Таких расходов Общество вынести не может, а потому в требовании этом отказывает. 2. Уголь будет отпускаться по

своей цене, т.-е. по 12 коп., мелкий кокс по 6 коп. Кокс будет отпускаться только семейным и не более 30 пуд. в месяц. — Отпуск кокса и угля в счет заработка.

Александровский Южно-Российский. — На требование рабочих об отпуске угля по 6 коп. — прямого ответа не дано (см. ответ по п. 3).

Отмена подрядных работ и замена их заводской.

Требование это пред'явлено на заводах Днепровском, Александровском Южно-Российском.

Заводоуправления ответили:

Днепровский — подрядные работы будут постепенно уменьшаться, но вывести их раньше начала 1906 года нельзя. — Строительные работы попрежнему будут исполняться подрядным способом.

Александровский Южно-Российский — подрядный способ существует издавна и новый способ без опытов рискован. Заводоуправление рассматривает этот вопрос.

Уплата за время забастовки.

Харьковский паровозный. — Требование об уплате поденного заработка за дни забастовки заводоуправлением принято.

Александровский Южно-Российский. — В требовании отказано.

Увольнение лиц, замеченных в доносе.

Гартман. — Требование принято охотно.

Днепровский. — Не прибегая и не намереваясь прибегать к услугам доносчиков, Администрация впервые узнает о существовании таковых. Если рабочими будет доказан факт доносов, то виновные, как безнравственные, будут немедленно увольняемы.

Удаление лиц заводской администрации по указанию рабочих.

Указанное требование пред'явлено на 3 заводах, при чем мотивы этих требований следующие:

1) Рабочие, требуя увольнения двух инженеров и трех мастеровых за «наглое урезывание процентов» и грубое с ними обращение, получили ответ заводоуправления, что в выборе лиц, коим доверено ведение отдельных частей предприятия, Общество не может подчиниться воле рабочих и никогда на это не согласится. Плата рабочим производится по утвержденным Директором завода штатам, а потому и заявление рабочих о наглом урезывании процентов признано несправедливым.

2) Рабочие, требуя увольнения инженеров, 5 мастеров, заведующего проходной конторой, 2 монтеров и др. и вообще замены по возможности мастеров инженерами, — получили ответ заводоуправления: инженер

и два мастера уволились по прошению; слесарь и строгальщики увольняются; монтер и прочие агенты, по представлении доказательств об их злоупотреблениях, будут немедленно уволены.

3) Рабочие, требуя увольнения особо ненавистных мастеров, получили ответ, что до представления фактических данных требование не может быть удовлетворено.

Удаление полицейской стражи и замена ее сторожами. Отмена обысков.

Гартман. — Городовые будут удалены и заменены строжами.

Александровский Южно-Россиийский. — Полицейская стража, возмущающая по словам рабочих их совесть и нравственность, заменяет собой вольнонаемных сторожей, без которых завод обойтись не может.

Днепровский. — На требование рабочих. — «Полиция и священники, чтобы не имели ничего общего с заводскими рабочими, что касается вне завода и не заявлять сего по начальству для выдачи таковым расчетов». — Заводоуправление ответило, что ни полиция, ни священники никогда не обращались к заводской администрации с просьбами или требованиями о расчете рабочих, кроме случаев, законом указываемых. Священники же неоднократно просили о приеме того или иного рабочего.

Требование рабочих о вежливом с ними обращении со стороны администрации и служащих заводоуправлений, принято всеми заводоуправлениями с указанием на желательность такового и со стороны рабочих.

Принятие на заводы арестованных, после освобождения, и делегатов рабочих. Рабочие, принимавшие участие в забастовке, не преследуются.

Гартман.—Заводоуправлением принято требование о том, что рабочие, участвовавшие в забастовке, не должны подвергаться преследованиям.

Харьковский паровозный. Заводоуправлением принято требование о том, что рабочие, арестованные не по уголовному делу, сохраняют свои должности и по освобождении принимаются на завод.

Требования рабочих, не вошедшие в группировку.

Гартман. 1) Принято требование об отмене расписок о приеме мастеровых и рабочих на 2 месячный срок. 2) Отказано в упразднении расписок на очки. 3) Принято требование об отмене монтеров, получающих жалованье от бригады.

Днепровский. Требование рабочих, чтобы «доктора при освидетельствовании вновь поступающего рабочего не должны браковать по незначительным недостаткам, с подписью рабочего о неимении претензий к заводу», заводоуправлением отклонено, ибо, в противном случае, если рабочий получит на заводе увечье, то Общество, по закону 3 июня 1903 г.

обязано вознаградить рабочего и за увечье, полученное им на заводе, и за увечье, с которым рабочий был принят. Требование, чтобы «каждый рабочий, прослуживший более года, может беспрепятственно пользоваться месячным отпуском, как и каждый последующий год с половинной платой месячного заработка, и по возвращении не подвергаться медицинскому осмотру» — вызвало ответ заводоуправления, что отпуски давались и будут даваться, но, поневоле, в случаях, когда отпускаемого можно будет заменить кем-либо из товарищей, не принимая нового рабочего со стороны. В уплате половины месячного заработка во время отпуска, как вызывающей добавочный расход до 120.000 рублей в год, отказано. Отмены медицинского осмотра по возвращении из отпуска, допущено быть не может. 3. Назначить судебное следствие, как того требуют рабочие, о «подкупе водкой, деньгами, и приписке лишних дней некоторым рабочим, с целью избиения 17 января забастовавших товарищей» — не во власти заводоуправления. Директор Завода с негодованием протестует против заявления рабочих «о подкупе водкой»... Рабочие доменного отделения получили 63 руб. награды за то, что они остались на ночь на работе и тем оградили Общество от убытков.

Харьковский паровозный. 1) Рабочие требовали, и заводоуправление согласилось, чтобы заработная плата за произведенные бригадами и артелями задельные работы, распределялась по общему согласию участников, бригады или артели.

2) На требование — о переводе учеников для усвоения дела с одной работы на другую в своем отделении и о том, чтобы ученики не были на однородной работе более 4-х месяцев, — заводоуправление выразило принципиальное желание о рассмотрении этого вопроса совместно с выборными.

3) Заводоуправление отклонило требование рабочих о прекращении выдачи мастерам и монтерам премий за работы, хотя рабочие и заявляют, что такая система очень вредно отражается на мастеровых. Отклоняя это требование, заводоуправление говорит, что служащие завода заинтересовываются посредством премии в общем удешевлении товара, главным образом, в отношении улучшения приемов работы, своевременности подачи сырого материала и полуизделий и т. д. Установление более совершенных машин и приемов должно удешевить изделия, но не должно влиять на уменьшение заработка соответствующего мастерового.

4) Принято требование, чтобы всякая открывающаяся должность замещалась мастеровым, а не чернорабочим.

5) Все рабочие и мастеровые, которым был заявлен расчет до забастовки, оставляются на заводе до выяснения комиссией выборных причин их увольнения.

6) На требование об увеличении рабочей силы во всех цехах для доставки материалов и подачи вещей к месту работ заводоуправление выразило свое согласие.

Александровский Южно-Российский. — Отклонены требования:

1) «При увольнении рабочего со стороны администрации завода вознаграждать единовременно 3-месячным средним заработком, а также и за каждый прожитый год платить средний месячный заработок и за потерю здоровья».

2) «Прослужа не менее 2 лет, пользоваться каждому рабочему ежемесячным отпуском с сохранением среднего месячного заработка, а вследствие болезни каждый рабочий, прослужив не менее одного года, должен пользоваться вышепоименованной льготой (указанной в настоящем пункте)».

3) О добавочной уплате четверти днл агентам железнодорожного цеха.

4) Чтобы все рабочие нанимались на одинаковых существующих условиях.

5) В ежегодном праздновании 1 мая.

Приняты требования: 1) О вывеске на видных местах цеховых расценок задельных работ. 2) О постройке здания рельсоотделочного отдела.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Статьи и очерки.

		Стр.
I.	**М. Джервис.** К истории профессионального движения в Одессе	5
II.	**С. Е. Лившиц.** Профессиональное движение в Казани в 1905—7 г. г. . . .	45
III.	**М. Заяц.** Экономическая борьба текстильщиков Московской области в 1905 г.	69

Мемуары, материалы и документы.

IV.	**П. Васильев-Северянин.** Первые шаги по пути к межсоюзному об'единению	111
V.	**А. Евдокимов.** Из воспоминаний тред-юниониста	116
VI.	**П. Колокольников (К. Дмитриев).** Отрывки из воспоминаний (гл. V)	129
VII.	**К. и Р.** Центральные Бюро в освещении охранки. (Сообщение)	154
VIII.	**К. Пнин.** Саратовский социал-демократический союз типографов. (Сообщение)	168

Из материалов московского истпрофа.

IX.	**Н. Мамонтов.** Движение рабочих по обработке благородных металлов в Москве в 1905 г. (По личным воспоминаниям)	180
X.	**М. Р.** Отчеты Московского ЦБ. (Сообщение)	200

Из материалов украинского истпрофа.

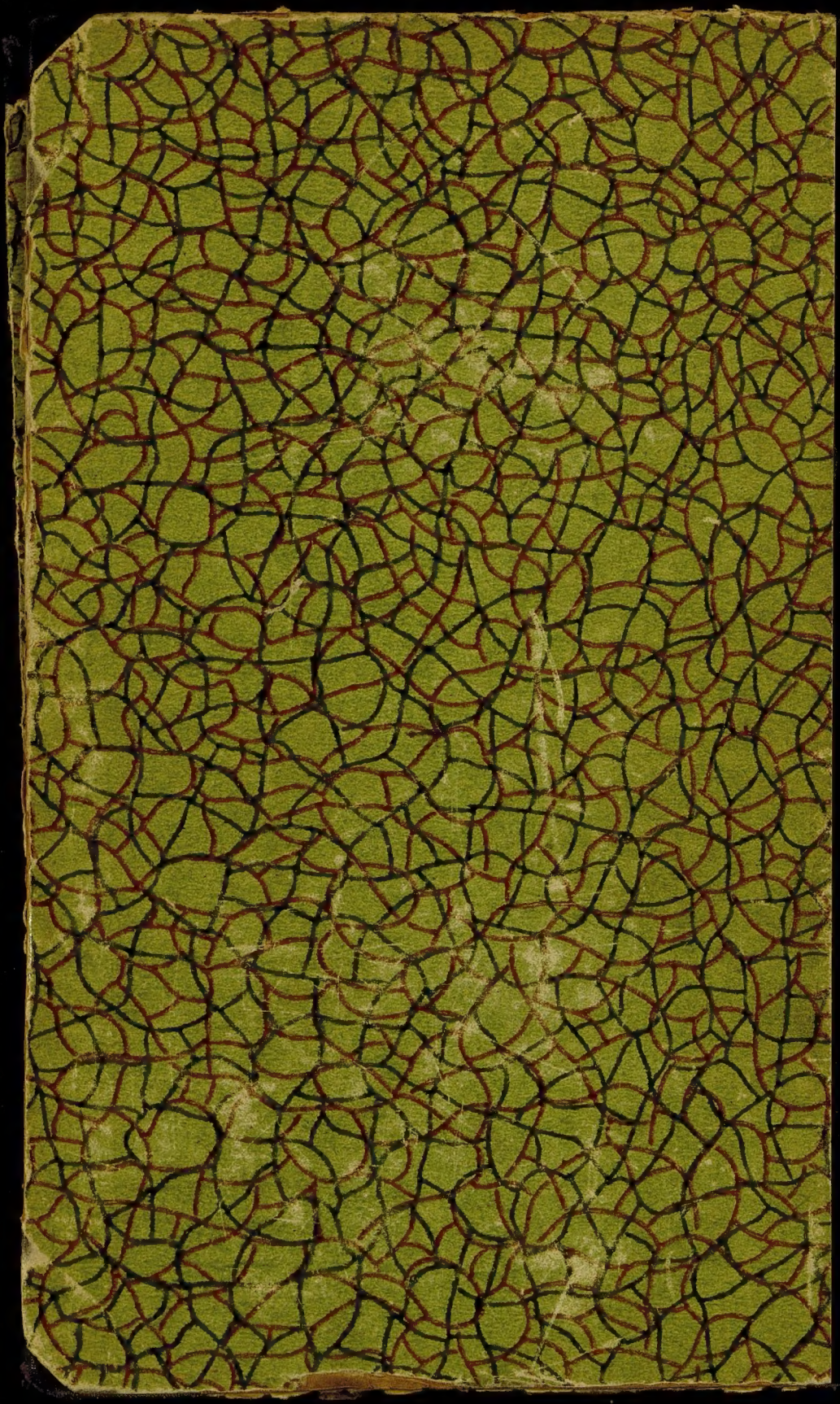
XI.	**Г. Новополин.** Забастовка подростков в Екатеринославе. (Воспоминания) .	209
XII.	**С. Мексина.** Первые стачки екатеринославских металлистов в 1905 г. . .	214
XIII.	**Ю. Крейзель.** Заводчики Юга России и требования рабочих в 1905 г. (Сообщение)	223

ОБ'ЕДИНЕННАЯ БИБЛИОТЕКА ... П.
ПОГИБШЕГО
ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Цена 2 р. 25 к.

Издательство ВЦСПС.
Москва, „11", Солянка 12. Дворец Труда.
Тел. № 5-08-32.

Книжный магазин:
Кузнецкий мост, д. № 14 (уг. Рождественки).

Северо-западное областное отделение:
Ленинград, Проспект Володарского, 53-а.

Сибирское краевое отделение.
Новосибирск, Дворец Труда.